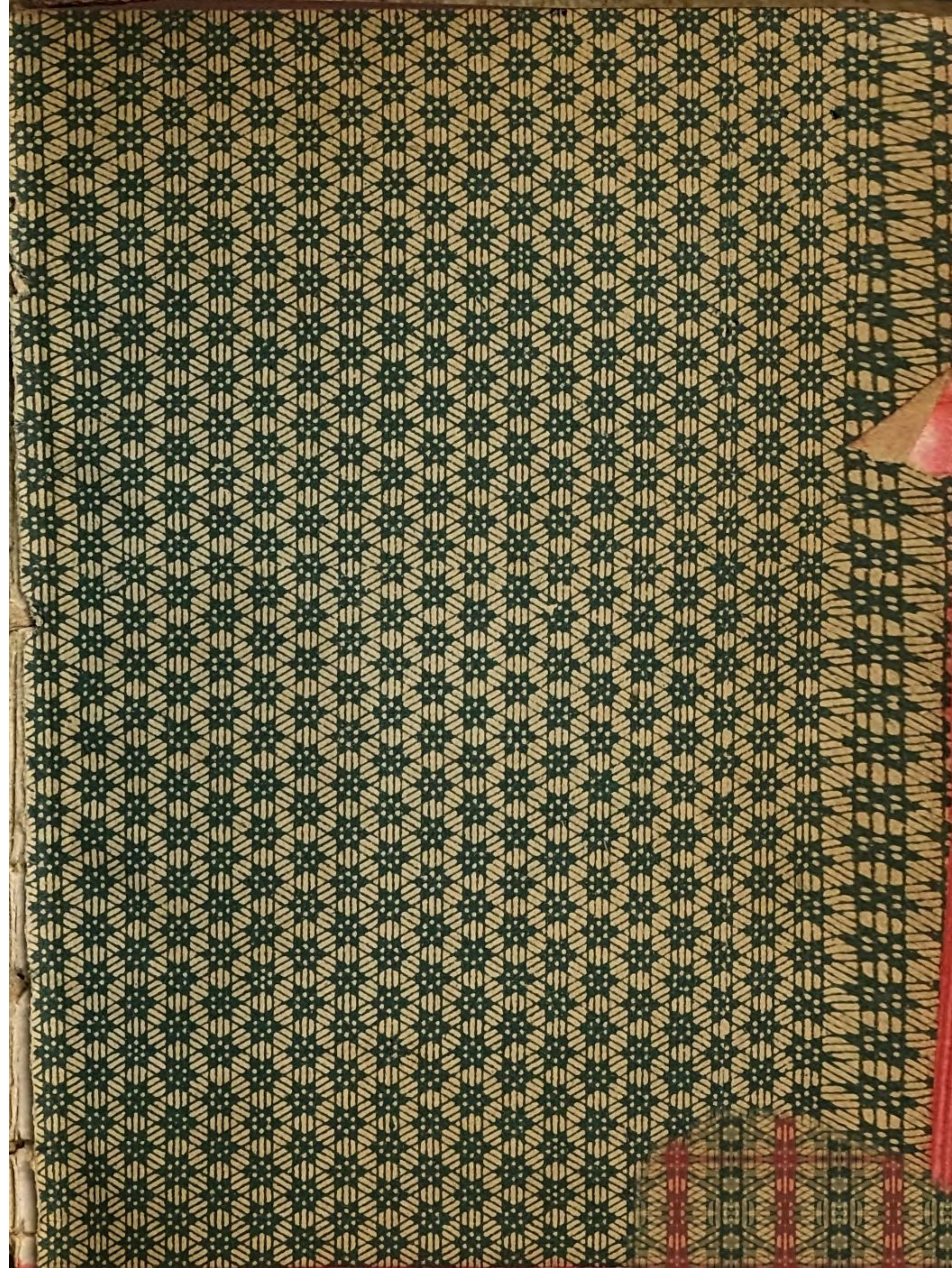

Benall

P. v. rel.

3448

(Gyárfi, J.)

ВОЛНА

Л. И. Брусилов

P. O. Tel.

(Gjapkin, L.)

3448

~~Handwritten text, possibly "Handwritten" or "Handwritten" with a large "2" at the end.~~

(Сваркин)

С

ВОЛНА

СБОРНИКЪ

русской художественной лирики

(1893)

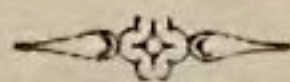
ПЕТРОГРАДЪ

ИЗДАНИЕ КРУНИСЛАВА ГЕРУЦА

= Div. p. 641

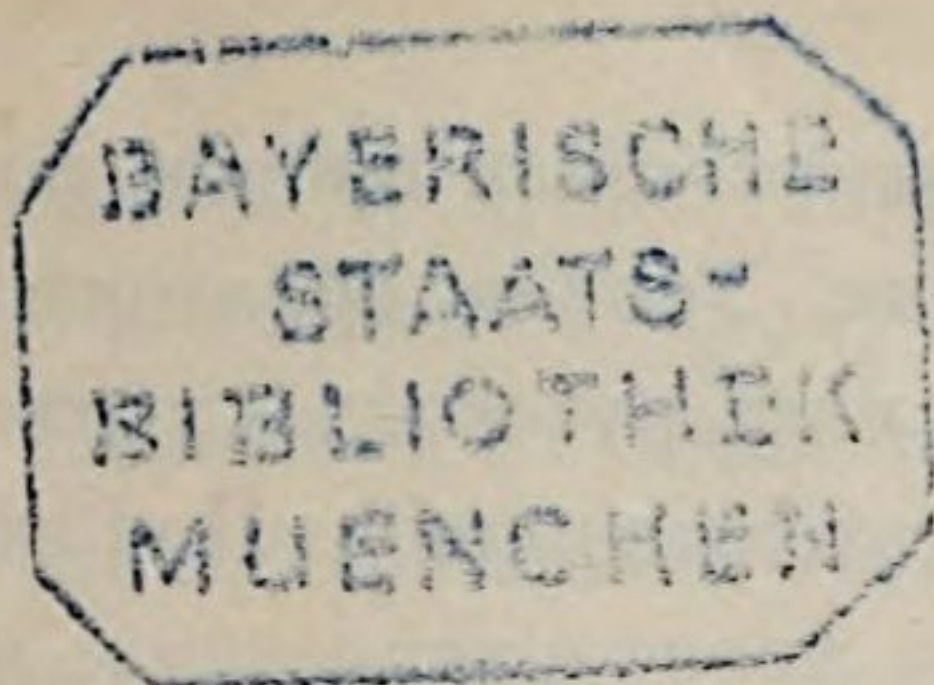
ОГЛАВЛЕНІЕ

	СТР.
Предисловіе	IX
I. Поэзія	1
II. Жнзненная борьба	13
III. Женицина	91
IV. Любовь	113
V. Родина	187
VI. Созерцаніе природы	219
VII. Смерть	293
VIII. Религія	321
Указатель стихотвореній	341
Указатель авторовъ	363

Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну ..

М. Ю. Лермонтовъ.

Въ настоящее время, время общаго унынія и тоски, міръ книгъ пріобрѣтаетъ для современнаго человѣка все большее и большее значеніе. Книга уноситъ читателя отъ тяжелой жизненной обстановки въ свѣтлое море мысли и чувства. На этомъ морѣ, какъ путеводныя звѣзды, блещутъ яркія свѣтила русской художественной литературы. Но, къ сожалѣнію, не всякому они видны и доступны: одному по незнанію, другому по бѣдности, третьему по недостатку свободнаго времени. Восполнить этотъ недостатокъ имѣетъ въ виду настоящее изданіе. Захватывая пока только широкій кругъ личнаго чувства, оно старается освѣтить его тѣмъ блескомъ сознательнаго его переживанія, памятниками котораго являются произведенія нашихъ лириковъ.

Человѣкъ, который живетъ не однимъ умомъ, а и сердцемъ, узнаетъ изъ нашего изданія, въ какія формы отлились чувства, пережитыя лучшими людьми нашей родины. Вотъ почему у насъ не помѣщены ни переводы великихъ писателей

запада, ни благоуханныя произведенія русской народной лирики. Такимъ образомъ нашъ сборникъ есть сборникъ русскихъ художественныхъ лирическихъ стихотвореній. При этомъ мы не послѣдовали ни хронологическому, ни алфавитному порядку.

Мы разбили стихотворенія на отдѣлы по объектамъ, производящимъ извѣстное впечатлѣніе и возбуждающимъ извѣстное чувство. Здѣсь, конечно, не мѣсто научной классификаціи чувствъ и эмоцій. Наше дѣленіе дано самою жизнью, ея цѣлостными явленіями, какъ волны захватывающими человѣческую душу. Область поэзіи, житейская борьба, женщина и любовь, родина и ея будущія судьбы, созерцаніе природы, смерть и ея тайна, наконецъ религія, завершающая сферу чувствъ, переживаемыхъ человѣкомъ,—таковы отдѣлы нашего сборника. Въ сторонѣ пока остались созерцаніе красотъ искусства, шутка, юморъ, гражданское чувство: въ нихъ слишкомъ много эпического, они доступны не всякому, личность является въ нихъ въ особомъ положеніи, высказывается не вполнѣ, они слишкомъ мимолетны, быстры, условны.

Смѣемъ думать, что главныя области чувства, гдѣ сказывается наше я, захвачены въ до-

статочной полнотѣ *). Стихотворенія выбирались не только по нашему личному чувству, но и по отзывамъ критики, и по установившимся симпатіямъ читателей. При этомъ, опасаясь сдѣлать книгу слишкомъ обширной, съ одной стороны мы должны были оставить въ сторонѣ многіе, можетъ быть, очень цѣнные, яркіе памятники поэтического творчества крупныхъ писателей. Съ другой стороны у насъ собраны произведенія поэтовъ различной силы и различнаго темперамента. Ихъ объединяло единство чувства: волна по сущности будетъ одна и та-же, не смотря на разницу въ величинѣ и формѣ — на ручьѣ, на рѣкѣ, на морѣ.

При расположеніи стихотвореній въ отдѣлахъ мы имѣли въ виду разныя степени развитія чувства. Стихотворенія расположены такъ, чтобы вызвать у читателя, и безъ того утомленнаго жизнью, примиряющее, спокойное, жизнерадостное настроеніе. По крайней мѣрѣ въ свѣтломъ мірѣ поэзіи человѣкъ долженъ находить то, чего не находитъ въ жизни, въ особенности въ наше время.

Объяснимъ нашу мысль подробнѣе. Возьмемъ

*) Въ сборникѣ 338 стихотвореній, выбранныхъ изъ 84 поэтовъ.

отдѣль «Любовь». Послѣ общаго лирическаго опредѣленія любви (стр. 115) мы встрѣтимъ стихотворенія, навѣянные долгимъ, неувѣнчавшимся стремленіемъ къ этому чувству (116). Далѣе идетъ зарожденіе любви (117—118), доходящее постепенно до невысказываемой пока страсти (119—122); боязнь объясниться (123—126) смѣняется признаніемъ (127—128). Завзаимностью (129—132) звучатъ аккорды первыхъ свиданій (132—133); страсть достигаетъ своего расцвѣта (134—138), появляются безпричинныя слезы (139—142), а за ними и сознательное отношеніе въ чувству (142—146). Но счастье мимолетно, боязнь потерять его и первыя размолвки (146—151) приводятъ постепенно къ разсудочному анализу и охлажденію (152—155). Разлука рѣшена (156—158), настаетъ минута прощанія (159—162). Тяжесть разлуки вмѣстѣ съ раскаяніемъ вызываютъ горькое чувство (162—169) и только въ воспоминаніи можно найти примиреніе (170—171). Но иногда разлука происходитъ отъ другихъ причинъ: она вызываетъ другія чувства къ любимому когда-то человѣку (172—175) или виною ея является смерть (176—180). Старая любовь преобразовывается въ новую, но не всегда воспоминаніе о старой уми-

раетъ (181—185)—любовь остается вѣчно живою потребностью человѣческаго сердца (186).

Отдѣлъ «Родина» представляетъ какъ бы музыкальную картинку. Послѣ простаго задумчиваго введенія (стр. 189) слѣдуютъ тихіе спокойныя напѣвы, прерываемые страстными мотивами южной гористой природы (190—192). Эти спокойныя напѣвы переходятъ въ задумчиво-грустный (193—197), почти молитвенный (198—199) тонъ, кончающійся фантастическими аккордами недостигнутаго идеала (200—201) и тяжелою безысходною тоскою (202). Но возрожденіе близко (203) и, не смотря на скорбное сомнѣніе (205—208), торжественно звучатъ гимны сознанія мощи отчизны (209—210) и ея будущихъ великихъ судебъ (211—217). Отдѣлъ заканчивается вызовомъ, брошеннымъ врагамъ Россіи и славянства (стр. 218).

Въ такомъ же родѣ расположены и другіе отдѣлы.

Не составителю, конечно, судить, на сколько вообще удалось ему собрать въ гармоническое цѣлое разбросанные аккорды и отдѣльныя мелодіи человѣческаго чувства, человѣческой души, но матеріаль «Волны» говоритъ самъ за себя.

Найдется въ сборникѣ, быть можетъ, кой-что

и для сравнительной психологіи творчества, но наша цѣль была другая.

Въ эпоху господства идеаловъ ума не лишне, думаемъ мы, напомнить о широкой области чувства, о вѣчныхъ идеалахъ красоты и добра. Немыслимо большинству человѣческаго рода жить исключительно только въ мірѣ чистыхъ умозрѣній, отвлеченныхъ истинъ. Рядомъ съ истиной всегда будутъ стоять идеалы красоты и добра. Нашу мысль отчасти иллюстрируетъ одно изъ послѣднихъ стихотвореній К. М. Фанова:

Какъ маяки въ пустынѣ водной
Намъ лучезарные умы
Роняютъ смѣло свѣтъ свободный
Въ хаосъ ничтожества и тьмы!
Но жизнь бы холодомъ знобила,
Но жизнь бы мудростью томила,
Какъ скучной сказкой безъ конца,
Когда-бъ не грѣли насъ лучами,
Когда-бъ не бились рядомъ съ нами
Другія,—добрыя сердца!

И. Шляпкинъ.

Спб. 14 Декабря 1892 г.

ПОЭЗІЯ

Э Х О.

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —

И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жь нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

А. С. Пушкинъ.

* * *

Мое сердце — родникъ, моя пѣсня — волна,
Пропадая вдали, — разливается...
Подъ грозой — моя пѣсня, какъ туча, темна,
На зарѣ — въ ней заря отражается.
Если жь вдругъ вспыхнуть искры нежданной любви,
Или на сердцѣ горе накопится —
Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
И волна уносить ихъ торопится.

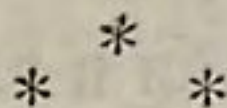
Я. П. Полескій.

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
 Роцѣ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
 Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
 Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
 Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
 Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
 Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
 Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
 Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
 Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
 Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
 Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался

[припомнить

Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой.
 Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
 Горькій безумецъ! ты думаешь, небо нетрудно
 Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
 Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и
[фавны.

А. Н. Майковъ.

Праздникъ жизни — молодости годы —
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни — не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: рѣзкованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ.

Все-жъ они не хуже плоской прозы,
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что-нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрых прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

Н. А. Некрасовъ.

П О Э З І Я.

Какъ я давно поэзію оставилъ!
Я такъ ее любилъ! я черпалъ въ ней
Всѣ радости, усладу скорбныхъ дней,
Когда въ снѣгахъ пустынныхъ міръ я славилъ,
Его красу и стройность вѣчныхъ дѣлъ,
Господнихъ дѣлъ, грядущихъ къ высшей цѣли
На небо, гдѣ мнѣ звѣзды не яснили;
И на землѣ, гдѣ въ узахъ я коснѣлъ —
Я тихо пѣлъ пути живого Бога,
И всей душой Его благодарилъ,
Какъ ни темна была моя дорога,
Какъ ни терялъ я свѣжесть юныхъ силъ...
Въ поэзіи, въ глаголахъ Провидѣнья,
Всецпреданный искалъ я утѣшенья —
Живой воды источникъ я нашолъ!
Поэзія — не Божій ли глаголъ,
И пѣньемъ птицъ, и бурями воспѣтый,
То въ раду, то въ молнію одѣтый,

И въ цвѣтъ полей, и въ звѣздный хороводъ,
Въ порывы тучъ, и въ глубь бездонныхъ водъ,
Единый вѣкъ и вѣчно разнозвучный?
О другъ, со мной въ печаляхъ неразлучный,
Поэзія! слети и мнѣ повѣй
Опять твоимъ божественнымъ дыханьемъ!
Мой вѣрный другъ! когда однимъ страданьемъ
Я мѣрилъ дни, считалъ часы ночей —
Бывало, кто приникнетъ къ изголовью
И шепчетъ мнѣ, цѣлитъ меня любовью
И сладостью возвышенныхъ рѣчей?
Слетала ты, мой ангелъ — утѣшитель!

А. И. Одоевскій.

СВОБОДНОЕ СЛОВО.

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:

Для истины — гибель она,
Спасенье — для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью — равно
Живить его жизнию новой...

Неправдѣ опасно одно —

Свободное слово!

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта — свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей, —
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...

Оружье свободныхъ людей —

Свободное слово!

О, слово, даръ Бога святой!...
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной —
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

К. С. Аксаковъ.

*
* * *

Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
Свой мощный стягъ, Свой мечъ святой.
Я ихъ пріялъ изъ Божьей длани,
Какъ жизни даръ, какъ солнца свѣтъ —
И пусть въ пылу на полѣ брани
Нарушу я любви завѣтъ;
Пусть, правый путь во тьмѣ теряя,
Я грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ, —
Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ одинъ!
Да, — наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ГРЕЗЫ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ.

Я сижу въ библиотекѣ, полный смутными мечтами,

На меня же смотрятъ книги золотыми корешками.

И мнѣ грезится: въ тѣхъ книгахъ души авторовъ
сокрыты;

Ихъ страданія и чувства въ тѣхъ листахъ печатныхъ
влиты.

Все, что жгло ихъ и терзало, всѣ ихъ мысли и
стремленья,

Все живетъ безсмертной жизнью здѣсь во славу
просвѣщенья.

Самый воздухъ здѣсь священенъ, здѣсь незримыми
крылами

Тѣни авторовъ великихъ вѣютъ въ воздухѣ надъ нами.

Л. И. Пальминъ.

СТАРАЯ КНИГА.

Книга старинная, книга забытая,
Ты ли попалась мнѣ вновь,
Глупая книга, слезами облитая
Въ годы, когда, для любви не закрытая,
Душа понимала любовь?

Съ жолтыхъ страницъ твоихъ ветхихъ, разорванныхъ,
Что же мнѣ вѣтъ опять?
Запахъ цвѣтовъ ли безъ времени сорванныхъ,
Звуки ли струнъ въ изступленіи порванныхъ,
Святой ли любви благодать?

Что бы то ни было — книга забытая,
О не буди, не тревожь
Муки заснувшія, раны закрытыя!
Прочь твои пятна, годами не смытыя,
И прочь—твоя сладкая ложь!

Ждешь ли ты слезъ? Ожиданія тщетныя:
Ты на страницахъ твоихъ
Слезъ сохранила слѣды неисчетные...
Были то первыя слезы завѣтныя!
Да что жъ было проку отъ нихъ?

Въ годы ли дѣтства, съ моленія шопотомъ,
Ночью ль безсонной потомъ
Лились тѣ слезы съ рыданьемъ и ропотомъ—
Что мнѣ за дѣло? извѣдалъ я опытомъ:
Съ надеждой давно не знакомъ.

Звать я на судъ тебя, книга лукавая,
Передъ разсудкомъ готовъ —
Ты содрогнёшься предъ нимъ, какъ неправая:
Ты облила своей сладкой отравой
Рядъ даромъ прожитыхъ годовъ.
А. А. Григорьевъ.

*

Надъ грудой пыльныхъ книгъ въ раздумьи я стою
И сердцу слабому такъ боязно, такъ больно,
И стихъ тоскующій слагается невольно
Въ душѣ моей, и я его пою,
Какъ бы послѣднюю святую литію
По мертвецѣ за тризною застольной...
Кладбище пылкихъ душъ, возвышенныхъ умовъ!
Сердца, страдавшія за вѣщими строками,
Разбились вы давно — и нѣтъ васъ между нами,
Но я рукой дрожащею готовъ
Разрыть духовный склепъ и слить съ родными снами
Сны мнѣ лепечущихъ изъ мрака мертвецовъ.
К. Фофановъ.

ПОЭЗІЯ.

Пока у алтаря, въ день свѣтлый воскресенья
Иль въ покаянный, будній день,
Ты видишь предъ собой свѣтъ въ правдѣ откровенья,
А за тобой — неправды тѣнь;
Пока ты чувствуешь благоговѣйный трепетъ,
Пока молитвенный твой лепетъ
Есть вѣра страстная, а не обрядъ пустой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока мечта твоя въ часы отдохновенья
О славѣ, о любви поетъ,
И дорого тебѣ твое уединенье —
И темный лѣсъ, и звѣздный сводъ;
Пока ты ищешь то, чего нигдѣ не встрѣтилъ,
И знаешь, какъ бы ты отвѣтилъ
Тому, кто бѣ грудь твою обжегъ своей слезой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока страстями ты себя не истиранилъ,
И не поникъ отъ скорбныхъ думъ,
И никакой туманъ еще не отуманилъ
Ни глазъ твоихъ, ни свѣтлый умъ;

Пока вникаешь ты въ задачу жизни сложной,
Пока ты вѣришь въ непреложный
Законъ любви, добра и истины святой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока въ тебѣ кипятъ и замыслы, и чувства,
И можешь ты негодовать,
Пока языкъ идей и красоты искусства
Тебя способны восторгать;
Пока въ трудѣ своемъ находишь ты отраду,
Въ друзьяхъ — свой судъ, въ любви — награду,
И не страшить тебя съ врагами честный бой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Когда же истина на вѣкъ тебя покинетъ,
И торжествующій обманъ
На міръ страдающій со всѣхъ сторонъ надвинетъ
Свой ослѣпительный туманъ,
Когда замолкнетъ все въ душѣ твоей тревожной,
И ты повѣдишь въ непреложный
Законъ неволи, зла и пошлости людской, —
Поэзія тебя покинетъ, милый мой.

Я. П. Полонскій.

ЖИЗНЕННАЯ БОРЬБА

СЛЕЗЫ.

Слезы людскія, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Ө. И. Тютчевъ.

КЪ РАДОСТИ.

О радость, радость, что же ты
Намъ скоро измѣняешь,
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ мракъ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою.

Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льешь очарованье
И оставляешь... свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье!

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится,
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая,
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не улаждая.

Такъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ,
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ;

Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами —
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

И. И. Козловъ.

*
* *
*

Бойкій вальсъ звучитъ изъ зала,
Весь въ огняхъ сосѣдній домъ,
И въ живомъ разгарѣ бала
Говоръ движется кругомъ.

Свѣтъ моей лампы скромной
Чуть проникъ ночную мглу,
Сквозь окно узоръ огромный
Мѣсяцъ пишетъ на полу.

Гдѣ-жъ вѣрнѣй для мысли пища,
Гдѣ свободнѣй для души,
Въ блескѣ ль шумнаго жилища
Иль въ моей нѣмой тиши?

А. И. Подолнскій.

* * *

На сердцѣ злоба накинѣла
Отъ заучённыхъ этихъ фразъ!
Слова! Слова! А чуть до дѣла,
Ни силъ, ни воли нѣту въ насъ!

Какъ мы сочувствуемъ народу,
Какъ объ его скорбимъ нуждахъ!
За правду мы въ сгонь и въ воду
Идти готовы... на словахъ.

Развить логически и здраво
Умѣемъ мы, что гибнетъ міръ;
Что богачей и нищихъ право
Одно на свѣтлой жизни пиръ.

И поучаемъ мы охотно,
Что лѣнь постыдна и вредна;
Что не затѣмъ, чтобъ кушать плотно
Да празднословить, жизнь дана.

А между тѣмъ, борьбы упорной
Или суроваго труда
Бѣжимъ мы съ трусостью позорной
И не краснѣемъ отъ стыда!

И кто, неправдою гонимый,
Себѣ нашелъ защиту въ насъ?
Безстрастно мы проходимъ мимо
Людскаго горя каждый часъ.

И фразы намъ всего дороже!
Насъ убаюкали онѣ...
Когда-жъ сознаемъ мы, о Боже! —
Что нѣтъ спасенья въ болтовнѣ?

А. Н. Плещеевъ.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окружень,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумъ музыки и пляски,
При дикомъ шопотъ затверженныхъ рѣчей,
Мелькають образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски;

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святыя звуки.

И если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернуть спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.

Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснить ужь грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня,
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всемогущій господинъ —
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою —
На праздникъ незваную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злобою!...

М. Ю. Лермонтовъ.

Гляжу на будущность съ боязнью,
 Гляжу на прошлое съ тоской,
 И, какъ преступникъ передъ казнью,
 Ищу кругомъ души родной!...
 Придетъ-ли вѣстникъ избавленья
 Открыть мнѣ жизни назначенье,
 Цѣль упованій и страстей?...
 Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
 Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
 Надеждамъ юности моей?

Землѣ я отдалъ дань земную
 Любви, надеждъ, добра и зла.
 Начать готовъ я жизнь другую...
 Молчу и жду... Пора пришла...
 Я въ мірѣ не оставлю брата;
 И тьмой и холодомъ объята
 Душа усталая моя:
 Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
 Она увяла въ буряхъ рока
 Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

М. Ю. Лермонтовъ.

ХАНДРА.

Бываютъ дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нѣтъ, ни чувствъ, молчатъ уста,
Равно печаль и радости постыли,
И въ тѣлѣ лѣнь, и двигаться нѣтъ силы.
Напрасно ищешь чѣмъ бы умъ занять—
Противно видѣть, слышать, понимать,
И только безконечно давить скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бѣжать? чѣмъ облегчить бы грудь?
Вотъ ночи ждешь—въ постель! скорѣй заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сонъ нейдетъ, а тьма томить докучно!

Н. Огаревъ.

БЕЗСОННИЦА.

Безконечная ночь, скоро-ль кончишься ты?
Скоро-ль солнце проглянетъ украдкой?
Безоградна судьба, безоградны мечты,
И въ крови, и въ костяхъ лихорадка ..

Призракъ старой любви предо мною встаетъ,
Какъ исчадье холодной могилы,
Душу давить тоской, сердце мучить и жжетъ,
Огнимаетъ послѣднія силы...

«Отойди отъ меня, безпощадная тѣнь!
«Не воскреснуть былыя надежды...
«Скоро скроюся я подъ могильную сѣнь
«И закрою усталыя вѣжды...

«Дай пощаду на мигъ; я въ борьбѣ изнемогъ;
«Отойди отъ меня съ сожалѣньемъ,
«Чтобъ мятежную жизнь я окончить бы могъ
«Хоть однимъ безмятежнымъ мгновеньемъ!»

П. А. Козловъ.

*

Душа порою устасть,
Она не любитъ, не желаетъ,
Отвѣта дружбѣ не даетъ
И даже слезъ не понимаетъ.
Ее блестящій жизни пиръ
Увлечь не можетъ къ наслажденью
И фантастическою тѣнью
Предъ нею движется весь міръ.
Угасла страсть, мечта безъ крылій,
Въ забвеніе разумъ погруженъ,
И незамѣтно въ немъ усилій,
Чтобъ отряхнуть свой тяжкій сонъ.
Чтожъ значить это онѣмѣнье
И чувствъ, и воли, и ума—
Изсякшей жизни-ль возрожденье
Или предсмертная дрема?...

А. И. Подолинскій.

* * *

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокой,
И жду: прійдетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

А. С. Пушкинъ.

ИТОГИ ЖИЗНИ.

Близка роковая развязка, —
И жизнь предъявляет свой счетъ,
Безсвязный, какъ долгая сказка,
Докучной фантазіи плодъ.
Хозяинъ невѣдомый міра
Въ немъ пишетъ безстрастной рукой
Всѣ радости шумнаго пира,
Всѣ чары юдоли земной...
За ласку красавицы милой,
За мысли свободный полетъ,
За грезы надъ славной могилой,
Онъ цѣну сурово кладетъ...
И юности свѣтлой забавы,
И вѣры обманъ золотой,
И блескъ упоительной славы —
Обложены данью одной.
Въ горячемъ чаду опьяненья
Мы всѣ за цѣной не стоимъ —
Тотъ платится мукой сомнѣнья,
Тотъ чувствомъ угасшимъ своимъ...
Заплатимъ измѣною друга,
Надежды обманутымъ сномъ,
Томленьемъ жестокимъ недуга
И наглымъ врага торжествомъ. —

И злобно дрожащей рукою
Досадный итогъ подведенъ:
Все взято цѣной дорогою,
Съ концами концевъ не сведемъ.

Ф. В. Орловскій.

Ц Ѣ П И.

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей,
И угнетенъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей.
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ —
И факель смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горить въ моихъ очахъ.
Любовь къ прекрасному, природа,
Младая дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода —
Все, все погибло для меня!

Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій —
И умираю ночь и день!
Порою, огонь души унылой
Воспламеняется во мнѣ:
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ-будто бы во снѣ;
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровію утолить.
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь,
Уже разумокъ мой смущенней
Забылъ и горе и печаль —
Готовъ... Но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ —
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ, трепетныхъ рукахъ.
Какъ рабъ испуганный, бездушнѣй,
Клянусь своей жребій я тогда
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

А. И. Полежаевъ.

* * *

Оглянусь ли кругомъ — какъ во мракѣ nocturno,
Ни откуда не вижу просвѣта,
Пѣсню-ль я запою — я за пѣсню свою
Отъ людей не услышу привѣта.

Не понять имъ огня, что сжигаетъ меня,
Ни стремленій моихъ, ни печали,
И все то, чѣмъ живу — пылкимъ «сномъ на яву»,
Безъ сомнѣнія, люди бъ назвали.

Каждый смѣлый порывъ, каждый честный призывъ
Изумленной встрѣчали улыбкой,
И пытаться найти къ сердцу братьевъ пути —
Вижу: горькою было ошибкой.

Замыкаясь въ себя, никого не любя,
Я мечталъ о покоѣ нирваны,
Иль съ безумной тоской самъ, своею рукой
Растравлялъ незажившія раны.

Я боролся съ собой, я боролся съ судьбой,
Но въ душѣ искра Божія тлѣла,
Загасить не могла безпросвѣтная мгла
Эту искру, что ярко горѣла.

И, язва и кляня, осуждая меня,
Пусть толпа забросает камнями, —
Я — счастливѣе ихъ, безучастныхъ, слѣпыхъ,
Поглощенныхъ своими страстями.

Вѣдь они, какъ рабы, упоенья борьбы
Не поймутъ, не упыются мечтами,
Не извѣдаютъ грозъ, и восторговъ, и грезъ,
Не заплачутъ моими слезами!

О. Н. Чюмина (Михайлова).

ТЕПЕРЬ НЕ ТО.

Ужъ теперь не то, что было прежде!
Грустно мнѣ, какъ вспомню о быломъ:
Раскрывалась сладко грудь надеждѣ
И мечтамъ о счастіи земномъ;

Въ горе я вдавалась безотчетно,
Безъ сознанья радостна была
И впередъ глядѣла беззаботно,
Не страшася ни людей, ни зла.

Ужъ теперь не то, что прежде было!
Равнодушно я гляжу на свѣтъ;
Въ сердцѣ грустно стало и уныло,
И желаній прежнихъ больше нѣтъ;

Жизнь теперь я лучше разумѣю;
Счастья въ мірѣ переставъ искать,
Безъ надежды я любить умѣю
И могу безъ ропота терять.

Ю. В. Жадовская.

ДИССОНАНСЫ.

Кончена жизнь, бесполезны усилія...
Грезы сналили отважныя крылья,
Сердце устало порывисто биться,
Время настало уснуть и забыться.
Пѣсня усталыхъ толпѣ не нужна,
Пѣсня страдавшихъ счастливымъ смѣшна...
Разумъ, могильщикъ людскихъ упованій,
Молча схоронитъ остатки желаній,
Молча схоронитъ послѣднія грезы:
Дальніе проводы — лишнія слезы...
Кинувшись развѣ въ объятья обмана,
Дерзкимъ безумьемъ упиться до пьяна?
Можетъ быть, смѣлую пѣсню споешь,
Можетъ быть, ею дѣтей увлечешь...

Мартовъ.

ДУМА.

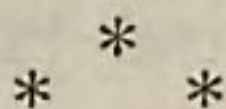
Отрады нѣтъ ни въ чёмъ. Стрѣлою мчатся годы,
Толпою медленной мгновенія текутъ.
Какъ прежде, въ рай земной насъ больше не влекутъ
Ни солнце знанія, ни зарево свободы.
О, кто пойметъ болѣзнь, сразившую нашъ вѣкъ?
Та связь незримая, которой человѣкъ
Былъ связанъ съ вѣчностью и связанъ со вселенной,
Увы, порвалась вдругъ! Тотъ свѣточъ сокровенный,
Что глубоко въ душѣ мерцалъ на самомъ днѣ—
Какъ называть его: невѣдѣньемъ иль вѣрой?—
Померкъ, и мечемся мы всѣ, какъ въ тяжкомъ снѣ,
И стала жизнь обманчивой химерой.
Отрады нѣтъ ни въ чемъ — ни въ грезахъ дѣтскихъ лѣтъ,
Ни въ скорби призрачной, ни въ мимолетномъ счастьи.
Даетъ-ли юноша въ любви святой обѣтъ,
Не вѣрь: какъ зимній вихрь, безплодны наши страсти;
Кричитъ-ли гордо мужъ о жертвахъ и борьбѣ,
Не вѣрь—и знай, что онъ не вѣритъ самъ себѣ!

.....

Бороться—для чего? Чтобъ труженикъ злосчастный
По терніямъ прошелъ къ вершинѣ нашихъ благъ,

И водрузилъ на ней печали нашей стягъ
Иль знамя ненависти страстной!...
Любить людей—за что? Любить слѣпцовъ, какъ я,
Случайныхъ узниковъ въ случайномъ этомъ мірѣ,
Попутчиковъ за цѣпью бытія,
Соперниковъ на ненавистномъ пирѣ...
И стоитъ-ли любить, и можно-ли скорбѣть,
Когда любовь и скорбь и все—лишь сонъ безцѣльный?
О, страсти низкія! Сомнѣній ядъ смертельный!
Вопросы горькіе! Противорѣчій сѣть!
Хаосъ вокругъ меня! Надъ бездною глубокой
Послѣдній гаснетъ лучъ, плыветъ, густѣетъ мракъ...
Нѣтъ, не потокъ любви или добра изсякъ,—
Изсякли родники, питавшіе потоки!
Добро и зло слилось. Опять хаосъ царить,
Но Божій духъ надъ нимъ, какъ прежде, не парить...

Н. М. Минскій.

Завѣса сброшена: ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...
Какъ мало прожито—какъ много пережито?
Надежды свѣтлыя и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено—и не воскреснетъ вновь!...

Я въ братство вѣровалъ, но въ черный день невзгоды,
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ,
Я жаждалъ для людей познанья и свободы,
А міръ—все тотъ-же міръ безсмысленныхъ рабовъ;
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей,—
И въ храмъ истины—въ священномъ храмъ слова,
Я слышу оргію крикливыхъ торгашей!...

Любовь на мигъ... любовь—забава отъ бездѣлья,
Любовь—не жаръ души, а только жаръ въ крови,
Любовь—больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмѣлья—
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!...

Я не о ней мечталъ безсонными ночамм,
И не она тогда являлась предо мной,
Вся—мысль, вся—красота, увитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!...

Бѣдна какъ нищая, и какъ рабыня лжива,
Въ лохмотья яркіе пестро наряжена—
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть взглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу—и ты поймешь обманъ
Ея величія, подъ ветхой мишурою,
И красоты ея подъ маскою румянъ.

С. Я. Надсонъ.

* * *

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь какъ могила темна!
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!...

А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполь небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснуть колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И поднять въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговья вершины гранитныхъ хребтовъ!...
А теперь—я одинъ... Непріютно, темно
Опустѣвшій мой уголь въ глаза мнѣ глядитъ;
Словно черная птица, пугливо въ окно
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ туманъ,
Величавыя горы рассыпались въ прахъ,—
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ,
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!...
Умерла моя муза!... Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни:
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь какъ могила темна!

С. Я. Надсонъ.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО...

И скучно и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...

Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...

А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого же?... на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда!

И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти!—вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ
Такая пустая и глупая шутка... [вокругъ—

М. Ю. Лермонтовъ.

МОНОЛОГЪ.

Да будетъ проклятъ краткій мигъ,
Когда, подъ тяжестью веригъ
И дразгъ житейскихъ доли пошлой,
Изсякнетъ юности родникъ
И вдохновеній жизни прошлой!
Когда почувствуешь, что связь
Со всѣмъ, что прежде было свято, —
Что духъ питало, — безъ возврата
Въ душѣ и въ сердцѣ порвалась!
Когда, очнувшись отъ припадка
Эгоистическихъ заботъ,
Увидишь, какъ все стало шатко,
Въ чемъ былъ твой нравственный оплотъ;
Какъ выросла вражда — изъ братства,
Изъ правды — ложь, обманъ и лесть;
Взамѣнъ сочувствія — злорадство,
Взамѣнъ прощенья — гнѣвъ и месть, —
Когда почувешь охлажденье
Къ тѣмъ идеаламъ и мечтамъ,
Которымъ прежде въ умиленьи
Молился ты, какъ божествамъ, —

И видишь, какъ слова святыя
(Что встарь, какъ бурная стихія,
Рвались изъ сердца тайника)
Безстрастно сходятъ съ языка;
Когда боязнь, что жизнь разбита,
Вдругъ зашевелится въ груди,
А дней грядущихъ волокита
Конца не кажетъ впереди;
Когда при полномъ возбужденьи
Не точить слезъ угасшій взоръ—
Оплакать горькое паденье
И свой безвременный позоръ;
Когда почувствуешь, что холодъ
Объялъ тебя и въ грудь проникъ,—
Что сердцемъ больше ты не молодъ,
Что и душой ты сталъ старикъ:
Да будетъ проклятъ этотъ мигъ!...

Ф. В. Черниговецъ.

ПУСТЬ СГИБНЕТЪ ВСЕ.

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасъ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!

Такъ сокрушись, души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царить безсмысленная ложь!

Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!

Ликуй же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытай,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте жъ, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

И. С. Аксаковъ.

ПРОКЛЯТІЕ.

Я вижу, смерть близка; болѣзненные силы
Послѣдней вспыхнули борьбой.
Я встрѣчусь, наконецъ, на ступеняхъ могилы
Съ неумолимою судьбой.

И нынѣ, рядомъ съ ней, мнѣ хочется провѣрить
Итогъ пустаго бытія.
Не буду сѣтовать, не стану лицемѣрить
И страхомъ не унижусь я.

Прощаясь съ жизнію, въ урочный часъ разлуки,
Надъ нею некогда шутить;
Но полную тревогъ и слезъ, и тайной муки
Я не могу благословить.

Я прокляну ее за то, что съ колыбели
Я былъ игрищемъ судьбы,
За то, что дни мои я проволокъ безъ цѣли,
Въ тревогахъ суетныхъ борьбы.

Я прокляну ее за длинный рой видѣній,
Игравшихъ жизнію моею;

За безконечный рядъ коварныхъ заблужденій
И неразгаданныхъ страстей;

За то, что всѣ мои мечты и упованья
Она презрѣнную обрекла;
Что не исполнила ни одного желанья
И горькихъ слезъ не поняла;

За то, что душу я отравою сомнѣнья,
Что сердце ядомъ напоилъ;
За то, что никогда въ душѣ благословенья
Ни для кого не находилъ;

Что, идя за толпой, я по тропѣ избитой
Не бросилъ яркаго слѣда;
Что не оставляю я ни мысли плодovitой,
Ни благодарнаго труда.

Я проклянѹ ее за все, что въ мѣръ видѣлъ,
За все, что въ жизни презиралъ,
За все, что я любилъ, за все, что ненавидѣлъ,
Что съ тайнымъ страхомъ проклиналъ.

Э. И. Губеръ.

МУХИ.

Мухи, какъ черныя мысли, весь день не даютъ мнѣ покою:
Жалать, жужжать и кружатся надъ бѣдной моею головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глазъ ужъ усѣлась другая;
Некуда спрятаться, всюду царить ненавистная стая,
Валится книга изъ рукъ, разговоръ упадаетъ блѣднѣя...
Эхъ! кабы вечеръ придвинулся, эхъ! кабы ночь поскорѣе!

Черныя мысли, какъ мухи, всю ночь не даютъ мнѣ покою:
Жалать, язвять и кружатся надъ бѣдной моею головою!
Только прогонишь одну, а ужъ въ сердце впилая другая,
Вся воспоминается жизнь, такъ безплодно въ мечтахъ
прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнѣй и
больнѣе...
Эхъ! кабы ночь, настоящая, вѣчная ночь поскорѣе!

А. Н. Апухтинъ.

Т Р И К Л Ю Ч А.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кишитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

А. С. Пушкинъ.

* * *

И на людей, и на природу
Гляжу въ безчувствіи нѣмомъ,
Черствѣя сердцемъ годъ отъ году,
Смѣюсь ребячеству во всемъ.

Себѣ, другимъ я въ тягость нынѣ;
Не знаю, чѣмъ себя развлечъ,
Средь многолюдства, какъ въ пустынѣ,
Не жду ни съ кѣмъ желанныхъ встрѣчъ.

И что же? Къ жизни не привязанъ,
Я сбросить жизнь бы не хотѣлъ,
Какъ будто въ будущемъ указанъ
Какой-то лучшій мнѣ удѣлъ.

Но сердца тяжкое безстрастье—
Съ надеждой самою въ борьбѣ,
И, еслибъ могъ создать я счастье,
Его не создалъ бы себѣ!

А. И. Подолінскій.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ,
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попросить сожалѣнья —
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто избрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалить,
Пускай шумить волна морей —
Утесъ гранитный не повалить:

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

М. Ю. Лермонтовъ.

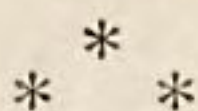

Порой, среди толпы ликующей и праздной,
Нарядной суетой объять со всѣхъ сторонъ,
Уныль и одинокъ, я слышу — безотвязный
Звучить не то напѣвъ, не то призывъ иль стонъ.

Звучить, какъ темное сознаніе невзгоды,
Въ душѣ униженной, покорной и нѣмой;
Звучить какъ жалоба осенней непогоды,
Вкругъ сонныхъ деревень, въ глуши, во тьмѣ ночной

И хочется тогда бѣжать — бѣжать далеко,
Отъ блеска и людей, отъ суетныхъ пировъ —
И тамъ, въ родной глуши, страдать, страдать глубоко.
Подъ шумъ и пѣніе мятелей и снѣговъ.

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастья любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи нѣмого забытья,
Въ уныніи разврата и бездѣлья...
Нѣтъ, други, нѣтъ—такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова;
Померкшій взоръ лучей и солнца просить,
Усталый духъ алкаетъ божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дальней тьмѣ:
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
Не вѣтъ въ міръ мечты живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье—
Не то призывъ, не то воспоминанье,—
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ПОЧЕМУ?

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ
Подъ игомъ зла и заблужденья,—
Въ стремленіи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья.
Умомъ ужъ не одинъ разоблаченъ кумиръ;
Но мысль трудиться не устала,
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Проя у жизни идеала...
Но почему-жъ досель и сердцу, и уму
Такъ оскорбительно, такъ тѣсно?
Такъ много льется слезъ и крови? Почему
Такъ все запугано что честно?
О, слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да! *почему*: и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
И все, что радуетъ и мучить?
Хотя бы мы пока и вызвали отвѣтъ,
Который знанью не научить,—
Все будемъ требовать отвѣта: *почему*?
И снова требовать, и снова...
Какъ ночью молнія прорѣзываетъ тьму,
Такъ свѣтитъ въ жизни это слово.

А. М. Жемчужниковъ.

* * *

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жарь и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредеть по жаркой мостовой;—

Кто смотрить вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухъ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манить,
И пыль росистаго фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредеть по знойной мостовой.

О. И. Тютчевъ.

НА ЗАКАТЪ.

Мы жить еще хотимъ,—не жизнью молодою,—
Она для насъ прошла,—но, на закатъ дней,
Мы жаждемъ, чтобъ на насъ повѣяло весною,
Чтобъ теплота влилась могучею волною
Къ намъ въ душу и зажгла надежды пламя въ ней.

Надежды не на то, что быстро возродимся
Мы къ труднымъ подвигамъ и сердцемъ, и умомъ...
Нѣтъ, мы окончили, къ борьбѣ ужъ не годимся,—
Но все глядимъ впередъ, къ грядущему стремимся
И съ нетерпѣніемъ преемниковъ мы ждемъ.

О, пусть придутъ они... не съ воплями страданья,
А съ крѣпкой вѣрою, съ избыткомъ юныхъ силъ,
Съ могуществомъ добра, восторгомъ упованья,
Со словомъ истины, со свѣточемъ познанья,
Чтобъ демонъ тьмы и зла ихъ воли не сломилъ.

О, пусть придутъ они, чтобъ намъ хоть мигъ единый
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ;
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной,
Сказать: «оно идетъ!» и пѣснью лебединой
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ!...

Д. Л. Михайловскій.

ДУМА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО).

Проходятъ дни, проходятъ ночи;
Прошло и лѣто; шелестить
Листъ пожелтѣвшій; гаснутъ очи;
Заснули думы; сердце спить.
Заснуло все... Не знаю я—
Живешь ли ты, душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ,
И нѣту слезъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою,
Знать, не дано мнѣ никакой;
Но если я благой не стою,
Зачѣмъ не выпало хоть злой?
Не дай, о Боже, какъ во снѣ
Блуждать, остынуть сердцемъ мнѣ!
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти!

Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный,
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить,
Чтобъ я хвалилъ твой міръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!

Страшна неволя — тяжело въ ней,
На волѣ жить и спать — страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда:
И смерть, и жизнь — одно тогда.

Т. Шевченко.

* * *

Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья...
Я презрѣньемъ клеймилъ этихъ сытыхъ людей,
Промѣнявшихъ туманы и холодъ ненастья
На отраду и ласку весеннихъ лучей...
Я твердилъ, что покуда на свѣтѣ есть слезы
И покуда царить непроглядная мгла,
Безконечно-постыдны заботы и грезы
О теплѣ и довольствѣ роднаго угла...
А сегодня... сегодня весна золотая,
Вся въ цвѣтахъ, и въ мое заглянула окно,
И забилося усталое сердце, страдая,
Что такъ бѣдно за этимъ окномъ и темно...
Милый взглядъ, мимолетнаго полный участья,
Грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодаго лица...
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца...

С. А. Надсонъ.

ЖИЗНЬ.

Прошли тѣ сильные года,
Съ ихъ неподкупностію строгой,
Съ ихъ волей страстною, когда
Отъ жизни требовалъ я много...
Ужъ тѣ прошли мои года!

Все въ этой жизни было лживо;
Но съ ней разлуки труденъ мигъ,
Какъ съ лаской женщины красивой
Тому, кто къ ласкѣ той привыкъ, —
Хотя бы все въ ней было лживо.

«Ласкай меня! Не уходи!»
Такъ нынѣ къ жизни я взываю.
«Немного лѣтъ мнѣ впереди...
«Я зло забылъ; я все прощаю,
«Лишь отъ меня не уходи!»

А. М. Жемчужниковъ.

ЭЛЕГІЯ.

Уноси мою душу въ ту синюю даль,
Гдѣ степь золотая легла на просторѣ—
Широка, какъ моя роковая печаль,
Какъ мое безъисходное горе.

Разбужу я былыя надежды мои,
И теплую вѣру, и свѣтлыя грезы —
И кипучей рѣкой по раздольной степи
Разолью я горячія слезы.

И по звонкимъ струнамъ я ударю звучнѣй,
И хлынуть потокомъ забытые звуки,
Разомъ выльетъ душа всѣ созрѣвшія въ ней
Безконечныя, тяжкія муки...

Уноси мою душу въ ту чудную даль,
Гдѣ степь золотая лежитъ на просторѣ—
Широка, какъ моя роковая печаль,
Какъ мое безъисходное горе...

С. Фругъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи nocturno живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

А. Пушкинъ.

Что за прелесть сегодня погода!

Этотъ снѣгъ на вершинахъ вдали,

Эта ясность лазурнаго свода,

Эта зелень цвѣтущей земли...

Все покрыто торжественнымъ блескомъ;

Словно все упрекаетъ меня,

Что въ такомъ разногласіи рѣзкомъ

Мое сердце съ веселіемъ дня.

О, желалъ бы я самъ, чтобъ хоть нынѣ

На душѣ моей стало свѣтло,

Какъ на той вѣчно снѣжной вершинѣ,

Гдѣ сіяніе солнце зажгло;

Чтобъ чредой понеслись къ моимъ думамъ

Годы счастья бывые мои,

Какъ рѣки этой съ ласковымъ шумомъ

Голубыя несутся струи...

Пусть затмитъ мнѣ минувшее время

Эту жизнь и что ждетъ впереди...

Упади же съ души моей, бремя,

Хоть на этотъ лишь день упади!

Не боли хоть теперь, моя рана!

Дай пожить мнѣ блаженствомъ былымъ...

Много лѣтъ, горячо, безъ обмана

И любилъ я, и былъ я любимъ.

А. М. Жемчужниковъ.

* * *

Когда на душѣ твоей смутно,
Какъ холодъ тѣснить твою грудь,
Волнуется мысль безпріютно,
И не на чемъ ей отдохнуть,—
Когда, безъ любви и привѣта,
Восходитъ томительный день,
И будущность грустно одѣта
Въ одну безотрадную тѣнь,
Съ своимъ настоящимъ борьбою
Усталой души не томи,
Не спорь безразсудно съ судьбою,
Но даръ ея лучшій прійми.
Прійми дорогое наслѣдство,
Что каждому рокъ завѣщалъ:
Вѣдь зналъ ты безпечное дѣтство,
Ты страстную молодость зналъ,
Что въ памяти сердца таится,
На темный зови небосклонъ,
Пусть сонъ тебѣ только приснится;
Но сладостенъ будетъ тотъ сонъ,
Душѣ на мгновенье блеснувши,
Онъ мрачный твой день озарить,
И прелестью жизни минувшей
Онъ съ жизнью тебя примирить.

А. И. Подолинскій.

ПОСЛѢ МОЛИТВЫ.

Въ младенческіе дни слѣпаго безсознанья,
Мятежной юности въ томительные дни,
Грядущимъ заняты, въ тревожномъ ожиданьи,
Когда мы молимся—и помыслы свои,
Желанья смутныя на небо возсылаемъ,—
Мы просимъ счастья... о счастьи мечтаемъ.

Невѣдомо, таинственно оно...

Неясно намъ, какъ призракъ отдаленный,
Но манить насъ,—и умъ, имъ обольщенный,
О жизни и о немъ гадаетъ за одно. —

И вотъ своей чредой года идутъ, минуютъ...
То радостью дарятъ, то бросятъ намъ обманъ,
То учатъ уповать, то вновь разочаруютъ,
Намъ въ сердце врѣзавшись слѣдами тайныхъ ранъ...
И вотъ, мы съ счастьемъ знакомимся желаннымъ.
И что-жь?... Предъ торжествомъ давно обѣтованнымъ,
Непрочностью земной поражены,
Боймся мы печальной переменъ,
И просимъ ужъ покоя... тишины...
И мирной пристани душъ изнеможенной!

Графиня Ростопчина.

* * *

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь уныль. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Вся въ лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя,—
Сердце сладкимъ восторгомъ забилося,
И въ лучахъ восходящаго дня
Тихимъ свѣтомъ душа засвѣтилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земнаго огня.

В. Соловьевъ.

* * *

Свой строгій судъ остановивъ,
Сдержавъ готовые укоры,
Гордыню духа умиривъ,
Вперять внимательные взоры
Въ чужую душу полюби...
Вѣрь: въ каждой презрѣнной и пошлой,
Въ ея невѣдомой глуби,
И въ каждой молодости прошлой
Отыщешь много струнъ живыхъ,
Мгновений чистыхъ и прекрасныхъ,
Порывовъ доблестныхъ и страстныхъ
И тайну помысловъ святыхъ!

Благія въ жизни времена
На долю каждому даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелѣять сѣмена,
Когда мечты роями выются;
И чутко сердце къ красотѣ,
И сердце онъ другое любить, —
Пока въ житейской суетѣ
Себя напрасно не погубить;
И постепенно день за день,
Окаменѣть онъ лѣниво....
Бери-жь надежное огниво,
Ударь въ заржавленный камень!...
Да не смутить же соръ и хламъ,
На сердце жизнью наносимый,
Твоихъ очей! Пусть смѣло тамъ
Они провидятъ міръ незримый.
Любовью кроткою дыша,
Вглядись въ него: и предъ очами
Предстанетъ каждая душа
Съ своими вѣчными правами.
Повѣрь: нетлѣнной красоты
Душа не губить безъ возврата;
И въ каждомъ ты услышишь брата,
И Бога въ немъ почувешь ты!

И. С. Аксаковъ.

ДОБРО-БЪ МЕЧТЫ!

Добро-бъ мечты, добро-бы страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
Нѣтъ! счастьемъ мелкаго объема
Довольны мы, безъ бурь и грома,
И мирно путь проходимъ свой,
И тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днемъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живемъ душой.

Но эта жизнь—ни сонъ, ни бдѣнье—
Богъ знаетъ что! Подъ часъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ все дано! Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью,—
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали!
Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ...
Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?

А впрочемъ, мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ!
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ!

Что-жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта,
Любовь по прежнему мертва!
О, слово старое поэта:
«Слова, слова, одни слова!»
Не то, чтобъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно;
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
Счастливо гаснутъ каждый часъ.

Не все-же сонъ! Худыхъ желаній
Соблазнъ слышавъ иногда,
Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаемся безъ труда.

Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной?
Какой «златою серединой»
Ты путь опасный проходилъ?...

Нѣтъ! темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да пробудясь въ восторгъ смѣломъ,
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

И. С. Аксаковъ.

МОЛИТВА.

О, жизнь! не дай мнѣ никогда
Утратить вѣру въ человека,
Во благо честнаго труда,
Отстать въ стремленіяхъ отъ вѣка...
Не дай мнѣ мелочной борьбы,
И растлѣвающей, и праздною,
Не дай мнѣ въ спутницы рабы
Безъ мысли гордой и отважной...
Не дай мнѣ трудъ мой осквернить
Неправдой, мыслию лукавой,
И прежде смерти пережить
И свѣтлый умъ, и помысль здравый...
Не призывай на мой языкъ
Любви несвойственныхъ проклятій,
И отъ несчастныхъ меньшихъ братій
Не отверни въ недобрый мигъ
Мой омраченный скорбью ликъ...
Не дай корыстныхъ мнѣ желаній,
Соблазна сильными земли...
Любовью умъ мой окрыли...
И въ годы тяжкихъ испытаній
Мнѣ духа рабства не пошли!

Омулевскій (И. В. Федоровъ).

ПРИЗРАКИ.

Старинные, знакомые мотивы,
Порой вечернею, откуда-то звучать.
Въ нихъ юности могучіе призывы,
Въ нихъ съ пошлостью людской надеждъ ея разладъ.

И призраки знакомые толпою
На звуки тѣ встаютъ... Съ насмѣшкой на устахъ,
Идутъ они медлительной стопою,
И будто говорятъ: «ужь мы давно въ гробахъ

Лежимъ, забывъ стремленія земныя,
Признавъ, что жизнь—безплодная борьба,
Что на землѣ блаженны только злые,
А праведныхъ разить безсмысленно судьба.

Спокойно мы въ могилахъ нашихъ тлѣемъ,
Намъ не возстать изъ нихъ на голосъ суеты,
И о тебѣ, мы, бѣдный, сожалѣемъ:
Еще волнуешься, еще страдаешь ты!

Ты все еще отъ жизни ждешь чего-то...
Все грезы юности живутъ въ душѣ твоей.
Ты думаешь, упорная работа
Вѣковъ готовить рай въ грядущемъ для людей.

Послѣдуй въ край ничтожества за нами;
Страхни съ себя скорѣй оковы бытія;
Пока еще съ младенческими снами
Не навсегда душа разсталася твоя!

Въ гробъ низойти съ надеждами отрадно!
Намъ не было дано узнать отрады той:
Сомнѣнья духъ разбилъ ихъ безпощадно,
Задолго до поры прощанья роковой»!

Исчезните, зловѣщія видѣнья!
Я не пойду на вашъ печальный зовъ!
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готовъ!

И до конца я вѣры не утрачу,
Что озарить нашъ міръ любви и правды свѣтъ.
Пускай я здѣсь, какъ въ морѣ капля значу,
Но каждый честный бой оставить долженъ слѣдъ.

Исчезните. А вы, святыя звуки,
Вы силу новую въ мою вдохните грудь.
Хотя бы жизнь однѣ сулила муки,
Я бодро встрѣчу ихъ, благословивъ свой путь!

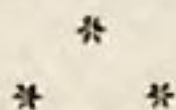
А. Н. Плещеевъ.

*
* *
*

Пускай нѣмѣть скорбь, пускай гнетутъ мученья,
Пускай туманный сводъ безвѣрьемъ полонень!
Я знаю, что мы всѣждемъ пробужденья,
И въ ласковыхъ лучахъ святаго обновленья
Живительно сверкнетъ лазурный небосклонъ.

Такъ много грезъ встаетъ, такъ много вѣры жгучей,
Что все—лишь только сонъ томительно-пустой;
Откроется очамъ просторъ борьбы могучей,
Окончится разладъ восторгами созвучій,
И вновь пахнетъ съ небесъ цѣлящею весной.

Кн. Э. Э. Ухтомскій.

Подъ чуждой властью знойной выюги
Видѣнья прежнія забывъ,
Я вновь таинственной подруги
Услышалъ гаснущій призывъ.

И съ крикомъ ужаса и боли,
Желѣзомъ схваченный орелъ,—
Затрепеталъ мой духъ въ неволѣ
И съѣтъ порвалъ, и въ высь ушелъ.

И на заоблачной вершинѣ,
Предъ моремъ пламенныхъ чудесъ,
Во всесіяющей святынѣ
Онъ загорѣлся и исчезъ.

Вл. С. Соловьевъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернить
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадають ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

А. С. Пушкинъ.

ПРЕДЪ ЗАРЕЮ.

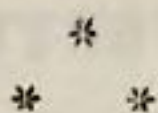
Приближается утро, но еще ночь.
(Исаія, гл. 21; 12).

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Эти гады бѣгутъ—предъ зарею...

Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ.
Это—сонъ, это—лай предъ зарею...

Н. М. Минскій.

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шель къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны— и, схваченная снами,
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день, дорогой одинокой,
Какъ прежде я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видить око
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилось мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Вл. С. Соловьевъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумить оно,
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетить на скользки волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнеть вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней.
Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!
Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходить тишина.
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!...
Смѣло братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Н. М. Языковъ.

ИСПЫТАНІЕ.

Нужно грозъ во всей ихъ силѣ,
Чтобъ цвѣтокъ благоухаль;
Лишь въ пылающемъ горнилѣ
Закаляется металлъ!

Звѣзды искрятся отрадно
Лишь тогда, какъ день исчезъ;
Вслѣдъ за бурей безпощадной
Блещетъ радуга небесъ!

И, въ горнилѣ испытанья,
Все нечистое круша,—
Чистымъ пламенемъ страданья
Закаляется душа!

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ—

Забита тяжолая крыша.

Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Какъ будто-бы рѣчь прозвучала,—

И, всѣ, вострепенувшись, воспрянули мы,
Почувъ благое начало.

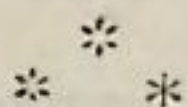
Въ насъ сердце забилося, духъ жизни воскресъ,—

И гимномъ хвалы и привѣта

Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ

Въ рожденіи славы и свѣта.

А. М. Жемчужниковъ.

Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю;
И мнѣ ни отъ кого не нужно оправданья,
И я ни передъ кѣмъ въ груди ихъ не таю.
Я правъ, когда живу и требую отъ жизни
Не только подвиговъ въ борьбѣ за идеалъ,
Не только мукъ и жертвъ страдалищъ-отчизнѣ,
Но и всего, о чемъ такъ страстно я мечталъ:
Хочу я творчествомъ и знаніемъ упиться,
Хочу весеннихъ дней, лазури и цвѣтовъ,
Хочу у милыхъ ногъ я плакать и молиться,
Хочу безумнаго веселія пировъ;
Хочу изъ нѣжныхъ устъ дыханья аромата,
И блѣдныхъ ландышей, и пурпура заката,—
Всей дивной музыки аккордовъ міровыхъ;
Хочу,—и не стыжусь той жажды упоеній:
Она природою заброшена мнѣ въ грудь,
И красотой иныхъ божественныхъ стремленій
Я алчущей души не въ силахъ обмануть.
«Живи для радости!» какой-то тайный голосъ
Повсюду, день и ночь мнѣ ласково твердитъ;
Волна, и темный лѣсъ, и золотистый колосъ,—
«Живи для радости!» мнѣ тихо говоритъ.
Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю;
И мнѣ ни отъ кого не нужно оправданья,
И я ни передъ кѣмъ въ груди ихъ не таю.

Д. С. Мережковский.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Пусть искатель гордой славы
Жертвуетъ покоемъ ей!
Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными вѣнцами
Не прельщенъ пѣвецъ лѣсовъ:
Я счастливъ и безъ вѣнцовъ,
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.
Пусть богатства страсть терзаетъ
Алчущихъ рабовъ своихъ!
Пусть ихъ златомъ осѣняетъ,
Пусть они изъ странъ чужихъ
Съ нагруженными судами
Волны ярыя дробятъ: —
Я безъ золота богатъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.
Пусть веселій рой шумящій
За собой толпы влечетъ!
Пусть на ихъ алтарь блестящій
Каждый жертву понесетъ!
Не стремлюсь за ихъ толпами —
Я безъ шумныхъ ихъ страстей
Весель участю своей
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Д. В. Веневитиновъ.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно-ли печать
Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это видите-ль, слова, слова, слова!
Иныя, лучшія мнѣ дороги права,
Иная лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!... Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!

А. С. Пушкинъ.

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

А. К. Толстой.

ЗАРЯ.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьется жизни жаждой.
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ;
Свое для всѣхъ положить каждый.

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы.

Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучать... Земля моя родная,
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣсть жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ мрачною землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни—
И храма ветхаго—подъ твердою стопой—
Дрогнули мглистыя ступени.

О. Н. Бергъ.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой;
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья! хочу быть вашимъ!
На трудъ и битву я готовъ —
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло вмѣсто словъ.
Но если—нѣтъ: мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну-ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской, —
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я—работа наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

Н. А. Добролюбовъ.

*
* * *

Медленно движется время,—
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,—
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,—
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднились съ нимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужить,
Листья зашепчутъ: онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служить,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!

Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли—
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

И. С. Никитинъ.

ГРЯДУЩЕЕ.

Придетъ пора—исчезнетъ злоба,
Одной ликующей семьей
Подъ знамя свѣта и свободы
Стекутся мирные народы,
И надъ воскресшею землей
Утихнетъ громъ борьбы кровавой,
Угаснетъ пылъ вражды на вѣкъ;
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ:
То будетъ доблесть думъ великихъ,
То будетъ слава добрыхъ дѣлъ.
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смуть жестокихъ
Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ,—
На тучныхъ нивахъ, въ чистомъ полѣ
Высокій колосъ зашумитъ
И пѣсня пахаря на волѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ.

С. Г. Фрунзъ.

ВПЕРЕДЪ.

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать, —
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать.

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и благо мира
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,—
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ!
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ —
И, вѣрьте, голосъ благородный,
Не даромъ въ міръ прозвучитъ.

Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ!
Впередъ, впередъ—и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ не сулилъ.

А. Н. Плещеевъ.

ГИМНЪ.

Господь! твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!

Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрости,
Разлей въ народъ жажду знанья,
И къ знанью укажи пути!

И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья—
Господь! Ты ввѣришь на Руси!...

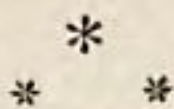
Н. А. Некрасовъ.

ЖЕНЩИНА

КУПАНЬЕ.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Моя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной...
Кто-бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она, будто лотосъ, склонилась,
Змѣйкою станъ изогнула, и бѣлой ногою
Стала на черный, обрывистый камень, и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока;
Кто-бъ посмотрѣлъ на нее, облитую лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами,
И, какъ о мраморъ кристаллъ, разбивались, блѣднѣя:
Тотъ пожелалъ-бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
Въ мраморъ она превратилась, какъ мать Ніобея,
Вѣчно-бъ здѣсь мылась грядущимъ вѣкамъ въ
наслажденье.

Н. Θ. Щербина.

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.

Чу! За бѣлой душей тучей
Прокатился глухо громъ;
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ...

Жизни нѣкій преизбытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлить,
Какъ божественный напитокъ
Въ жилахъ млѣетъ и горитъ!

Дѣва, дѣва, что волнуешь
Дымку персей молодыхъ?
Что мутится, что тоскуетъ
Влажный блескъ очей твоихъ?

Что, блѣднѣя, замираетъ
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?
Что такъ грудь твою спираетъ
И уста твои палить?

Сквозь рѣсницы шелковыя
Проступили двѣ слезы...
Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы?...

О. И. Тютчевъ.

СТЫДЛИВОСТЬ.

Я лукаво смотрѣлъ на нее,
Говорилъ ей лукавыя рѣчи,
Пожирая глазами ея
Неприкрытыя бѣлыя плечи.
Я ее не любилъ; но порой,
Когда, взоръ свой склоняя стыдливо,
Грудь и плечи дрожащей рукой
Одѣвала она торопливо,
И краснѣла, и складки одеждъ
Такъ неловко она разбирала,
И, готовая пасть изъ-подъ вѣждъ
На рѣсницу, слезинка дрожала,
И аттическій звукъ ея словъ,
Какъ на лирѣ струна, прерывался,
Развязаться былъ поясъ готовъ,
И нескоро камей замыкался:
Въ этотъ мигъ всѣ движенья ея
Какъ невольникъ безмолвно слѣдилъ я,
И полно было сердце мое:
Въ этотъ мигъ безпредѣльно любилъ я!

Н. Θ. Щербина.

*
* *

Какъ неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышетъ въ ней;
Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ
На тихій свѣтъ ея очей:

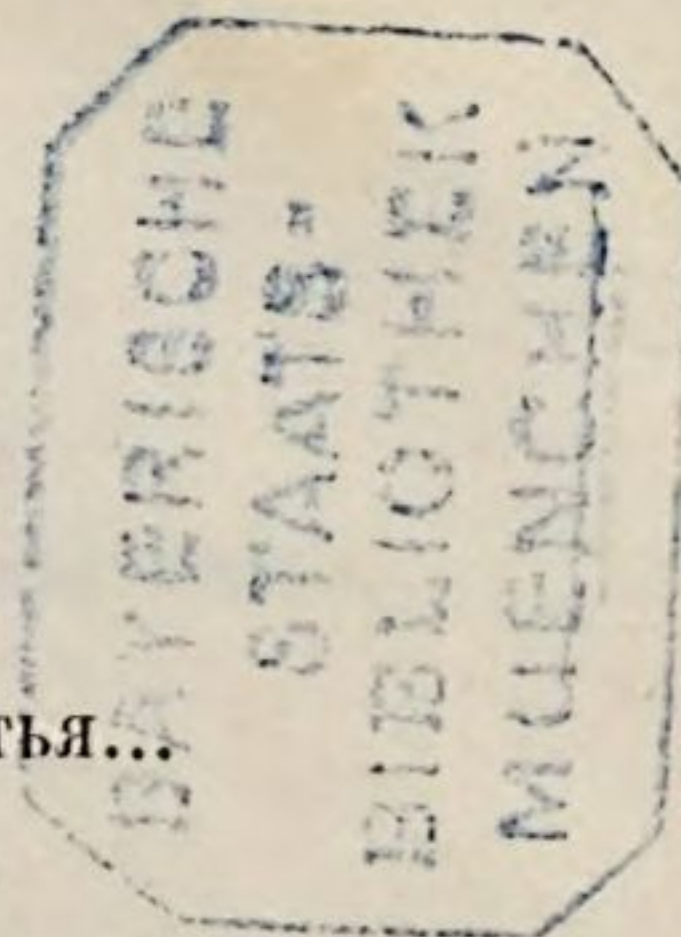
Земное-ль въ ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотѣла-бъ ей молиться,
А сердце рвется обожать...

Ө. И. Тютчевъ.

*
* *

Я на тебя гляжу, люблюсь ежечасно, —
Ты такъ невыразимо хороша!
О! вѣрно подъ такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа.
Какой-то кротости и грусти сокровенной
Въ твоихъ очахъ таится глубина;
Какъ ангелъ, ты тиха, чиста и совершенна;
Какъ женщина, стыдлива и нѣжна.
Пусть на землѣ ничто средь золь и скорби многой
Твою не запятнаетъ чистоту,
И всякій, увидавъ тебя, прославить Бога,
Создавшего такую красоту.

К. Р.

Въ тебѣ много порывовъ и много любви,
Но боишься ты черной и мелкой работой
Осквернить еще нѣжныя руки свои,
Изнурить свою душу тяжелой заботой...
И спѣшишь ты туда, гдѣ сіянье свѣтъ,
Какъ ночной мотылекъ отъ ночнаго ненастья...
Но вѣдь если работы тамъ мелочной нѣтъ,
За то бѣдно и мелочно праздное счастье...
Не охватить тебя тамъ удушливый смрадъ,
Не пойдешь тамъ съ проклятьемъ въ грязи по колѣна;
Подъ ногой не взовьется очнувшійся гадъ
И не брызнетъ въ лицо тебѣ ѣдкою пѣной...
Будетъ небо всегда бирюзою горѣть
Надъ твоею свободной и торной дорогой,
Будетъ сердце : ишь сладкой печалью болѣть
И горѣть, и томиться лишь сладкой тревогой...
Но не видѣть тебѣ, какъ надъ хмурой землей,
Разорвавъ, словно дымку, тяжелыя тучи,
Среди бури и мрака, свободной волной
Вдругъ заплещется лучъ, и прозрачный, и жгучій...
И тебѣ не узнать, какъ прекрасно любить,
Когда рядомъ царятъ только зло и проклятья,
Какъ прекрасно порою объятья раскрыть,—
Среди битвы уставшему другу объятья...

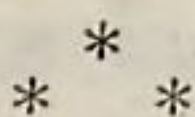
Ф. В. Орловскій.

ТИХІЙ АНГЕЛЬ.

Кипѣлъ межъ нами споръ ужасный
И бурно рѣчь гостей текла,
Когда ты къ намъ, съ улыбкой ясной,
Съ привѣтнымъ взоромъ подошла.

Вдругъ споръ замолкъ. Прервать молчанья
Никто какъ будто бы не смѣлъ,
И думалъ я въ очарованьи:
«Здѣсь тихій ангель пролетѣлъ!»

Н. А. Добролюбовъ.

Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы:
Въ ней были мракъ и свѣтъ въ одно видѣнье слиты,
Я видѣлъ темныя, стыдливыя рѣсницы,
Приподнятую бровь и блѣдныя ланиты...
И съ гордой кротостью уста ея молчали;
И мнилось, если бъ вдругъ они заговорили,
 Такъ много бы прекраснаго сказали,
 Такъ много бы прекраснаго открыли,
 Что и самой бы стало ей невольно
 И грустно, и смѣшно, и тягостно, и больно.
Какъ воплощенное страданіе поэта,
Она прошла въ толпѣ съ величіемъ смиренья;
Я проводилъ ее глазами безъ привѣта,
И безъ восторженныхъ похвалъ, и безъ моленья,
Съ благоговѣніемъ уста мои молчали;
Но если-бъ, какъ-нибудь, они заговорили,
 Такъ много бы безумнаго сказали,
 Такъ много бы сердечныхъ язвъ раскрыли,
 Что самому мнѣ стало-бъ вдругъ невольно
 И стыдно, и смѣшно, и тягостно, и больно.

Я. П. Полонскій.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей,
Недолго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаживать.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

А. С. Пушкинъ.

ПРИГОВОРЪ.

Еще когда передъ святыней
Ты шла съ потупленной главой,
Быть мужа вѣчною рабыней
Тебѣ изрекъ законъ прямой.

Но на тебя кладя оковы,
Любовь и правду онъ сулилъ;
Въ сліяньи двухъ сердець онъ новый,
Созвучный міръ тебѣ открылъ.

И ты поникла вся подъ игомъ
Тебѣ врученнаго вѣнца,
И ты вѣрна была веригамъ:
Ты донесла ихъ до конца...

И лишь теперь, глубокой ложью
Возмущена, полна стыдомъ,
Ты правъ на жизнь, на правду Божью,
Хоть поздно, требуешь кругомъ.

И, какъ былинка пропадаетъ,
Ты вянешь... близокъ вечеръ твой...
Но свѣтъ лукавый не внимаетъ,—
Но свѣтъ одно лишь повторяетъ:
«Будь мужа вѣчною рабой!»

Ф. Андреевъ.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймить презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ—

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви;

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

М. Ю. Лермонтовъ.

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки,
И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланить, и шеи бѣлизну,
Счастливецъ, видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплодное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

М. Ю. Лермонтовъ.

Твой скромный видъ таить въ себѣ
Такъ много силы страстной воли,
Что не уступишь ты судьбѣ
Ни шагу безъ борьбы и боли.

Мгновенья счастья ты трудомъ
Или болѣзнями искупишь;
Но предъ общественнымъ судомъ
Рѣсницъ стыдливо не потупишь.

Свѣтъ осужденъ тобою — онъ
Не можетъ дать тебѣ закона;
Святая правда — твой законъ,
Святая гордость — оборона.

Пускай поэта стихъ живой
Въ тебѣ отзыва не находитъ,
Поэтъ, отвергнутый тобой,
Тебя и встрѣтитъ, и проводить.

Осмѣянный пѣвецъ любви
Не осмѣетъ твои порывы, —
Откликнется на всѣ призывы —
На всѣ страданія твои.

Я. И. Полонскій.

FORTUNATA.

Ахъ, люби меня безъ размышлений,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Что тебѣ отчизна, сестры, братья?
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ?
Или холодны мои объятія?
Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ?

Я любви не числю и не мѣрю:
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Ахъ, какъ жизнь, мой милый, хороша!..

Вѣрь въ любви, что счастьемъ не умчатся,
Вѣрь, какъ я, о гордый человѣкъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя вѣкъ...

А. Н. Майковъ.

* * *

Не зови меня безстрастной,

И холодной не зови,—

У меня въ душѣ не мало

И страданій, и любви.

Проходя передъ толпою,

Сердце я хочу закрыть

Равнодушіемъ наружнымъ,

Чтобъ себѣ не измѣнить.

Такъ идетъ предъ господиномъ,

Затая невольный страхъ,

Рабъ, ступая осторожно,

Съ чашей полною въ рукахъ.

Ю. В. Жадовская.

КЪ * * *

Когда твои младыя лѣта

Позорить шумная молва,

И ты по приговору свѣта

На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной,

Твои страданья я дѣлю

И за тебя мольбой безплодной

Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій

Не измѣняетъ онъ своихъ;

Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.
Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрные гоненья,—
Къ забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы,
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Чему молилась ты съ любовью,
Что какъ святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей...
Ахъ, еслибы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Ее спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской!

Ө. И. Тютчевъ.

* * *

«За что?» — съ безмолвною тоскою
Меня спросилъ твой кроткій взоръ,
Когда внезапно надъ тобою
Постыдной грянулъ клеветою
Враговъ суровый приговоръ.
За то, за что въ жизни ихъ оковы
Съ себя ты сбросила, кляня,
За то, за что не любятъ совы
Сіянья радостнаго дня,
За то, что ты съ душою чистой
Живешь средь мертвыхъ и слѣпцовъ,
За то, что ты цвѣтокъ душистый,
Въ вѣнкѣ искусственныхъ цвѣтовъ!...

С. Я. Надсонъ.

* * *

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;

Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена —
Вѣрь, я внималъ не безъ участя
И жадно каждый звукъ ловилъ...
Я понялъ всё, дитя несчастья,
Я все простилъ и все забылъ.
Зачѣмъ же тайному сомнѣнію
Ты ежечасно предана?
Толпы безмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?
Не вѣрь толпѣ пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!
Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣи въ груди —
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Н. А. Некрасовъ.

ЖЕНЩИНЪ.

Какъ надъ тобою посмѣялась
Твоя жестокая судьба!
Какая жизнь въ удѣлъ досталась
Тебѣ, царица и раба!

Ты стала, средь мгновенной власти,
Мишурнымъ блескомъ облитой,
Игрушкою нужды и страсти,
Не человѣкомъ, не женой...

И на колѣняхъ предъ тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина съ жаркою мольбою
Цѣпями кутаетъ тебя.

Свое призванье ты забыла
Для грезъ дремоты вѣковой,
И новая, живая сила
У міра отнята съ тобой.

Предъ всякой ложью и тщетою,
Какъ предъ кумиромъ пала ты,
И пустоцвѣтною красою
Взросла на почвѣ суеты.

Твое святое назначенье—
Нашъ геній изъ пелень пріять,
Направить душу поколѣнья,
Отчизнѣ гражданъ воспитать...

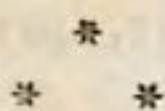
И струнъ въ тебѣ сокрыто много:
Подъ райской музыкою ихъ
Намъ облегчилась бы дорога
Въ тяжелыхъ странствіяхъ земныхъ.

Ты сердца чуткаго прозрѣньемъ
Тѣ правды можешь угадать,
Которыхъ намъ ни размышленьемъ,
Ни долгой жизнью не дознать...

Я вѣрю, что настанетъ время
Тебѣ вознестися межъ людей,
И сбросить вѣковое бремя
Съ судьбы таинственной своей,—

И новой мыслью, новой страстью,
Огнемъ, любовью, красотой
Подвинуть міръ въ путяхъ ко счастью,
И взволновать его застой.

Н. Θ. Щербина.

Это не женщина, другъ мой, что каждому
Ласки свои расточаетъ безумныя,
Юность низводитъ на оргіи шумныя,
Къ горькимъ лобзаньямъ, къ ложу продажному.
Это не женщина, другъ мой, эдема намъ
Не отверзаетъ она безконечнаго;
Это злой геній, ниспосланный демономъ;
Нѣтъ въ ней прекраснаго, нѣтъ въ ней сердечнаго.
Женщина—кроткое божье созданіе,
Женщина—мать, Магдалина смущенная,
Та, чья отерла коса благовонная
Ноги Исуса въ часы покаянія;
Женщина—отблескъ мерцанія майскаго,
Лучъ золотой надъ гробницами тлѣнія,
Женщина—тѣнь изъ селенія райскаго,
Женщина—счастье, любовь и прощеніе.

К. Фофановъ.

ЛЮБОВЬ

ТРИ ЛЮБВИ.

Есть матери любовь: она хранить и грѣть,
И нѣжно бережетъ, и ласками щедра;
Ея святымъ огнемъ жизнь бурная свѣтлѣетъ;
Ея вліяніемъ гласъ долга и добра
И громче, и звучнѣй вызываетъ въ сердцѣ юномъ;
Ея молитвою небесной вѣры лучъ
Нисходитъ иногда сквозь мракъ житейскихъ тучъ
Въ разсудокъ, преданный мечтаньямъ вольнодумнымъ;
И образомъ ея, и мыслию о ней
Усмирено порой волненіе страстей.

Есть сестрина любовь: она и состраданье,
И соучастіе на поприщѣ земномъ;
Она средь неудачъ, въ минуту испытанья,
Приходитъ, кроткая, съ догадливымъ умомъ
И съ сердцемъ преданнымъ, чтобъ безъ рѣчей, безъ шуму,
Унять и исцѣлить припадокъ злой тоски;
И взглядомъ дружескимъ, пожатіемъ руки
Умѣетъ разогнать порывъ хандры угрюмой;
И братомъ, гордости и нѣжности полна,
Все восхищается въ мечтахъ своихъ она.

И есть еще любовь... Но та!... Гдѣ выраженья,
Гдѣ краски и слова, чтобъ высказать ее?...
Чтобъ передать вполнѣ и цѣль и назначенье
Той страсти, той любви?... Лишь ею бытіе
И міръ озарены!... Она горитъ и блещетъ;
Всю душу женскую, весь тайный сердца жаръ
Блаженству милаго она приноситъ въ даръ,
И имъ однимъ живетъ, и имъ однимъ трепещетъ!...
Она безцѣнный перлъ, она душистый цвѣтъ,
И ей межъ радостей земныхъ подобной нѣтъ!...

Графиня Растопчина.

* * *

Съ потухшимъ факеломъ мой геній отлетаетъ,
Погасъ на маякѣ дрожащій огонекъ,
И сердце безъ борьбы, безъ жалобъ умираетъ,
Какъ холодомъ ночнымъ обвѣянный цвѣтокъ.
Меня безумная надежда утомила:
Я ждалъ, такъ долго ждалъ, что если-бы теперь
Исполнилась мечта, взошло мое свѣтило,
Какъ филина—заря, меня бы ослѣпила
Въ сіяющей эдемъ отворенная дверь.
Весь пылъ души моей истратилъ я на грезы,
Когда настанетъ жизнь, мнѣ нечѣмъ будетъ жить!
Я пролилъ надъ мечтой восторженные слезы,
Когда придетъ любовь, не хватитъ силъ любить!

Д. С. Мережковский.

Я ПОМНЮ.

Я помню—глубоко,
Глубоко мой взоръ,
Какъ лучъ, проникалъ и рощи, и боръ,
И степь обнималъ широко, широко...
Но зоркія очи,
Потухли и вы—
Я выглядѣлъ васъ на дѣву любви.
Я выплакалъ васъ въ безсонныя ночи.

Д. В. Давыдовъ.

* * *

Снилось мнѣ небо лазурное, чистое,
Снилось мнѣ родины ширь необъятная,
Утро румяное, поле росистое,
Свѣжесть и юность моя невозвратная...
Снилось мнѣ, будто иду я дорогою—
Ярче и ярче востокъ разгорается;
Сердце объято разсвѣтной тревогою,
Сердце отъ счастья любви разрывается.
Рощи и воды младенческимъ лепетомъ
Мнѣ отвѣчаютъ на чувство привѣтное—
Шепчуть уста съ умиленьемъ и трепетомъ
Имя любимое, имя завѣтное!...

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Позднею ночью, равниною снѣжной
Бду я. Тихо. Все въ полѣ молчить,
Глухо звучать по дорогѣ безбрежной
Скрипъ отъ полозьевъ и топотъ копытъ.
Все, что прощаясь ты мнѣ говорила,
Снова твержу я въ невольной тоскѣ,
Дологъ мой путь, и дорога уныла...
Что-то въ уютномъ твоёмъ уголкѣ?
Слышенъ-ли смѣхъ? Догораютъ ли свѣчи?
Также-ль блистаетъ твой взоръ, какъ вчера?
Тѣ-же ли смѣлыя, юныя рѣчи
Будутъ немолчно звучать до утра?
Кто тамъ съ тобой? Ты глядишь ли безстрастно,
Или трепещешь, волнуясь, любя?
Только-бъ тебѣ полюбить не напрасно,
Только-бъ другіе любили тебя!
Только бы кончился день безъ печали,
Только бы вечеръ прошелъ веселѣй,
Только-бы сны золотые летали
Надъ головою усталой твоей!
Только бы счастье со свѣтлыми днями
Также гналось по пятамъ за тобой,
Какъ наши тѣни бѣгутъ за санями
Снѣжной равниной порою ночной!

А. Н. Апухтинъ.

* * *

День ли царить, тишина ли ночная,
Въ снахъ ли тревожныхъ, въ житейской борьбѣ,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та-же, одна, роковая,—
Все о тебѣ!

Съ нею не страшенъ мнѣ призракъ былаго,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вѣра, мечты, вдохновенное слово,
Все, что въ душѣ дорогого, святого,—
Все отъ тебя!

Будутъ ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя,—
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства, и пѣсни, и силы,—
Все для тебя!

А. Н. Апухтинъ.

ТЕБѢ ОДНОЙ.

Тебѣ одной всѣ чистыя желанья,
Любовь, мечты всей жизни молодой,
Всѣ радости, надежды, упованья—

Тебѣ одной!

Тебѣ одной всѣ сердца увлеченья,
Небесный даръ гармоніи святой—
Поэзія, и музыки, и пѣнья—

Тебѣ одной!

Съ тобой одной желалъ бы, ангелъ милый,
Соединясь и сердцемъ, и душой,

Съ любовью жить и здѣсь, и за могилой

Съ тобой одной!

Ө. Картевъ.

* * *

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый,—

Какъ птичка въ клѣткѣ,
Сердце запрыгаетъ.

Встрѣчу-ль глаза твои,

Лазурью глубокіе,

Душа на встрѣчу имъ

Изъ груди просится.

И какъ то весело!

И плакать хочется...

И такъ на шею бы

Тебѣ я кинулся...

М. Ю. Лермонтовъ.

Мгновенно безъ борьбы, свѣтъ разума погасъ, —
И страхомъ грудь полна, тоской и нѣгой сладкой,
Въ душѣ кипить слеза и просится изъ глазъ.
Померкло все кругомъ... Не различить сознанью,
Гдѣ путь мой, гдѣ добро, гдѣ слава, гдѣ позоръ!
Къ тебѣ, красавица, къ очей твоихъ сіянью
Стремится мысль моя, стремится жадный взоръ!...
Какъ ночью караванъ, покорный волѣ звѣздной,
Иду я вслѣдъ твоимъ загадочнымъ очамъ,
Куда бы ни было!... Куда — не знаю самъ!
Въ оазисъ-ли любви, въ объятъ-ль темной бездны...

В. Л. Величко.

* * *

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
Какъ бурный вихрь, страсть ворвалась неожиданно,
Съ налета смяла въ ней нарядные цвѣты
И разметала садъ, тщеславіемъ убранный.
Условій мелкій соръ, крутящимся столбомъ,
Изъ мысли унесла живительная сила
И токомъ теплыхъ слезъ, какъ благостнымъ дождемъ,
Опустошенную мнѣ душу оросила.
И надъ обломками безмолвень я стою,
И трепетомъ еще невѣдомымъ объятый,
Воскреснувшаго дня пью свѣжую струю
И грома дальняго внимаю перебаты...

А. К. Толстой.

* * *

Я не скажу тебѣ, какъ жадно
Съ тобою встрѣчи я ловлю,
Какъ близъ тебя мнѣ быть отрадно,
Какъ смѣхъ твой звонкій я люблю...
Какъ буйно кровь моя играетъ,
Когда коснусь руки твоей,
Какъ сладко сердце замираетъ,
Лишь слышу звукъ твоихъ рѣчей...
Какъ много скрылъ я предъ тобою
Любви, и чувства, и огня...
Подъ маской свѣтской и пустою
Не разгадаешь ты меня!

Л. И. Пальминъ.

П Ъ С Н Я.

«Доброй ночи!» ты сказала,
Подавая руку мнѣ;
И желала много счастья,
Много радостей во снѣ.
«Пусть до самаго разсвѣта
Снятся милыя черты!»
Улыбаяся лукаво,
Говорила другу ты!

И сбылись твои желанья
И тебя увидѣлъ я!
Все твои мнѣ снились взоры,
Взоры полные огня!
Снилось—въ комнаткѣ уютной
Мы сидимъ съ тобой вдвоемъ;
На полу чертить узоры
Мѣсяцъ палевымъ лучемъ.
Ты меня рукой лилейной
Привлекла на грудь свою,
Нѣжно въ очи цѣловала,
И шептала мнѣ: люблю!
И еще такъ много снилось...
Что за дивный, сладкій сонъ!
Пожелай, чтобы со мною
На яву случился онъ!

А. Н. Плещеевъ.

*
* *
*

И печаль, и завѣтныя думы
Я сокрою въ душѣ отъ людей,
Ихъ никто не пойметъ, не узнаетъ
Подъ улыбкой обычной моей.
Только ты въ моемъ смѣхѣ веселомъ
Много грусти знакомой найдешь,
И во взорахъ притворно-спокойныхъ
И любовь, и тревогу прочтешь,
И все то, что живетъ въ моемъ сердцѣ,
Что я свято храню отъ людей,
Что тебѣ лишь одной и понятно,
И оковано властью твоей!...

Л. И. Пальминъ.

Помнишь ты, пылало небо,
Грохоталъ въ раскатахъ громъ,
Дождь стучалъ и въ полумракѣ
Мы сидѣли предъ окномъ?...

Вѣтеръ злѣе становился
И чѣмъ громче завывалъ,
Тѣмъ сильнѣй мнѣ тайный голосъ
О любви твоей шепталъ.

Грозно молнія сверкала...

Разглядѣть ты не могла...

Какъ съ желаньемъ я боролся

Какъ любовь мнѣ сердце жгла...

Унималась непогода,

Тускло теплилась свѣча,

Рѣже буря завывала,

Въ окна медленнѣй стуча.

Помнишь ты, я сталъ прощаться,

Ничего не говоря,

Но въ глазахъ уже свѣтилась

Близкой радости заря.

Руку я пожалъ съ надеждой

Мнѣ отвѣтила рука,

А луна, блеснувъ украдкой,

Озарила облака...

В. Умановъ-Каплуновскій.

МИНУТЫ СЧАСТЬЯ.

Не тамъ отрадно счастье вѣтъ,
Гдѣ шумъ и царство суеты:
Тамъ сердце скоро холодѣтъ,
И блекнутъ яркія мечты.
Но вечеръ тихій, образъ нѣжный,
И рѣчи долгія въ тиши
О всемъ, что будить умъ мятежный
И струны спящія души,—
О, вотъ онѣ, минуты счастья,
Когда, какъ зорька въ небесахъ,
Блеснетъ внезапно лучъ участія
Въ чужихъ внимательныхъ очахъ,
Когда любви горячей слово
Растетъ на сердцѣ, какъ нацѣвъ,
И съ языка слетѣть готово,
И замираетъ, не слетѣвъ.

А. Н. Апухтинъ.

/ 124

Какъ много чувствъ живыхъ заснуло непробудно
Подъ равнодушія притворной пеленой,
• Какъ много счастья и радости земной
Людьми утрачено лишь потому, что трудно
Произнести: люблю!—Предразсужденій гнетъ,
Самолюбивый страхъ, привычка къ лицемѣрю
Устамъ велятъ молчать, когда любовь зоветъ
Къ сердечной простотѣ и смѣлому довѣрю.
Но внятно раздалось въ волшебной тишинѣ
Изъ чистыхъ устъ ея правдивое признанье,
Мои сомнѣнія, мой страхъ, мое молчанье—
Она прощала все и отдавалась мнѣ!
И полдень просіялъ, и вокругъ лучи взыграли,
И клены старые, съ весельемъ пробудясь,
О вѣчномъ счастьи намъ таинственно шептали
И наклонялися, благословляя насъ...

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Ужь гасли въ комнатахъ огни...

Благоухали розы...

Мы сѣли на скамью въ тѣни

Развѣсистой березы.

Мы были молоды съ тобой;

Такъ счастливы мы были

Насъ окружавшею весною;

Такъ горячо любили!

Двурогій мѣсяцъ наводилъ

На насъ свое сіянье;

Я ничего не говорилъ,

Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синихъ глазъ твоихъ

Ты опускала взоры:—

Краснорѣчивѣй словъ иныхъ

Нѣмые разговоры.

Чего не смѣлъ повѣрить я,

Что въ сердцѣ ты таила,

Все это пѣсня соловья

За насъ договорила.

К. Р.

То было раннею весной,
Трава едва всходила;
Ручьи текли, не париль зной,
И зелень рощь сквозила;
Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Быль папоротникъ тонкій;
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...
То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды—
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!
И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый —
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!
То было въ утро нашихъ лѣтъ—
О, счастье! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

А. К. Толстой.

Только узналъ я тебя—

И трепетомъ сладкимъ впервые
Сердце забилося во мнѣ.

Сжала ты руку мою—

И жизнь, и всѣ радости жизни
Въ жертву тебѣ я принесъ.

Ты мнѣ сказала: люблю—

И чистая радость слетѣла
Въ мрачную душу мою.

Молча, гляжу на тебя—

Нѣтъ слова всѣ муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую свѣтлую мысль,

Высокое каждое чувство

Ты зарождаешь въ душѣ.

А. А. Дельвинъ.

рм

* * —

Помнишь—мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома.
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью!
Дождикъ лилъ сквозь солнца, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ снуровку...
Помнишь—какъ все тише смѣхъ нашъ становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился,—
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

А. Н. Майковъ.

Волшебныя слова любви и упоенья,
Я слышалъ наконецъ изъ милыхъ устъ твоихъ,
Но въ странной робости послѣдняго сомнѣнья
Твой голосъ ласковый затихъ.

Давно, когда, въ цвѣтахъ синѣя и блистая,
Неслася надъ землею счастливая весна,
Я помню, видѣлъ разъ, какъ глыба снѣговая
На солнцѣ таяла одна.

Одна... кругомъ и жизнь, и говоръ, и движенье...
На солнцѣ все горитъ, звучнѣй бѣгутъ ручьи...
И въ полдень снѣга нѣтъ, и радость обновленья
До утра пѣли соловьи.

О дай же доступъ мнѣ, моей любви мятежной,
О сбрось послѣднй снѣгъ, растай, растай скорѣй...
И я тогда зальюсь такою пѣсней нѣжной,
Какой не вѣдалъ соловей!

А. Н. Апухтинъ.

ПОСЛѢДНЙ ЛУЧЪ.

Душа моя нѣжна. Возлюбленная, гдѣ ты!
Румянымъ золотомъ края небесъ одѣты—
Послѣдней роскошью плѣнительнаго дня.
Снѣши, далекая, покуда грудь моя
Полна тоской любви, такъ сладостно томящей,
Пока еще дрожить тотъ лучъ, едва сквозящй—
Тотъ въ небѣ и въ душѣ послѣднй свѣта лучъ,
Готовый утонуть въ безбрежномъ небѣ тучъ.

П. М. Ковалевскій.

*
* *

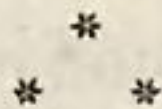
Люди спятъ, мой другъ: пойдѣмъ въ тѣнистый садъ;
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ—слышитъ только соловей,
Да и тотъ не слышитъ—пѣснь его громка;
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце—сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли,
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо.

А. А. Шеншинъ (Фетъ).

*
* *

Шопоть, робкое дыханье,
Трели соловья, *Синь*
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни—
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтара,
И лобзанія, и слезы—
И заря, заря!

А. А. Шеншинъ (Фетъ).

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моихъ дверей.
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей.
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ моей небрежной
Рукой измятое кольцо.
Помедли ночь! густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!
Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаясь, назадъ;
Ея потупленные очи
Уже глядятъ и не глядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла;
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О, солнце, солнце! погоди!

Я. П. Полонскій.

ЗАГАДОЧНЫЯ МИНУТЫ.

Бываютъ странныя мгновенья!
Въ какомъ-то дикомъ опьяненьи,
Огнемъ и похотью дыша,
Сгораетъ тѣло отъ томленья,
И замираетъ въ немъ душа!
Охваченъ пламеннымъ экстазомъ
Предъ воплощеньемъ красоты,
Теряетъ власть надъ сердцемъ разумъ
И надъ капризами мечты;
Предъ взорами разнообразно
Встаютъ, мѣняясь и маня,
Картины, полныя соблазна
И сладострастнаго огня.
Клокочетъ въ сердцѣ кровь бурливо,
По тѣлу пробѣгаетъ дрожь,
И разжигаетъ страсть до взрыва
Мечты предательская ложь, —
И бѣшенно стремится воля
Упитъся женской красотой;
Съ какой-то силой роковой
Чужіе помыслы неволя,
Преграды руша предъ собой!...

Непостижимыя мгновенья,
Когда природы мощный зовъ
Влечетъ насъ къ нѣгѣ наслажденья
И поселяетъ въ насъ забвеніе
Своихъ же выпренихъ даровъ;—
Мгновенья горестной утраты,
Среди объявшей душу тьмы,
Всего, чѣмъ горды и богаты
Въ сравненіи съ дикимъ звѣремъ мы!

Ф. В. Черниговецъ.

ЖЕНСКІЯ РѢЧИ.

Говори, ни на мигъ не смолкая,
Безконечно, мой другъ, говори:
Насъ заставить молчать, разлучая,
Суета восходящей зари!...
Ужъ отъ моря несется прохлада,
Ужъ блѣднѣетъ звѣзда за звѣздой,
И роса на кистяхъ винограда,—
Мы разстанемся скоро съ тобой!...
И ползутъ по колоннамъ туманы,
Поднимаясь клубами съ ручья,
Раскрываютъ свой вѣнчикъ ліаны,
Просыпается пѣснь соловья...

Не убьемъ-же напрасно минуты
Безъ восторженныхъ мыслей и словъ!
Не спѣши торопливо ко сну ты:
Ихъ такъ много, обманчивыхъ сновъ!
Мнѣ потребна въ такія мгновенья
Та мелодія женскихъ рѣчей,
Что мнѣ въ душу вливаетъ забвенье
Всѣхъ текущихъ безжизненныхъ дней.

Поняла ты, что я негодую
Отъ избытка широкой любви
На неправду и мелочь людскую,—
Примиренье ко мнѣ призови!...

Но остались намъ только мгновенья
До лучей повседневной зари...
Изливай мнѣ на раны цѣленье:
Говори, говори, говори!
О, мой другъ! Такъ любовь угасаетъ,
Мимолетная юности дочь,
Какъ предъ нами теперь отлетаетъ
Эта ночь, невозвратная ночь!

Н. Θ. Щербина.

✓ *руч*

* *

Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ,
Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля.
Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ
Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!

Онѣмѣли цвѣты... Лѣсъ тревожно затихъ,
Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темносиней дали,
И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,
Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли...

Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей
По каймѣ золотой потухавшей зари:
Та заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,
Но шепнули мы ей: «поскорѣй догори!»

И потухла заря. И какъ фея любви,
Насъ окутала ночь безмятежнымъ крыломъ...
А гроза въ сторонѣ зажигала огни,
И ревниво порой гдѣ-то вздрагивалъ громъ...

С. А. Андреевскій.

* * *

На зарѣ ты ее не буди:
На зарѣ она сладко такъ спить!
Утро дышетъ у нея на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланить.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось сильнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горить,
Не буди жь ты ее, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спить.

А. А. Шеншинъ (Фетъ).

* * *

Тебя я видѣла во снѣ,
Какъ будто съ нѣжною тоскою,
Склонился на плечо ко мнѣ
Ты бѣлокурой головою.
И слезы изъ моихъ очей
Тихонько на тебя катились,
И капая, онѣ струились
По кольцамъ шелковыхъ кудрей.
О чемъ была твоя печаль,
О чемъ лилися слезы,—
Не понимаю. И едва-ль
Понять возможно эти грезы.
Своей любовью, милый мой,
Ты счастья далъ мнѣ совершенство:
Не отъ избытка-ли блаженства
Во снѣ грустили мы съ тобой?

К. Р.

ТЫ МНѢ ВСЕ.

Воздуха чистаго въ легкомъ дыханіи
Мнѣ твоей поступи вѣянье слышится;
На морѣ бѣлой волны въ колыханіи
Все мнѣ волна твоихъ персей колышется;
Тополя стройнаго въ листовномъ шелестѣ
Чудится шепотъ твой нѣжный, таинственный;
Въ цѣлой природѣ твои только прелести
Я созерцаю, о другъ мой единственный!
Ты—мое солнце въ полуднѣ высокое,
Мѣсяцъ серебряный, звѣздочка скромная;
Ты—моя радость и горе глубокое,
День мой блестящій и ночь моя темная.

В. Г. Бенедиктовъ.

*
* *
*

Что усилья людей? Не легко
И судьбѣ разлучить насъ съ тобою;
До тебя высоко, далеко,
Но всегда ты во мнѣ и со мною.
Безтѣлесно-живымъ существомъ
Ты витаешь надъ мной безучастно,
Ты присутствуешь тайно во всемъ,
Что въ природѣ и жизни прекрасно.
Ты со мной—невидимка въ трудахъ,
Въ размышленіи, въ радости, въ скупѣ,
Въ дуновеньи весны и въ цвѣтахъ,
И въ звѣздѣ на ночныхъ небесахъ,
Въ ароматѣ, и свѣтѣ, и звукѣ!
Знаю: словомъ однимъ разорвать
Можешь ты мое сердце на части,
Только память у сердца отнять
Не въ твоей человѣческой власти!

А. Н. Яхонтовъ.

*
* *

Перестань, милый другъ, свое сердце пугать;
Что намъ завтра сулить—мудрено угадать.
Посмотри: изъ-за синяго полога тучъ
На зеленый курганъ брызнулъ золотомъ лучъ,
Колокольчикъ поникъ надъ росистой межей,
Алой краской покрыть василекъ голубой,

Сироты павилики румяный цвѣтокъ
Приласкался къ нему и обвилъ стебелекъ.
Про таланъ золотой въ полѣ пахарь поетъ,
Въ потемнѣвшемъ лѣсу отголосокъ идетъ.
Въ каждой травкѣ—душа, каждый звукъ—говорить,
Въ синевѣ про любовь голосъ птички звенить...
Только ты все грустишь, словъ любви не найдешь,
Громовыхъ облаковъ въ день безоблачный ждешь.

И. С. Никитинъ.

* * *

Я люблю тебя такъ оттого,
Что изъ пошлыхъ и гордыхъ собою
Не напомнимъ ты мнѣ никого
Откровенной и ясной душою;
Что съ участием могла ты понять
Роковую борьбу челоуѣка,
Что въ тебѣ уловилъ я печать
Отдаленнаго, лучшаго вѣка!
Я люблю тебя такъ потому,
Что не любишь ты мертваго слова,
Что не вѣришь ты слѣпо уму,
Что чужда ты разсчета мірскаго;
Что горячее сердце твое
Часто бьется тревожно и шибко...
Что смиряется горе мое
Предъ твоей миротворной улыбкой!

А. Н. Апухтинъ.

*
* *

Ищи во мнѣ не радости мгновенной,
Люби меня не для себя одной;
Какъ Беатриче образъ вдохновенный,
Ты къ небесамъ мнѣ свѣтлый путь открой.
Склонясь ко мнѣ съ плѣнительной заботой,
Ты повторяй: «будь добрымъ для меня,
Иди въ борьбу, и мысли, и работай,
Впередъ за мной,—я поведу тебя!»
И каждой ласкѣ, каждому упреку
Заставь меня ты радостно внимать;
Какъ женщина, ревнуй меня къ пороку
И береги, какъ любящая мать.

Д. С. Мережковский.

*
* *

Дай руку мнѣ, любовь моя,
Дай руку мнѣ смѣлѣй!
Милѣй всѣхъ благъ мнѣ рѣчь твоя
И блескъ твоихъ очей.

Не слабъ мой духъ, и твердъ мой шагъ,
И вѣрь, ребенокъ мой,—
Ни грозный рокъ, ни сильный врагъ
Не сломятъ насъ съ тобой.
Смѣлѣй же въ путь! Судьбѣ на зло,
Мы весело вдвоемъ,
Рука съ рукой, поднявъ чело,—
Въ широкій свѣтъ поидемъ;
Въ широкій свѣтъ, громаднѣйшій свѣтъ,
Въ міръ вѣчной суеты,
И всякихъ благъ, и всякихъ бѣдъ,
И лжи, и красоты!
Не страшень мнѣ безвѣстный путь,
Не вѣрю я въ злой часъ,
Сильна рука моя, и грудь
Крѣпка, и зорекъ глазъ.
Что намъ—что свѣтъ и золь, и грубъ?
Во мнѣ не дрогнетъ бровь—
За око—око, зубъ за зубъ
И кровь воздать за кровь!
Смѣлѣй же въ даль, и въ шумъ, и въ гамъ,
На встрѣчу суеты,
На встрѣчу счастью и бѣдамъ,
И лжи, и красотѣ!

М. Л. Михайловъ.

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныль и угрюмъ,
Оживляется такъ вдохновенно
Твой веселый, насмѣшливый умъ;

Ты хохочешь такъ бойко и мило,
Такъ враговъ моихъ глупыхъ бранишь,
То, понутивъ головку уныло,
Такъ лукаво меня ты смѣшишь;

Такъ добра ты, скупая на ласки,
Поцѣлуй твой такъ полонъ огня,
И твои ненаглядные глазки
Такъ голубяты и гладятъ меня,—

Что съ тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И впередъ—въ это темное море—
Безъ обычного страха гляжу...

Н. А. Некрасовъ.

* * *

Не говори: любовь пройдетъ,—
О томъ забыть твой другъ желаетъ
Въ ея онъ вѣчность уповаетъ,
Ей въ жертву счастье отдаетъ.
Зачѣмъ гасить душѣ моей...
Едва блеснувшія желанья?
Хоть мигъ позволь мнѣ безъ роптанья
Предаться нѣжности твоей...
За что страдать? что мнѣ въ любви
Досталось отъ небесъ жестокихъ
Безъ горькихъ слезъ, безъ ранъ глубокихъ,
Безъ утомительной тоски?
Любви дни краткіе даны,
Но мнѣ не зрѣть ея остылой:
Я съ ней умру, какъ звукъ унылый
Внезапно порванной струны.

А. А. Дельвишъ.

* * *

Порой, когда нашъ разговоръ
Раздумьемъ смѣнится случайно,
Я на себѣ ловлю твой взоръ,
Исполненный тревоги тайной,

— И вижу въ милыхъ мнѣ очахъ,
Какой печалію полна ты,
Какой тебя волнуетъ страхъ
Суровымъ признакомъ утраты!
Душѣ мерещится твоей,
Что дикій вихрь слѣпыхъ страстей
Моей любви погасить пламя—
И ляжетъ пропасть между нами...

Такъ рыбаки идутъ—свой челнъ
Провѣдать ночью: цѣпь крѣпка-ли,
Не сталь-ли онъ добычей волнъ,
Бѣгущихъ изъ-за темной дали?...

Не бойся, другъ! Во мглѣ ночной
Пусть крѣпнетъ вѣтеръ заунывный,
Волна пусть плещетъ за волной!
Челнокъ твой къ пристани родной
Прикованъ цѣпью неразрывной!
Онъ твой! Повѣрь, тебя онъ ждетъ
И, съ проблескомъ зари желанной,
Съ тобой направить свой полетъ,
Чтобъ въ край приплыть обѣтованный,
Иль утонуть средь бурныхъ водъ...

В. Л. Величка.

Я вижу ясно—ты больна...
 Зачѣмъ напрасныя волненья!
 Къ чему скрывать—ты смущена
 Обычнымъ голосомъ сомнѣнья.
 Ты упрекаешь, говоря,
 Что разлюбилъ я, что бывало,
 Свѣтила намъ любви заря,
 А нынче... тучка набѣжала.
 Повѣрь, любовь моя крѣпка,
 Угломонились только страсти,
 И та-же вѣрная рука
 Тебя отводить отъ напасти.
 Цвѣтеть ли круглый годъ весна?
 Весь міръ нашъ сотканъ изъ мгновеній,
 А ты, малютка, смущена,
 Не находя въ томъ утѣшеній.
 Въ твоёмъ сердечкѣ свой мірокъ,
 Свои законы и причины,
 Тамъ, какъ въ теплицѣ, уголокъ—
 Все ландыши и георгины.
 Въ моемъ же сердцѣ нѣтъ цвѣтовъ,
 Оно обвѣяно вѣтрами
 И отъ полярныхъ холодовъ
 Твоими жъ грѣется лучами.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Милая, больно становится сердцу отъ этихъ упрековъ...
Счастья ты просишь... Но гдѣ-же мнѣ взять это счастье,
Если насъ жизнь не дарила ничѣмъ, кромѣ горькихъ уро-
ковъ,

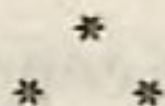
Если привыкъ и въ весенніе дни я бояться ненастья?
Сладко и чудно любить... Но, когда подъ цвѣтущей лю-
бовью

Ищешь, умышленно ищешь мучительныхъ терній,
Сердце подъ ними исходитъ вѣдъ жгучею кровью,
Сердце тогда ужъ не вѣритъ и въ блескъ сновидѣній...
Знаешь-ли ты, что, любя, можно злобой терзаться?
Злобой за дѣтски наивныя рѣчи, за дѣтскія ласки,
Злобой за то, что не можешь имъ дѣтски отдаться,
Что мимолетны онѣ, словно признаки въ сказкѣ;
Знаешь-ли ты, что порою болѣзненно чутко
Ловить безумное сердце всѣ шорохи мысли,
Словно ребенку во тьмѣ, вдругъ становится страшно и
жутко

Чудится, будто въ бреду, неисходныя бѣды нависли...
Что-же мнѣ дѣлать, когда и любовь для меня — лишь
страданье?

Если бъ ты знала, какъ жажду и я наслажденья,
Если бъ ты знала, какъ горько и тяжело сознанье
Вѣчной, мучительной власти тоски и сомнѣнья, —
Милая, ты мнѣ простила бы эти невольныя слезы,
Ты мнѣ простила бъ тотъ мигъ, когда, полный безумья,
Я омрачилъ твои первыя, ясныя грезы
Этой печальной любовью, этой пыткой раздумья...

Ф. В. Орловскій.

Я люблю, какъ ребенокъ капризный:
Предъ тобой я во многомъ неправъ;
Но къ чему-же тебѣ укоризной
Возмущать мой причудливый нравъ?...

Полюбить меня, вѣрю я, трудно,
А шутить я съ тобой не хочу:
Я люблю и капризно, и чудно:
То тоскую, то дѣтски—шучу,

То, припавъ въ забытѣи предъ тобою,
Самъ не знаю о чемъ я молю,
То насмѣшкой и ѣдкой и злою
Я тебя безпощадно язвлю.

Не смущай же меня укоризной:
Мнѣ съ тобой хорошо и легко—
Я люблю, какъ ребенокъ капризный,
Но за то я люблю глубоко.

В. В. Крестовскій.

Если мучимый страстью мятежной
Позабылся ревнивый твой другъ,
И въ душѣ твоей, кроткой и нѣжной,
Злое чувство проснулося вдругъ—
Все, что вызвано словомъ ревнивымъ,
Все, что подняло бурю въ груди,
Переполнена гнѣвомъ правдивымъ
Безпощадно ему возврати.
Отвѣчай негодующимъ взоромъ,
Оправданья и слезы осмѣй,
Порази его жгучимъ укоромъ—
Всю до капли досаду излей!
Но, когда, отдохнувъ отъ волненья,
Ты поймешь его грустный недугъ,
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящій другъ—
Позабудь ненавистное слово,
И упрекомъ своимъ не буди
Угрызеній мучительныхъ снова
У воскресшаго друга въ груди!
Вѣрь: постыдный порывъ подозрѣнья
Безъ того ему много принесть
Полныхъ муки, тревогъ, сожалѣнья
И раскаянья поздняго слезъ...

Н. А. Некрасовъ.

* * *

Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучить сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Все что не ты—такъ суетно и ложно,
Все что не ты—безцвѣтно и мертво.

Безъ повода и права негодуя,
Ужъ не кипить бунтующая кровь,—
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я,—
Моя любовь, о, другъ, и не ревнуя,
Осталась та же прежняя любовь.

Такъ отъ высотъ нахмуренной природы,
Съ нависшихъ скалъ сорвавшійся потокъ
Изъ царства тучъ, грозы и непогоды,
Въ просторъ степей выносить тѣ же воды
И въ даль течеть, спокоенъ и глубокъ.

А. К. Толстой.

* * *

Въ тебѣ—резеды аромать,
Мелодіи нѣжные звуки,
Волшебный и сладостный ядъ,
Томленье блаженства и муки...
Ты все воплощаешь собой,
Что вылить въ словахъ невозможно,

Что можно понять лишь душой
Томительно, страстно, тревожно...
Свѣтъ солнечный въ смѣхѣ твоёмъ,
Во взорахъ—весны обаянье,
И разлито въ этомъ во всемъ
Змѣи ядовитой дыханье...

Л. И. Пальминъ.

*
* *
*

Въ тотъ мигъ, когда рукой чужою
Ударъ намъ въ сердце нанесень,
Когда чернятъ насъ клеветою
Или клянуть со всѣхъ сторонъ,—
Мы съ негодующимъ презрѣньемъ
Встрѣчаемъ сдѣланное зло,
И смѣло грознымъ обличеньемъ
Бросаемъ въ наглое чело!
Но, если намъ рукой любимой
Терзаютъ сердце,—о, тогда,
Въ нѣмой тоскѣ невыразимой,
Подъ гнетомъ скорби и стыда,
Сомкнувъ уста, сжимая руки,
Съ смертельнымъ холодомъ въ крови—
Мы молча вынесемъ всѣ муки
Своей поруганной любви.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь,
Изъ мыслей изгонять и снова призывать,
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму!...

А. Фетъ.

З Е М Л Я.

Ты помнишь ли случай, родная?...
Когда я малюткой была,
Въ саду, межъ цвѣтами летая,
Меня укусила пчела.
Какъ палецъ мнѣ жало палило,
И слезы ручьями текли —
На палецъ ты мнѣ положила
Щепотку холодной земли...
И боль оттого унялася,
И радостно видѣла ты,
Какъ я побѣжала, рѣзвяся,
За бабочкой пестрой въ кусты...

Пора наступила иная,
И боль загорѣлася вновь...
Боюсь я признаться, родная,
Что жалить мнѣ сердце любовь!
Но тѣмъ-же и этой порою
Ты можешь меня исцѣлить,—
Холодной могильной землею
На вѣки мнѣ сердце покрыть.

Н. Θ. Щербина.

ОХЛАЖДЕНІЕ.

Мучительно слѣдить за медленной утратой,
Годами купленной — любовью богатой,
И близкой намъ души! Нести завѣтныхъ узъ
Не въ силахъ бѣдная. Таинственный союзъ
Разрушенъ навсегда. Не умыселъ коварный
Созрѣлъ измѣною въ душѣ неблагодарной,
Не легкомысліе, не медленный расчетъ
На связи прежнія въ ней холодно встаетъ...
Другой лежитъ ей путь, другія впечатлѣнья
Уносятъ прежнія; не гнѣва, не презрѣнья,
А пламенныхъ молитвъ и непритворныхъ слезъ
Достойна бѣдная. Блаженъ, кто перенесъ
Паденіе ея безъ грѣшнаго укора,
Кто въ преступленіе ей не вмѣнилъ позора,
Кто цѣломудренно хранилъ въ душѣ своей
Воспоминаніе однихъ прошедшихъ дней,
Кто для нея сберегъ одни благословенья,
Да дружбу грустную, да слезы умиленья!

А. И. Одоевскій.

Слеза дрожить въ твоёмъ ревнивомъ взорѣ —
 О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
 Но я любить могу лишь на просторѣ —
 Мою любовь, широкую какъ море,
 Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
 Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
 Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
 И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
 Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
 Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
 Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумить отрадной,
 О ней потокъ гремитъ струею хладной,
 И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной,
 И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
 И милой дѣвы взоръ, на насъ склоненный,
 И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
 И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
 Пожди еще — неволя недолга, —
 Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
 Въ одну любовь, широкую какъ море,
 Что не вмѣстятъ земные берега.

А. К. Толстой.

ОТВѢТЪ.

Мы близки другъ другу... я знаю,
Но чужды по духу... Любви
Давно я къ тебѣ не питаю,
И холодны рѣчи мои...
Не въ силахъ я лгать предъ тобою,
А правда страшна для тебя...
Къ чему же безплодной борьбою
Всечасно терзать намъ себя?
Въ кумирахъ мнѣ Бога не видѣть,
Предъ ними чела не склонить!
Мнѣ все суждено ненавидѣть,
Что рабски привыкла ты чтить!
Кто истинѣ, вѣрный призванью,
Себя безвозвратно обрекъ, —
И домъ, и семью, безъ роптанья
Оставить, сказалъ намъ Пророкъ...
О вѣрь мнѣ, напрасны упреки:
Разстаться намъ должно съ тобой...
Любви мы другъ къ другу далеки,
Другъ друга мы чужды душой!...

А. Н. Плещеевъ.

Нѣтъ, легче мнѣ думать, что ты умерла,
Чѣмъ узнать, что тебя съ каждымъ днемъ покоряетъ
Всесильная пошлость глухого угла,
Гдѣ блѣдная юность твоя доцвѣтаетъ;
Чѣмъ узнать, что могла-бъ ты всей грудью дышать,
Могла бы любить всей душой пробужденной, —
И гибнешь безплодно, не въ силахъ порвать
Съ бессмысленнымъ гнетомъ среды зачумленной!
Объ этой-ли призрачной жизни слѣпцовъ
Мечтали съ тобою мы въ нашихъ бесѣдахъ,
Объ этихъ-ли мелкихъ уколахъ враговъ,
Объ этихъ-ли жалкихъ надъ ними побѣдахъ?
Куда-жъ они скрылись, завѣтные сны,
Зачѣмъ оттолкнула ты лучшую долю?
На что промѣняла ты солнце весны,
И воздухъ, и силу, и вольную волю?...
Мнѣ жалко тебя до страданья, до слезъ,
Съ какой-бы любовью я бѣднаго друга
Съ собой на рукахъ, какъ ребенка, унесъ
Изъ этого затхлаго, тѣснаго круга!...
Но тщетно зову я тебя: предо мной
Стоишь ты съ поникшими грустно очами,
И мнѣ отвѣчаешь пугливой мольбой,
Да горькой улыбкой стыда, да слезами!...

С. Я. Надсонъ.

П Р О С Т И.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слезъ,
Не помни ревности угрозъ!
Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило,
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

Н. А. Некрасовъ.

П Р О С Т И.

Прости. Покорень волѣ рока,
Безъ глухихъ жалобъ и упрека
Я говорю тебѣ: прости!
Къ чему упрекъ?—я вѣрю твердо,
Что въ насъ равно страданье гордо,
Что намъ однимъ путемъ идти.
Мы не пойдемъ рука съ рукою,
Но память прошлаго съ собою
Равно нести осуждены.
Мы въ жизнь, обоимъ намъ пустую,
Уносимъ вѣру роковую
Въ одни обманчивые сны.

Пускай душа твоя ни мало
Въ былые дни не понимала
Души моей, любви моей,—
Ея блаженство и мученья
Прошли давно безъ раздѣленья
И безъ возврата. Что мнѣ въ ней?
Пускай за то, что мы свободны,
Что мы душою странно сходны,
Не суждено сойтися намъ!
Но все, что мучить и тревожить,
Что грудь такъ жметъ и сердце гложетъ,
Мы раздѣлили пополамъ.
И намъ обоимъ нѣтъ спасенья:
Тебя не выкупятъ моленья,
Тебѣ молитва не дана!
Въ ней небо слышитъ безъ участья
Сознанье скуки, жажду счастья,
Мечты несбыточнаго сна.

А. А. Григорьевъ.

ПРОСТИ.

Въ міръ очарованный прозрѣть,
Понять, какъ счастье возможно,
И... честно высказать не смѣть
Восторгъ души своей тревожной;
Лелѣять сладкій свой недугъ,
Безумно сердцемъ увлекаясь,
И вдругъ — опомниться! и вдругъ —
Сказать; *прости!* не разлучаясь!
Какъ этотъ мигъ перенести?
Разлуку легче переносишь,
Когда тяжелое: *прости!*
Глотая слезы, произносишь.
Въ прощальномъ словѣ есть привѣтъ,
Надежда тайная свиданья
И миль еще намъ Божій свѣтъ,
Съ тоской тревожной ожиданья.
Когда же, втайнѣ отъ людей,
Ты произнесъ *прости* нѣмое
Во глубинѣ души своей, —
О, страшно слово роковое!
Свершилось! въ жизни ничего
Для жизни сердца не осталось
Въ завѣтномъ тайникѣ его
Вдругъ, съ болью, что-то оборвалось!...
Все та жъ вокругъ тебя среда,
Что день, то новое свиданье,
Но міру грезъ, очарованья
Прости! сказалъ ты навсегда!

А. Н. Яхонтовъ.

*
* *

Уходишь ты, и сердце въ часъ разлуки
Ужъ не звучить желаньемъ и мольбой;
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло предъ судьбой.
И, какъ среди песковъ степи безводной
Бѣлѣть рядъ покинутыхъ гробовъ,
Такъ въ памяти моей найдутъ покой холодный
Гробницы свѣтлыхъ грезъ моей любви безплодной,
Невыраженныхъ чувствъ, невысказанныхъ словъ.
И, если нѣкогда надъ этими гробами,
Нежданно прозвучитъ призывный голосъ твой,
Лишь отзвукъ каменный застывшими волнами
О той пустынѣ, что лежитъ межъ нами,
Тебѣ пошлетъ отвѣтъ холодный и нѣмой.

Вл. С. Соловьевъ.

*
* *

«Отрава горькая слезы
Послѣдней—жжетъ мои рѣсницы...
Такъ послѣ бѣшенной грозы,
Трепещутъ робкія зарницы.
«Тяжелымъ безотраднымъ сномъ
Заснула страсть... утихли битвы...

Но въ сердцѣ сдавленномъ моемъ
Покоя нѣтъ—и нѣтъ молитвы.
А ты, кому въ разлучный мигъ
Я молча сжать не смѣю руки,
Къ кому прощальныхъ словъ моихъ
Стремятся трепетные звуки....
Молю тебя—въ душѣ твоей
Не сохраняй воспоминанья,
Не замѣчай слезы моей,—
И позабуди мои страданья!».

И. С. Тургеневъ.

РАЗЛУКА.

Разстались мы; на мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя;
Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

Е. А. Баратынскій.

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой
И въ сумракѣ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой, —
Твой милый образъ, незабвенный...
Онъ предо мной вездѣ, всегда,
Недостижимый, неизмѣнный,
Какъ ночью на небѣ звѣзда.

Θ. И. Тютчевъ.

Еще любви безумно сердце просить,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уносить,
Ни губить свѣтъ мертвящей суетой;
Безумно сердце просить женской ласки,
И чудная мечта нашептываетъ сказки.
Но тщетно все!... отвѣта нѣтъ желанью;
Въ испугѣ мысль опять назадъ бѣжить
И бродить трепетно въ воспоминаньи...
Но прошлаго ничто не воскресить!
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ
И память только онъ гнететъ или тревожитъ.
И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась:
Хозяинъ умеръ — пусто и темно;
Лепечетъ попъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лица.

Н. Огаревъ.

* * *

Ночи безумныя, ночи безсонныя,
Рѣчи несвязныя, взоры усталые...
Ночи, послѣднимъ огнемъ озаренныя,
Осени мертвой цвѣты запоздалые!
Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго,—
Все же лечу я къ вамъ памятью жадною,
Въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго...
Вкрадчивымъ шопотомъ вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
Въ тихую ночь вы мой сонъ отгоняете,
Ночи безсонныя, ночи безумныя!

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Ты скоро меня позабудешь;
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни разлюбишь, полюбишь,
А я—никого, никогда!
Ты новыя лица увидишь
И новыхъ друзей изберешь;
Ты новыя чувства узнаешь—
И, можетъ быть, счастье найдешь.
Я—тихо и грустно свершаю,
Безъ радостей, жизненный путь;
И какъ я люблю и страдаю—
Узнаетъ могила одна.

Ю. В. Жадовская.

ПѢСНЯ.

Взгляни, мой другъ, по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка.
Мой милый другъ, твои молодые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;
Оставь же мнѣ и громъ, и непогоды,—
Они твое блаженство унесутъ.
Прости, забудь, не требуй объясненій:
Моей судьбы тебѣ не раздѣлить!
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ слезъ, для счастья—любить!
Взгляни, взгляни: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка!

В. И. Красовъ.

* * *

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ:
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

А. С. Пушкинъ.

* * *

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Давно-ль, гордясь своей побѣдой,
Ты говорилъ: она моя...
Годъ не прошелъ, спроси и свѣдай,
Что уцѣлѣло отъ нея?

Куда ланить дѣвались розы,
Улыбка устъ и блескъ очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрѣчѣ,
При первой встрѣчѣ роковой,
Ея волшебный взоръ и рѣчи
И смѣхъ младенчески-живой?

И что-жъ теперь? И гдѣ все это?
И долговѣченъ ли былъ сонъ?
Увы, какъ сѣверное лѣто
Былъ мимолетнымъ гостемъ онъ!

Судьбы ужаснымъ приговоромъ
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженнымъ позоромъ
На жизнь ея она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
Въ ея душевной глубинѣ
Ей оставались воспоминанья...
Но измѣнили и онѣ.

И на землѣ ей дико стало,
Очарованіе ушло...
Толпа, нахлынувъ, въ грязь втоптала
То, что въ душѣ ея цвѣло.

И что-жъ отъ долгаго мученья
Какъ пеплъ сберечь ей удалось?—
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль безъ отрады и безъ слезъ!

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Ө. И. Тютчевъ.

ОПРАВДАНИЕ.

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставить межъ людей,—

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя—

Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои молодые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!

Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судить насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

М. Ю. Лермонтовъ.

* * *

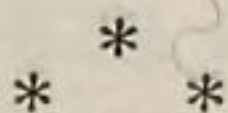
Царила тьма; чернѣли тучи...
Въ лѣсу сидѣлъ я въ часъ ночной;
Гудѣлъ зловѣще лѣсъ дремучій,
Объятый холодомъ и тьмой.
Вдругъ буря ель шумя нагнула,
И между тучъ, сквозь мракъ вѣтвей,
Звѣзда нежданно мнѣ блеснула
Живымъ огнемъ своихъ лучей.
Пускай судьба, какъ тяжкій молотъ,
Разбила все, что я любилъ;
Пускай навѣкъ житейскій холодъ
Подъ снѣгомъ грезы схоронилъ;
Пусть дни мои текутъ уныло, —
Какъ та звѣзда среди вѣтвей,
Любви погибшей призракъ милый
Бросаетъ свѣтъ въ душѣ моей.

И. И. Козловъ.

* * *

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню;
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.
И, новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

М. Ю. Лермонтовъ.

Смотрю на твой портретъ въ какомъ-то обаяньи
И думаю, стремясь душою въ тѣ года,
Гдѣ лучшія мои живутъ воспоминанья:
Ужель ты для меня погибшее созданье?
Ужель ты для меня погасшая мечта?

Нѣтъ, до могилы мы не можемъ быть врагами;
Нѣтъ, мнѣ нельзя забыть минувшихъ нашихъ дней, —
Въ нихъ столько пронеслось и бурь, и грозъ надъ нами,
Они заклеены восторженными снами,
Они полны и мрака, и лучей.

Нѣтъ, по какимъ бы мы ни шли съ тобой дорогамъ,
Въ воспоминаніяхъ мы встрѣтимся всегда.
Откликнись же моимъ недремлющимъ тревогамъ,
Сестра моей души, указанная Богомъ, —
Послѣднихъ грезъ моихъ блестящая звѣзда!

Въ борьбѣ съ моей судьбой я выбился изъ мочи,
И жду, тревожно въ даль грядущаго смотря:
Не улыбнутся-ль мнѣ твои уста и очи,
Какъ улыбается, встрѣчая сумракъ ночи,
На западѣ румяная заря?

Н. П. Грековъ.

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи: восторгомъ ожиданья,
Что-жъ не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть можетъ, поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ.

Е. А. Баратынскій.

РАЗУВѢРЕНІЕ.

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрю въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!
Слѣпой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова,

И другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье.
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

Е. А. Баратынскій.

* * *

Изъ-за дали и разлуки,
Послѣ думъ наединѣ
Всепрощающія руки
Протяни, родная, мнѣ.
Воротись, забвеньемъ вѣчнымъ
Помянувъ тревогъ житье,
Съ чувствомъ мирнымъ и безпечнымъ
Въ сердце тихое мое,
Въ сердце, полное печали
И раскаянья въ слезахъ,
Что обиды вызывали
На возлюбленныхъ очахъ.
Слезъ тобой пролито много,
Жгучихъ думъ изжито — мной;
Намъ не подводить итога;
Жизнь сквитала насъ съ тобой.

М. Н. Ковалевскій.

Не думала-ли ты, что, блѣдный и безмолвный,
 Я вновь къ тебѣ приду, какъ нищій, умолять,
 Тобой отвергнутый, тобою вѣчно полный,
 Чтобъ ты позволила у ногъ твоихъ рыдать?
 Напрасная мечта! Слыхала-ль ты порою,
 Что въ милой праздности не всѣ, какъ ты, живутъ,
 Что гдѣ-то есть борьба, и мысль, и честный трудъ,
 И что предъ ними ты — ничто съ твоей красою?
 Смотри, — меня зоветъ огромный, свѣтлый міръ:
 Есть у меня безсмертная природа,
 И молодость, и гордая свобода,
 И Рафаэль, и Данте, и Шекспиръ!
 И думать ты могла, что я томиться буду,
 Или у ногъ твоихъ безпомощно рыдать?
 Нѣтъ, стыдно предъ тобой мнѣ слезы расточать, —
 Забудь меня скорѣй, какъ я тебя забуду!
 О, неразумное, прелестное дитя,
 Ты гнѣва моего, повѣрь, не заслужила, —
 Но еслибъ ты могла понять, какая сила
 Была у ногъ твоихъ, когда со мной, шутя,
 Играла ты въ любовь, и все потомъ разбила, —
 Тогда лицо твое зардѣлось бы стыдомъ,
 И надъ поруганной любовью, надъ мечтами,
 Что ты разрушила своими-же руками,
 Не я, а ты въ отчаяньи нѣмомъ
 Рыдала бы теперь горячими слезами.

Д. С. Мережковскій.

Онъ снесъ ударъ судьбы суровой,
Тоску любви онъ пережилъ;
Въ сухомъ трудѣ для жизни новой
Онъ зачерпнулъ отважно силъ...

И вотъ—идеть онъ въ блескъ власти,
Весь въ холодъ правды облеченъ;
Въ груди молчатъ людскія страсти,
Въ груди живетъ одинъ законъ.

Его ничто не возмущаетъ;
Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ,
Во имя буквы онъ караетъ
Тамъ, гдѣ помиловалъ бы Богъ...

И если вдругъ, какъ стонъ въ пустынѣ,
Какъ кликъ невѣдомый борьбы,
Отвѣтитъ что-то въ немъ и нынѣ
На вопль проклятья и мольбы,—

Онъ вспомнить все, что прежде было,
Любви и вѣры благодать,
И ту, что сердце въ немъ убила —
И проклянетъ ее опять!

А. Н. Майковъ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

А. С. Пушкинъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я помню, какъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ
Холодное чело твое вѣнчали,
Какъ на груди твоей цвѣты завяли;
Какъ много выплакалъ я слезъ...
И убѣжалъ далеко я отъ милой...
Скажи мнѣ, взросъ твой юный кипарисъ,
И капли слезъ цвѣтами-ль разрослись
У мрамора твоей могилы?

Я, говорятъ, на чуждомъ берегу
Тебя забылъ... не вѣрь: тобою любимый,
Тобою полнъ, тобою путеводимый,
Тебя забыть я не могу!
Я помню все, души моей свѣтило!
Мгновенный слѣдъ твой въ міръ не исчезъ:—
Все лучшее земли, все свѣтлое небесъ
Твой милый образъ сохранило.

Н. Θ. Щербина.

* * *

Подъ душистою вѣтвью сирени
Съ ней сидѣлъ я надъ сонной рѣкой,
И, припавъ передъ ней на колѣни,
Ея станъ обвивалъ я рукой...
Проносилися дымныя тучки,
На лицѣ ея мѣсяцъ игралъ,—
А ея трепетавшія ручки
Я такъ долго, такъ страстно лобзалъ...
Погребальныя свѣчи мерцали,
Въ мрачныхъ сводахъ была тишина,
Надъ усоншей обрядъ совершали—
Вся въ цвѣтахъ почивала она...
Со слезой раздирающей муки
Я на трупъ ея жадно припалъ,—
И холодныя, мертвыя руки
Такъ безумно, такъ страстно лобзалъ...

В. В. Крестовскій.

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой,
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,—
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: «въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ».
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его—онъ за тобой!...

А. С. Пушкинъ.

*
* *

Она никогда его не любила,
А онъ ее втайнѣ любилъ;
Но онъ о любви не выронилъ слова:
Въ себѣ ее свято хранилъ.
И въ церкви съ другимъ она обвѣнчалась:
По прежнему вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лице глядѣлъ ей украдкой,
И долго томился потомъ.
Она умерла. И днемъ онъ и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

Н. Огаревъ.

*
* *

Она была рабой твоей,
Всю жизнь тебѣ всецѣло посвятила,
Какъ божество свое тебя она любила,
А ты безжалостно смѣялся такъ надъ ней!
Какъ женщина прощать умѣя все сполна,
За горечь мукъ своихъ тебя не упрекая,
Молилась за тебя въ послѣдній мигъ она,
Твоею жертвой умирая.

П. И. Кичеевъ.

*
* *
*

Все для него она забыла:
И небеса земли родной,
И стыдъ дѣвичій, и покой,—
Все отдала: она... любила!
А онъ—безжалостно помялъ,
Сгубилъ вѣнокъ ея душистый,
Но не постигъ и не узналъ
Ея любви святой и чистой.
Не внявъ безпомощнымъ мольбамъ,
Онъ, въ краткій мигъ самозабвенья,
Безъ страсти, кубокъ наслажденья
Поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ.
Разбилось сердце въ ней на части,
На вѣкъ въ ней радость умерла,
Она слезу на ложе страсти,
А не восторги принесла.
Какъ нѣжный цвѣтъ отъ бурной ночи,
Ея увяла красота,
Потухли огненные очи,
Молчали блѣдные уста...
Исчадье суеты всесвѣтной,
Онъ—измѣнилъ ей, безотвѣтной,

И свѣтъ не осуждалъ его.
Она—угасла незамѣтно,
Не проклиная никого.
Не зналъ онъ совѣсти терзанья
И до конца не признавалъ,
Какое нѣжное созданье
Обрекъ на горе и страданье,
Какое сердце растерзалъ!

А. Н. Яхонтовъ.

* * *

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права,
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣть голова...
Вопросъ рѣшенъ: трудись пока годишься,
И смерти жди, она недалеко...
Зачѣмъ же ты, о, сердце! не миришься
Съ своей судьбой?... О чемъ твоя тоска?...
Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день—сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... Умри!..

Н. А. Некрасовъ.

Неясныя думы томятъ,
Неясныя грезы всплываютъ
И вылиться въ звуки хотятъ —
И звуки въ душѣ замираютъ...
Мелькаютъ въ мозгу чередой
Обрывки какихъ-то видѣній
Туманныхъ, какъ паръ надъ водой,
И грустныхъ, какъ сумерекъ тѣни.
Чего-то далекаго жаль,
Къ чему-то я рвуся тоскливо
И — глубже на сердцѣ печаль,
Яснѣе — безплодность порыва...
И хочется страстно понять,
Что было досель непонятно,
Вернуть захотѣлось опять
Все то, что ушло невозвратно!

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Въ душѣ у каждаго больная есть струна:
Коснитесь ея рукой неосторожно, —
И въ тотъ-же самый мигъ откликнется она,
Звуча болѣзненно, тоскливо и тревожно.
Картиной яркою сквозь времени туманъ
Воскреснуть радости и горести былого,
И кровь горячая изъ незажившихъ ранъ
Струею алою тотчасъ же хлынетъ снова.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

СЕРДЦЕ и УМЪ.

Со взоромъ свѣтлыхъ глазъ, съ косою бѣлокурой
И съ выраженіемъ сердечной доброты —
Она была простой, безхитростной натурой;
Талантовъ, граціи, блестящей красоты
Въ ней не было,—но я любилъ тогда впервые.
О, грезы юности! О, годы золотые!
Мечты волшебные о счастья неземномъ,
Когда мы любимъ всѣ лишь сердцемъ—не умомъ.

Но смерть взяла ее. Надъ насыпью могильной
Съ тоскою я рыдалъ и съ злобою безсильной,
И послѣ долгихъ дней зловѣщей пустоты
На мигъ воскресли вновь отрадные мечты:
Я встрѣтилъ въ женщинѣ богато одаренной
Любовь глубокую, талантъ и красоту,
И ту же преданность, и ту же теплоту,—
Но все-жъ я чувствую съ тоскою затаенной,
Что память не умретъ о счастья быломъ
И я люблю теперь—не сердцемъ, а умомъ!

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракъ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь!..

А. С. Пушкинъ.

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю.
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.
Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занять разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю,—
Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

М. Ю. Лермонтовъ.

ПОЦѢЛУЙ...

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я не даромъ такъ жарко цѣлую тебя—
Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я тайлъ мои страсти,—былъ робокъ и нѣмъ,
И за ту, что меня обожгла безъ огня,
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была бы щитомъ,
Да убитая спить подъ могильнымъ крестомъ...
Все, что въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ,
Догорая, пусть гаснетъ въ объятяхъ твоихъ.

Я. П. Полонскій.

*
* *

Нѣтъ, не зови меня! Нѣтъ, другъ мой, не зови
Изъ міра свѣтлыхъ чаръ и царственной любви...
Въ немъ все знакомо мнѣ, все мило съ колыбели—
И звучныхъ соловьевъ раскатистыя трели,
И розы бѣлыя, и бѣлые стихи...
Я въ сердцѣ ихъ взросилъ, я напоилъ ихъ кровью;
Я ихъ люблю мучительной любовью,
Какъ любить старость юные грѣхи...
Доступны только мнѣ тѣ страны неземныя,
Ихъ звонкіе ручьи, ихъ гроты голубые,
Ихъ звѣзды блѣдныя, какъ блескъ моихъ очей,
Ихъ темные лѣса, какъ скорбь души моей,
Ихъ волны звучныя, какъ стихъ мой перекатный,
И пышный ихъ цвѣтникъ, какъ греза, ароматный,
Гдѣ рѣютъ и жужжать элегіи свои
На утренней зарѣ тяжелые шмели...
И даже мшистыя руины и могилы
Ихъ сумрачныхъ степенъ мнѣ дороги и милы,
Какъ лоскутки знаменъ—для дряхлаго бойца,
Какъ пѣсня старая — для новаго пѣвца.

К. Фофановъ.

*
* *

На холмахъ Грузіи ночная мгла легла,
Шумить Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Мечтанья моего
Ничто не мучить, не тревожить,
И сердце живо вновь и любить—отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

А. С. Пушкинъ.

РОДИНА

*
* *

Вчера мы ландышей нарвали,
Ихъ много на полѣ цвѣло;
Лучи заката догорали,
И было такъ тепло, тепло!

Обыкновенная картина:
Кой-гдѣ березовый лѣсокъ,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песокъ.

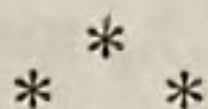
Пускай все это и уныло,
И некрасиво, и бѣдно;
Пусть хорошо все это было
Знакомо намъ давнымъ-давно, —

Налюбоваться не могли мы
На эти ровныя поля...
О сѣверъ, сѣверъ мой родимый,
О сѣверъ, родина моя!

К. Р.

На сѣверѣ туманномъ и печальномъ
Стремлюся я къ роскошнымъ берегамъ
Иной страны—она на югѣ дальнемъ,
Лечу чрезъ степь къ знакомымъ мнѣ горамъ—
На нихъ заря блеститъ лучемъ прощальнымъ;
Я далѣ къ югу—наконецъ я тамъ,
И, нѣжась, взоръ гуляетъ на просторѣ,
И Средиземное шумитъ и плещетъ море.
Италія! опять твой полдень жаркій,
Опять твой темно-синій небосклонъ,
И ропотъ волнъ немолчный, блескъ ихъ яркій,
При лунной ночи пахнуцій лимонъ,
Рыбакъ на морѣ тихомъ съ утлой баркой,
И черный локонъ смуглолицыхъ женъ.
И все тамъ страсть, да пѣсни, да картины,
Да Рима стараго роскошныя руины.
Въ Италіи брожу, и вновь тоскую:
Мнѣ хочется опять къ моимъ снѣгамъ,
Послушать пѣсню грустную, родную,
Летѣть на тройкѣ вихремъ по степямъ,
Съ друзьями выпить чашу круговую,
Да поболтать по длиннымъ вечерамъ,
Увидѣть взоръ спокойный, русый локонъ,
Да небо сѣрое сквозь полумерзлыхъ оконъ.

Н. Огаревъ.

Великолѣпны мрачныя картины
Страны гористой! Но невольный страхъ
Рождаютъ эти бездны и вершины,
Любящія скрываться въ облакахъ...
Плѣнительны пустынные равнины
Красой благоухающей своей,
Высокихъ травъ широкимъ колыханьемъ
И ласковымъ, задумчивымъ молчаньемъ;
Но эта нѣга дѣвственныхъ степей
Такъ часто грусть наводитъ и тревожитъ—
И съ ней бороться духъ не хочетъ и не можетъ.

Когда бѣжавъ отъ свѣтской суеты,
Возвышенныхъ ты жаждешь наслажденій;
Когда къ тебѣ, съ незримой высоты,
Предвѣстники грядущихъ пѣснопѣній,
Слетаются и звуки, и мечты;
Когда душа съ страстями въ вѣчномъ спорѣ,
Изнемогла среди упорныхъ битвъ
И проситъ обновленья и молитвъ,—
Смотри на море, вслушивайся въ море!
Но рой игривыхъ, легкокрылыхъ думъ
Отгонить грозныхъ волнъ величественный шумъ.

А онъ своею прелестью спокойной
Всегда влечетъ къ себѣ, мой край родной!
Подъ липою кудрявою и стройной
Сидишь и все глядишь передъ собой,
Любуясь свѣжей тѣнью въ полдень знойный;
На днѣ оврага шепчущимъ ручьемъ;
Віющей по нивамъ золотистымъ
Дорогой черною; ковромъ цвѣтистымъ
Лужаекъ и холмовъ; а тамъ—селомъ
Раскинутымъ, и далью темно-синей,
И строгой простотой волнующихся линій.

Забудешься и слушаешь порой
Жужжанье пчелъ, и трели птичьихъ пѣсенъ,
И скрипъ колесъ телѣжныхъ подъ горой.
Кругъ впечатлѣній свѣтелъ и не тѣсенъ...
Сидишь и все глядишь передъ собой!
Настроенъ духъ съ природой дружно, ладно.
Такъ дѣйствуетъ на сердце и на умъ,
Изящнымъ сочетаньемъ чувствъ и думъ,
Негромкой, но торжественной и складной
Поэмы тихошественная рѣчь,
И увлекаетъ васъ, не думая увлечь...

А. М. Жемчужниковъ.

ОТЧИЗНА.

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душѣ моей печальной;
Когда-то въ дни моей умчавшейся весны
Манилъ меня чужбины берегъ дальный...
И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисуетъ все блестящія картины:
Я вижу сводъ небесъ, прозрачно-голубой,
Громадныхъ горъ зубчатая вершины...
Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
Казалось, миртъ, платаны и оливы
Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей,
И розы мнѣ киваютъ молчаливо...
То были дни, когда о цѣли бытія
Мой духъ, среди житейскихъ обольщеній,
Еще не помышлялъ... И легкомысленъ я
Лишь требовалъ у жизни наслажденій.
Но быстро та пора исчезла безъ слѣда,
И скорбь меня нежданно посѣтила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдругъ стало ей и дорого, и мило.
Покинулъ я тогда завѣтную мечту
О сторонѣ волшебной и далекой,
И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
Незримую для суетнаго ока...
Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
Просторъ степей, безмолвно величавый,
Весеннею порой широкихъ рѣкъ разливъ,
Таинственно шумящія дубравы,
Святая тишина убогихъ деревень,
Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,

Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій день
Надъ нимъ взошелъ—великій день свободы,—
Васъ понялъ я тогда; и сердцу такъ близка
Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой —
Звучала-ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
Иль слышался разгулъ неудержимый.
Отчизна! не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ...
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
Чей духъ носилъ гнетущія оковы...

А. Н. Плещеевъ.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ.

Быть можетъ, ты и правъ, съ тобою я не спорю,
Да и къ чему же споръ, — тебя я не пойму:
Душой сочувствую и я чужому горю,
Но болѣе всего — родному своему.
Иду ли пыльною, проселочной дорогой,
Вхожу ли въ темный лѣсъ, чтобы укрыться въ тѣнь,
Встрѣчаю-ль на пути храмъ старый и убогій —
Отраду чистую забытыхъ деревень;
Гляжу ли на поля, желтѣющія рожью,
На безконечный лугъ, одѣвшійся въ цвѣты, —
На нихъ, въ своей молебѣ, зову я благость Божью,
О нихъ въ моей душѣ — тоскливыя мечты.
Мнѣ трудно объяснить, но сердцемъ понимаю,
Что если о другихъ, далекихъ мнѣ, скорблю,
То о родной землѣ я иначе страдаю,
Ее своей душой я иначе люблю.

А. Кругловъ.

Р О Д И Н А. —

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки;
Вонъ вдали — соломой крытыя избушки,
И бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
Изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
Пашни да овраги — грустныя картины:
Не пройдешь безъ думы безъ тяжелой мимо!
Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно.
Но и тамъ, при блескѣ голубого моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренскихъ, какъ тучи,
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило,
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

А. Н. Плещеевъ.

Р О Д И Н А.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдить ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтные преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднaго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телегѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

С Ъ В Е Р Ъ .

Люблю тебя, страны моей родной
Широкий сводъ туманно-голубой,
Когда надъ сжатыми, просторными полями
Ты низомъ стелешься, волнуясь облаками,
И вдаль идешь—и всюду твой просторъ
Являетъ тотъ же необъятный кругозоръ.
Однообразны сѣвера картины:
Не весель видъ его нѣмыхъ полей;
Ни пашни долгія, ни долгія равнины
Суровой прелестью и грустію своей,
Природою изнѣженнаго сына
Не привлекутъ восторженныхъ очей.
Но сынъ задумчивый задумчиваго края—
Онъ любить родину; ея печаль
Его душѣ—знакомая, родная.
Отъ раннихъ лѣтъ глядитъ онъ съ грустью вдаль,
Какъ небо родины его, угрюмой,
Съ холодной, вопрошающею думой.
И пѣсня ли порой по степи прозвучить—
Суровая, ее не оживить.
Какъ жизнь она протяжна и уныла,
Какъ сердце—жалобы безропотной полна;
Случайной странницей слышалась она—
И пуще тайныя мечты расшевелила.

Н. Ф. Павловъ.

В Ъ П О Л Ъ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!
Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ,
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.
Дай тебѣ, Боже, родная земля,
Дождичка, ведра въ поля
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косою размахнуться проворною —
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьетъ, саранча не напустится,
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ да распустится —
Знай увози — собирай!

Въ полдень ли жаркій, полуночью тихою,
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
 Станутъ хлѣба, что стѣна,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое
 И зашумятъ, какъ волна.
Пѣсни по селамъ споются веселыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжелыя—
 Горы сноповъ повезутъ.
Все, чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
Все на току на сухомъ умолотится,
 Все въ закрома покладутъ.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
 Мудрыхъ вождей и великихъ,
Что-бы не слышали эти поля
 Криковъ проклятій дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
 Слезъ неутѣшныхъ не лилось,
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
 Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась.

О. Н. Бергъ.

ЗИМНИЙ ПУТЬ.

Ночь холодная мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
А ямщикъ погоняетъ коней.

За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
Свѣтитъ пасмурный призракъ луны;
Вой протяжный голодныхъ волковъ
Раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ...
Мнѣ мерещатся странные сны.

Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
На скамейкѣ старуха сидитъ --
До полуночи пряжу прядетъ,
Мнѣ любимыя сказки мои говоритъ,
Колыбельныя пѣсни поетъ.

И я вижу во снѣ, какъ, на волкѣ верхомъ,
Бду я по тропинкѣ лѣсной
Воевать съ чародѣемъ-царемъ
Въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной.

Тамъ стеклянный дворецъ окружають сады;
Тамъ жаръ-птицы поють по ночамъ
И клюють золотые плоды;
Тамъ журчить ключъ живой и ключъ мертвой воды...
И не вѣришь, и вѣришь очамъ!

А холодная ночь такъ же мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
И ямщикъ погоняетъ коней.

Я. П. Полонскій.

* * *

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой, ты, родимая моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

А. К. Толстой.

*
* *
*

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной:
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

О. И. Тютчевъ.

НОЧЬ.

Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что-жъ намъ дѣлать? Не хочется спать...
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ, чего пожелать.
Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не рошутъ нѣмыя уста,

Чьи работают грубые руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредеть по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Н. А. Некрасовъ.

*
* *

Христось, Христось воскресъ! Воистину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ!
Осанна! Вайями усыплемте дорогу!

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы!
Прощенье прошлому! забвеніе былого!

Оплоть косненія и порчи сокрушонъ:
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья, вамъ, Богъ помочь въ новомъ бытѣ!

Не стойте—прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ: живымъ работы много.
Впередъ, насъ братья ждуть, впередъ, рука съ рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одна — всѣмъ общая дорога.

Вы, чуждые досель сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь наконецъ другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья!

Но рабство сломано: давайте-жь руки намъ,
Давайте и пойдѣмъ, пойдѣмъ; насъ ждетъ работа
И радость, и печаль—все вмѣстѣ пополамъ!
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдемъ! свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ;
Побѣду довершилъ при кликахъ всенародныхъ:
«Христось, Христось воскресъ!» Воистину воскресъ!
И стала наша Русь землею людей свободныхъ.

Христось, Христось воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, кто, какъ пророкъ евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

М. П. Розенгеймъ.

РОДИНА.

Какъ мать свою, которая меня
Родила въ свѣтъ, вспоила и вскормила,
Но послѣ не дала такого дня,
Чтобъ этотъ день она не отравила —
То жалобой, за каждый шагъ виня,
За каждое движеніе негодуя,
То холодомъ мнѣ душу ледяня, —
Такъ и тебя, о, родина, люблю я!
Люблю тебя я, какъ постылый сынъ:
Ты мнѣ чужда, ты мачихой мнѣ стала,
Но въ сердцѣ у меня есть уголокъ одинъ,
Гдѣ та любовь еще не умирала.

Д. Д. Минаевъ.

*
* *

Ты долго-ль будешь за туманомъ
Скрываться, Русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?
Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеорамъ
Твои разсыплются лучи?
Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ,
Проснись теперь, иль никогда...

Ө. И. Тютчевъ.

ДУМА.

Такъ жить нельзя!.. Не въ силахъ даже роздыхъ
Намъ облегчить натруженную грудь!..
Намъ нуженъ свѣтъ, — свѣтъ знанія и воздухъ, —
Свободный воздухъ, чтобъ вздохнуть!

Въ грядущее вперяя взоръ пытливый,
Я вижу въ немъ, сквозь горестную тьму,
Что безъ случайности, всеильной и счастливой,
Изъ настоящаго не выбратся уму,

Не ускорить ему его кончину,
Окаменѣвъ, оно недвижимо стоитъ;
Его и прошлое нейметъ въ свою пучину,
И, кажется, грядущее бѣжитъ!

Отбросивъ словъ и фразы пустосвятство,
Что видимъ въ немъ мы, внѣ условныхъ призмъ?
На сторонѣ однихъ — пустое верхоглядство,
На сторонѣ другихъ — пустой обскурантизмъ.

Одни хотятъ, схвативъ вершки науки,
По своему народъ перекроить,
Другіе-жъ на нее накладываютъ руки,
Взамѣнъ того, чтобы къ ней имъ руки приложить!

Съ обѣихъ же сторонъ — достойное преддверье
Ихъ доблестей! — поправъ природный стыдъ,
Огульное царюетъ лицемѣрье,
И безпристрастія суровый дубъ забытъ!..

Межъ нихъ, объявъ своей ихъ массой косной,
Стоитъ, какъ великанъ, загадочный народъ,
И рвутъ они его въ дорогѣ перекрестной,
Одни назадъ, другіе же впередъ!

Куда-жъ идти общественному строю?
Уже-ль его направить мы должны?
Но какъ вернуться намъ понятно къ домострою,
Какъ броситься въ объятья новизны?

Мы прошлому давно не платимъ дани, —
Что отжило, — внушаетъ намъ вражду;
И большинству изъ насъ, изъ всѣхъ родныхъ преданій,
Доступно лишь одно — преданіе суду!

И что взойдетъ на нашихъ вольныхъ нивахъ,
Коль за душой нѣтъ ничего у насъ,
Кромѣ возвышенныхъ, но лицемѣрно-лживыхъ,
Всепошляющихъ, но звонкихъ словъ и фразъ?..

Да многое ужъ мы съумѣли сдѣлать пошлымъ,
Въ азартѣ съ будущимъ играя на мѣлокъ,
И разобратся намъ межъ будущимъ и прошлымъ;
Поможетъ развѣ только рокъ.

Нѣтъ, тяжело жить! не въ силахъ даже роздыхъ
Намъ освѣжить натруженную грудь!..
Намъ нуженъ свѣтъ, свѣтъ знанія и воздухъ,
Чтобъ духъ перевести и выбрать новый путь...

А настоящее томительнымъ коснѣньемъ
Гнететъ насъ всѣхъ, — намъ жутко передъ нимъ!..
А представляется мнѣ вся страна однимъ
Сплошнымъ, гигантскимъ недоразумѣньемъ!..

Ф. В. Черниговецъ.

*
* *

Родной корабль, засѣвшій на мели,
Среди пустынь и мертваго молчанья!
Когда же лучъ блеснетъ тебѣ вдали
И гласу ты вонмешь обѣтованья?
Когда же твой желанный часъ придетъ,
И мощный вихрь на парусъ твой дохнетъ,
Зыбь сонную разшевеливъ потокомъ,
И встанетъ валъ и на хребтѣ широкомъ
Поднявъ тебя, высоко понесетъ?!

А. Н. Яхонтовъ.

РОССІИ.

«Гордись! тебѣ льстецы сказали!
«Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
«Земля несокрушимой стали,
«Полміра взявшая мечомъ!
«Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
«И прихотей твоихъ раба,
«Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
«Тебѣ покорная судьба.
«Красны степей твоихъ уборы,
«И горы въ небо уперлись,
«И какъ моря твои озера...»
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышень тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчныхъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всею этою силой, этою славой
Всеѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грозный тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огонь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что-же Римъ и гдѣ Монголы?
И, скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездною, Альбіонъ!
Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

А. С. Хомяковъ.

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная статья —
Въ Россію можно только вѣрить.

Ө. И. Тютчевъ.

ОРЕЛЬ.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ Орель:
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушолъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ ширь Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья —
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?
О, вспомни ихъ, Орель полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшить въ рабской ночи

Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищею силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней
И хладъ сердець единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ—окрѣпнуть крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

А. С. Хомяковъ.

* * *

Съ залогомъ славы, но не брэнной,
О племя славы, ты стоишь,
И на племень потокъ смятенный
Съ надеждой ясною глядишь.

Когда, кипя страстями звѣря,
Народы растерзали Римъ,—
И въ духъ, и въ жизнь, и въ братство звѣря,
Ты ненавистно стало имъ.

И ихъ озлобленная сила
Тебя мѣтою избрала,
Тебя терзала и губила,
Свершая страшныя дѣла,—

О племя славы, племя міра,
Въ бѣдѣ и злѣ со всѣхъ сторонѣ,
Ты не хотѣло чтить кумира
Сихъ кровожаждущихъ племенѣ;

Цѣною нравственнаго блага
Ты не купила торжества,
Хотя бы сила и отвага
Могли сберечь твои права.

Но въ звѣря ты не обратилось,
Но то, что благъ земныхъ святѣй,
Сокровище въ тебѣ таилось—
Духовной жизни съ давнихъ дней!...

Опаснѣй чужеземной власти
Для испытываемыхъ Славянѣ,
Какъ тати вкравшіяся страсти
Лжепросвѣщенныхъ чуждыхъ странѣ.

Не страхомъ входить къ нимъ измѣна,
Соблазнѣ грозить ихъ оболѣстить
И внѣшній гнетѣ, и горечь плѣна
Духовнымъ рабствомъ замѣнить!...

Всегда-ль къ Европѣ суесловной
Прикованѣ будетѣ родѣ Славянѣ?
Всего тяжелѣ плѣнѣ духовный,
Больнѣе нѣтъ душевныхъ ранѣ!

Не всѣ славянскіе народы
Узнали гнетъ чужой руки:
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра, Волги, и Оки,

Живетъ народъ не побѣжденный,
Смирившій множество враговъ,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій вѣру праотцевъ.

Но и къ нему, какъ испытанье,
Соблазны запада вошли,
И подвигъ духа и сознанья
Ему готовится вдали.

О братья, плѣнь тяжелый духа,
Постыдный плѣнь мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!

Духъ братства кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще неслыханное имъ.

К. С. Аксаковъ.

ВИДѢНІЕ.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой;
Крутилася Лаба, гремя подѣ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываясь сномъ.
Мнѣ снилось—лечу я: орелъ сизокрылый
Давно и давно-бы въ полетѣ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.
И съ неба картину я зрѣлъ величаву—
Въ убранствѣ и блескѣ весь западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.
И Прагу я видѣлъ—и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.
И въ старой одеждѣ Святого Кирилла
Епископъ на Петчинѣ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.
И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

А. С. Хомяковъ.

Не гуль молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ—
То древній гласъ, то свыше гласъ:
Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ.
Свершится онъ, и грянетъ часъ!
И своды древнія Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!...
Пади предъ нимъ, о Царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій Царь!

Θ. И. Тютчевъ.

РОССІИ.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.
Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ!
Но помни: быть орудьемъ Бога

Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судить строго:
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!
И встань потомъ, вѣрна призыванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчь!
Борись за братство крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

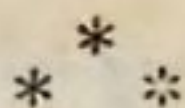
А. С. Хомяковъ.

* * *

Ужель опять они обманутъ
Тебя, несчастная страна!
И вновь придутъ, и вновь настанутъ
Былыя гнета времена!
Ужели даромъ кровь народа
Лилась и къ небу вошлетъ,
И съ боя взятая свобода
Въ тискахъ конвенцій пропадетъ?
И суждено опять не сбыться
Святымъ надеждамъ и мечтамъ!
И не дадутъ освободиться
Твоимъ подавленнымъ сынамъ!
И задушивъ, какъ не впервые,
Патріотическій разгаръ,
Враги славянства вѣковые:
Британецъ, нѣмецъ и мадьяръ—
Насильемъ, хитростью, обманомъ
Тебя успѣютъ подавить
И вновь заставятъ предъ диваномъ
Покорно голову склонить?
И отдадутъ опять на муку,
На гнеть, на рабство, на позоръ?...
А мы? Ужель приложимъ руку
И мы на этотъ договоръ?

М. П. Розенгеймъ.

СОЗЕРЦАНІЕ ПРИРОДЫ

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листь и цвѣтъ на древѣ,
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

.....
Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнцы, зная, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была,

И языками не земными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожить
И голосъ матери самой!

Θ. И. Тютчевъ.

П Р И М Ъ Т Ы.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала:
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
Крутясь и подьема щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.

Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала.
Въ пустынь безлюдной онъ не былъ однимъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но, чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Е. А. Баратынскій.

* * *

Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ;
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ:
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ:
Мнѣ ближній милъ; но тамъ, въ моихъ мечтахъ,
Что я теперь, что былъ—позабываю;
Природу я душою обнимаю:
Она милѣй; постичь стремлюсь я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что таить нельзя.

И. И. Козловъ.

Н Е Б О.

Я неба не пойму: покровъ его туманный
Въ поляхъ и въ городѣ витаетъ надо мной,
Преслѣдуетъ меня съ настойчивостью странной
И свѣтитъ мнѣ въ окно, вникая въ уголь мой.
Мнѣ въ немъ не нравится наружный видъ участя,
Его глубокіе, безъ очерка, глаза,
И странно, что всегда, въ тяжелый мигъ несчастья,
Предъ нимъ съ довѣріемъ дрожить моя слеза!
Не разъ я сѣтовалъ, что много думъ завѣтныхъ,
Которыхъ не узналъ любимый въ мірѣ другъ,
Разсѣялъ я на немъ, въ пустыняхъ безотвѣтныхъ,
Невольно съ нимъ дѣля мечтательный досугъ.
Я неба не пойму: подъ маскою нарядной
Надежды за всю жизнь я въ немъ не прочиталъ,
И все же я скажу: знакомъ покой отрадный
Тому, кто передъ нимъ очей не опускалъ.

С. А. Андреевскій.

Л Ъ С Ъ.

О чемъ шумить сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?
Коня скорѣй! Какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спить...
Когда-нибудь его стихія
Рвалась землю всю покрыть;
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.
Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ...
Какая-жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвеніе погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней?...

Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознать?...

А. В. Колцовъ.

С Т Е П Ъ.

Ужъ солнце, высоко, высоко, я взмучилъ донца,
А степи все нѣтъ и не видно конца.
Подумаешь: море лежитъ предъ тобою,
И такъ же какъ съ моремъ, здѣсь небо съ землею,
Слилося далеко въ тылу, впереди,
Налѣво, направо, куда ни гляди.
А вѣтеръ свободный, носясь на просторѣ,
Ковыль подымаетъ волнами, какъ море.
Мой конь, средь травы зеленѣющихъ волнъ
Плыветъ и ныряетъ, какъ на морѣ челнъ.
И степью, какъ моремъ, безъ тропъ, безъ дороги,
По солнцу находить свой путь, быстроногій;
И носится, вьется здѣсь коршунъ степной,
Какъ чайка морская надъ темной волной.
Нѣтъ виду для глаза, нѣтъ звука для уха,
Такъ кажется пусто, такъ кажется глухо;
 Но сколько здѣсь жизни!... Какъ въ этой глуши
 Присутствіе Бога я слышу въ тиши.
А тишь-то какая! Вотъ еслибъ такую
Послалъ бы Создатель мнѣ въ душу больную!

М. П. Розенгеймъ.

М О Р Е.

Я видѣлъ море—я измѣрилъ
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
О, море, море! я мечталъ
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоёмъ высокомъ?
Кто, не разгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?
Всегда ли море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надо мной,
Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что ты? откуда? изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,

Воззвавшей все изъ ничего?
На долго ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?
Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!
Я вопрошалъ ее... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучомъ
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межъ-тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ, отваги полный,
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшного счастья твоего?
Смотри на челнъ—ужъ нѣтъ его:
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну.
Въ другое время на берегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;

Но тѣ мечты мнѣ сладки были:

Онѣ привѣтно сквозь туманъ,

Какъ за волной волну, манили

Меня въ житейскій океанъ.

И я поплылъ... О, море, море!

Когда увижу берегъ твой?

Или, какъ челнъ залетный, вскорѣ

Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

А. И. Полежаевъ.

* * *

Широкою стѣной кругомъ встаютъ валы,

На мачтахъ высоко и гордо вѣютъ флаги,

Покровомъ небеса, безоблачно свѣтлы,

И брызгами огня одѣто лоно влаги.

Ныряютъ волны въ глубь подъ грудью корабля,

Далекій слѣдъ бѣжитъ, сѣдой сверкая пѣной,

Туманной полосой знакомая земля

Уходитъ, какъ любовь съ коварною измѣной.

Куда ни бросишь взоръ, нигдѣ предѣловъ нѣтъ;

Чѣмъ дальше, тѣмъ вольнѣй больное сердце бьется,

Раздолье и тоска въ одинъ лучистый бредъ

Плѣнительной четой таинственно сольется.

Всего, что душу жгло, затмилася тщета,

Стихійный гулъ слышнѣй сердечнаго раздора,

И очи плѣнены, и замкнуты уста

Неизмѣримостью и властностью простора.

Кн. Э. Э. Ухтомскій.

Развернулось предо мною
Безконечной пеленою

Старый другъ мой—море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!

Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной—
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.

Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю,
Что бороться болѣ
Силы нѣтъ, что я смирился
И позорно покорился
Безобразной долѣ.

Но, когда передо мною
Безконечной пеленою

Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ—

Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою—
Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою—
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За потерю силы —
Ни предъ чѣмъ не преклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы.
Отряхнуль съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное бремя,
И врагу, съ отвагой твердой,
Снова кинуль вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...
А сѣдя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все впередъ быстрѣй летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы...

П. И. Вейнбергъ.

* * *

Не пѣнится море, не плещетъ волна,
Деревья листьями не двинуть;
На глади прозрачной царить тишина,
Какъ въ зеркалѣ міръ опрокинуть.

Сижу я на камнѣ; висятъ облака,
Недвижныя, въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока—
Съ родни ей спокойное море!

А. К. Толстой.

* * *

Дробится, и плещетъ, и брызжетъ волна
Мнѣ въ очи соленою влагой;
Недвижно на камнѣ сижу я—полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пѣна ихъ гребни покрыла—
О, море, кого же мнѣ вызвать на бой,
Извѣдать воскресшія силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
Отъ грома и плеска проснулась душа—
Сродни ей шумящее море!

А. К. Толстой.

В Ъ Г Л У Ш И.

Столичный шумъ замолкнулъ въ отдаленъи,
Опять я здѣсь—среди густыхъ лѣсовъ,
Опять въ душѣ бывшее возрожденъе,—
Меня ласкаетъ вѣтра дуновенье
И ароматъ живительный цвѣтовъ...
И облака жемчужной чередою
Проходятъ тамъ, надъ лѣсомъ высоко,
И такъ свѣжо подъ чащей вѣковою,
Такъ вѣетъ неизмѣнно тишиною,
И такъ на сердцѣ тихо и легко...
И этотъ лѣсъ, и небеса, и птицы,—
Все дышитъ мощью полной и живой,—
И алый свѣтъ померкнувшей денницы,
И голубыя дальнія зарницы,
И величавый сумрака покой.

П. П. Гнѣдичъ.

ВОСХОДЪ СОЛНЦА.

Молчить сомнительно Востокъ,
Повсюду чуткое молчанье:
Что это—сонъ иль ожиданье,
И близокъ день или далекъ?
Чуть-чуть бѣлѣетъ темя горъ,
Еще въ туманѣ лѣсъ и доли,

Спать города и дремлют селы...
Но къ небу подымите взоръ,—
Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдѣя,
Она все ярче, все живѣе—
Вся разгорается она!
Еще минута, и во всей
Неизмѣримости эфирной
Раздастся благовѣсть всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей...

Θ. И. Тютчевъ.

ЖАЖДА ВЕСНЫ.

Красавица поздней зимой
Головку къ окошку склонила
И думала: «Боже ты мой!
Скорѣй бы весна приходила!»
Въ постели томится больной,
Какъ воскъ таютъ — молодость, сила,
Но бредить онъ тоже весной:
«Скорѣй бы весна приходила!»
И вотъ прилетѣвшая вновь
Обоихъ весна одарила:
Одной—и цвѣты, и любовь,
Другому — цвѣты и могила.

Д. Д. Минаевъ.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»
Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Ө. И. Тютчевъ.

* * *

Весна! выставляется первая рама—
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ—даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна.

А. Н. Майковъ.

*
* *
*

Все съ весной ото сна пробудилось,
Зеленѣютъ деревья въ лѣсахъ,
И ручьи зажурчали, и рѣки
Застонали въ своихъ берегахъ.
Ослѣпительно яркое солнце
Грѣетъ міръ, перезябшій зимой;
Тянетъ — за городъ, въ поле... Тамъ можно
Отдохнуть отъ тоски городской.
Тамъ волшебная сила природы
Всѣ сомнѣнья, всѣ скорби смирить,
Тамъ спокойнѣе сердце забьется,
Тамъ ровнѣе и мысль закипитъ.
Тамъ своей муравой изумрудной
Лугъ прилечь на него позоветъ,
А въ лѣсу — соловей про свободу,
Про любовь мнѣ, про счастье споеть.

П. И. Кичеевъ.

*
* *
*

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна, весна! какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!
Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхой листь,
Какъ прежде, подъ моей ногой,
И шуменъ, и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
И, въ яркой вышинѣ,
Незримый жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.
Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей,
И съ птичкой птичка! съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!
Зачѣмъ такъ радуется ея
И солнце, и весна?
Ликуеть-ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?
Что нужды! счастливъ,—кто на немъ
Забвенье мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нея
Онъ, дивный, унесетъ!

Е. А. Баратынскій.

* * *

Пришла весна, и душу тянетъ
Куда то выше, въ даль, въ лазурь,
Гдѣ свѣтлой мысли не туманить
Приливъ страстей земныхъ и бурь;
Гдѣ живъ не о единомъ хлѣбѣ
Бывается жалкій человѣкъ:
Гдѣ солнце правды свѣтитъ въ небѣ
Неугасаемо вовекъ.

Гдѣ, въ блескѣ зорь, прозрачно-алы,
Съ печатью Бога на челѣ,
Живутъ и блещутъ идеалы
Всего святаго на землѣ.

Ф. В. Черниговецъ.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА. —

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
Все вторить весело громамъ.
Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Θ. И. Тютчевъ.

* * *

Встало утро, сыплеть на цвѣты росю,
Тростникомъ озернымъ тихо колыхая;
Слышитъ ухо, будто кто-то надъ водою
Въ тростникѣ озерномъ ходить распѣвая.
Никого не видно... надъ водой лишь гнутся
Водяной кувшинки маковки, бѣлѣя;
А вверху надъ ними, поднимаясь, вьются
Мотыльки, на солнцѣ ярко голубѣя.
Приглядишься зорко—и за тростниками,
На водѣ, подъ легкимъ утреннимъ туманомъ,
Кто-то будто смотреть свѣтлыми очами,
Колыхаясь тихо тонкимъ, гибкимъ станомъ.

И. З. Суриковъ.

ПРИЗЫВЪ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ.
На озаренное созданье
Смотрю въ волшебной тишинѣ:
На главахъ смолянаго бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора,
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Почіетъ озеро въ берегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели.
А тамъ, вокругъ холма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ...
Какъ темень сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ соснъ смолистыхъ
И отъ черемухи молодой!
О други! въ поле! силой дивной
Мнѣ утро грудь животворить...
Чу! въ рощѣ голосъ заунывной
Весенней иволги гремитъ!

А. Н. Майковъ.

*
* *
*

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ —
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой;
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера пришелъ я снова,
Что душа все также счастью
И тебѣ служить готова;
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

А. А. Шеншинъ (Фетъ).

ВЕСЕННІЯ НОЧИ.

Бѣлыя, тихія ночи
Съ блѣдной, пугливой красой!
Какъ раздражаетъ мнѣ очи
Вашъ полусвѣтъ голубой!
Въ немъ будто вянетъ безъ шума
Міру невѣдомый цвѣтъ,

И не досказана дума
Юныхъ, пророческихъ лѣтъ.
Можетъ за свѣтлымъ туманомъ
Новаго счастья привѣтъ;
Иль замѣнилъ лишь обманомъ
Темную ночь полусвѣтъ?

В. И. Водовозовъ.

— НОЧЬЮ ВЕШНЕЙ. —

Мѣсяцъ мостъ золотой перекинулъ
Надъ спокойной равниною водъ
И по синему небу дозоромъ
Надъ деревнею сонной идетъ.

Еле слышится шепотъ цвѣтущихъ
Первымъ цвѣтомъ нагорныхъ садовъ,
Да далекіе мѣрные всплески
Волнъ по темной каймѣ береговъ.

И огней по деревнѣ убогой
Многозвѣздная нить порвалась,
И своимъ голубѣющимъ блескомъ
Ярче южная ночь разлилась.

Сладко дышется въ ночь голубую
Тѣмъ, кто можетъ свободно дышать,
Тѣмъ, кто можетъ грядущаго утра
Безъ тревоги мучительной ждать.

Мартовъ.

РУМЯНАЯ НОЧЬ.

Заря не остыла на небѣ,
А ночь ужъ на землю сошла,
Какъ сонъ быстрокрылый, безмолвна,
Какъ призракъ воздушный, бѣла.
И дремлетъ она, разметавшись,
Въ чертогѣ небесъ голубомъ,
И въ окнахъ избушекъ мерцаетъ
Прозрачнымъ и тусклымъ свинцомъ.
И тамъ, гдѣ въ янтарной лазури
Алѣетъ зари полоса,
Какъ стража въ мечтательной дремѣ,
Стоять неподвижно лѣса.
И вздохомъ въ молчаніи ночи
Прносятся отзвуки дня,
И день догорѣвшій мерцаетъ
Въ румянцѣ ночнаго огня.

К. Фофановъ.

* * *

Чѣмъ тоскѣ, я не знаю, помочь...
Грудь прохлады свѣжительной ищетъ
Окна настѣжъ!—Уснуть мнѣ невмочь:
Соловей разливается—свищетъ.
Стройный тополь стоитъ подь окномъ,
Листья въ воздухѣ всѣ онѣмѣли,—

Точно думы всѣ тѣ же и въ немъ
Точно судить меня онъ съ пѣвцомъ, —
Не проронить ни вздоха, ни трели.
На зарѣ только клонить ко сну
Но лишь яркій багрянецъ замѣчу —
Разгорюсь — и опять не усну...
Знать, въ послѣдній встрѣчаю весну
И тебя на землѣ ужъ не встрѣчу.

А. А. Шеншинъ (Фетъ).

* * *

Ночь нисходитъ на міръ полусонный:
Всюду льется цвѣтовъ ароматъ;
Всюду слышится шепотъ влюбленный;
Міръ весеннею жаждой объять...
Онъ исполненъ истомы и лѣни,
Сладко плачетъ въ туманѣ ручей,
И на вѣткѣ душистой сирени,
Замирая поетъ соловей...
Но не сладки мнѣ вешнія пѣсни,
Все попрежнему въ сердцѣ зима,
Не сказать имъ былому: «воскресни!»
А въ грядущемъ и холодъ, и тьма...
Вдохновенье дарящіе звуки
Только дразнятъ меня, и томятъ,
И о близости съ жизнью разлуки
Мнѣ съ невольной тоской говорятъ.

П. А. Козловъ.

2°
* *

Тонетъ луна въ облачкахъ кудреватыхъ,
Словно въ прозрачномъ серебряномъ дымѣ;
Въ мягкомъ окрестность лежитъ полусвѣтъ,
Тѣни сливаются въ сумракѣ ровномъ;
Вѣтеръ весенній по нивамъ душистымъ
Изрѣдка теплой повѣетъ волною.
Поздно ужъ, смолкли всѣ звуки дневные,
Тихій покой на поляхъ и равнинахъ,
Праздничнымъ чѣмъ-то полна вся окрестность,
Что-то незримое всюду разлито.
Нивы, облитыя матовымъ свѣтомъ,
Этотъ просторъ необъятный и мягкій,
Вдаль облаковъ уходящія гряды
Чѣмъ-то таинственнымъ, праздничнымъ полны.
Гдѣ-то вдали, за рѣкою въ избушкѣ
Блещетъ чуть-чуть огонекъ въ полумракѣ,
Въ воздухѣ пахнетъ весной и цвѣтами,
Свѣжесть съ полей ароматная льется.
Вотъ въ сторонѣ подъ деревьями домикъ,
Вкругъ разрослись молодая березы,
Свѣсивъ надъ крышей кудрявыя вѣтви.
Скрипнули петли садовой калитки...
Вотъ и она межъ кустовъ промелькнула,
Будто какъ тѣнь, въ полусумракѣ лунномъ.

Чу! вотъ и пѣсенка дѣвы—малютки
Нѣжно въ ночной тишинѣ зазвучала...
Робко-любовной и мягкою трелью
Въ сердцѣ мнѣ льется и, кажется, будто
Все: и луна, и волнистыя нивы,
Бѣлыя тучки, поля и березы,
Воздухъ душистый и самое сердце
Нѣжную пѣсенку жадно такъ ловятъ,
Свѣтлымъ проникнуты чувствомъ...

Л. И. Пальминъ.

Кругомъ легли ночныя тѣни,
Глубокой мглой окутанъ садъ;
Кусты душистые сирени
Въ весенней нѣгѣ мирно спятъ.
Склонясь зелеными вѣтвями,
Осока дремлетъ надъ прудомъ,
И небо яркими звѣздами
Горитъ въ сіяньи голубомъ.
Усни, забытый злой судьбою,
Усни, усталый и больной,

Усни, подавленный нуждою,
Измятый трудною борьбой!
Пусть ядъ безжалостныхъ сомнѣній
Въ груди истерзанной замретъ,
И рой отрадныхъ сновидѣній
Тебя неслышно обойметъ!
Усни, чтобъ завтра съ силой новой
Бороться съ безотрадной мглой,
Чтобъ не устать въ борьбѣ суровой,
Чтобъ не поддаться подъ грозой;
Чтобъ челнъ свой твердою рукою
По морю жизни направлять
Туда, гдѣ свѣтлою зарею
Едва подернулася гладь;
Гдѣ скоро жаркими лучами
Свѣтъ мысли ласково блеснетъ,
И солнце правды надъ водами
Въ красѣ незыблемой взойдетъ.

С. Я. Надсонъ.

У Т Р О М Ъ.

Въ ранній часъ надъ нивой вѣтеръ прихотливый,
Разыгравшись, мягко влажный колосъ гнетъ;
Въ облакахъ янтарныхъ, въ волнахъ лучезарныхъ,
На востокъ солнце радостно встаетъ.
Разливаясь въ трели, въ рощѣ полетѣли
Звуки пѣсни чудной, звуки соловья;
Изумрудной сѣткой вѣтку вслѣдъ за вѣткой
Опустила ива въ зеркало ручья.
За горою дальней хороводъ печальный
Утреннихъ тумановъ медленно взвился,
И лежитъ далеко отъ лучей востока,
Покидая съ тайной грустью небеса.
Отъ избушекъ тѣни, будто полны лѣни,
На песокъ улегшись, тянутся по немъ;
Ветхихъ крышъ соломѣ солнцу золотому
Весело румянить огненнымъ лучомъ.

В. П. Буренинъ.

МИГЪ ОБНОВЛЕНІЯ.

Свѣжесть утра, розъ дыханье,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье,
Ясный неба сводъ,—
Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду льетъ,

Все печальное забыто,
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, что ужъ прожито,
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышетъ грудь моя,
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамся я.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню
Вѣру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою.

Ю. В. Жадовская.

ЗАТИШЬЕ.

Голубыя покоились волны,
Голубой сводъ небесный дремалъ...
Въ мертвомъ снѣ цѣпенѣя, безмолвный
Часъ томительный полдня насталъ.
Застывала, палима лучами,
Раскаленная почва земли,—
Трепетала лишь чайка крылами
И вилась, и кружилась вдали...
Притупились всѣ ощущенья,
Всѣ застыли волненья въ груди,

И душа, забывая стремленья,
Ничего не ждала впереди.
Лишь испуганно, гдѣ-то глубоко.
Въ задремавшемъ умѣ притаясь,
О минувшемъ мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась...

К. Р.

ПОЛДЕНЬ.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный—въ темный лѣсъ,
И тамъ ложусь, и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесъ.
И бесконечно тонуть взоры
Въ ихъ отдаленьѣ голубомъ;
А лѣсъ шумить себѣ кругомъ,
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечетъ птица, жукъ жужжитъ,
И листъ засохшій шелеститъ,
На хворостъ падая случайно,—
И звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ,
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытѣи какомъ-то дремлетъ.

Н. Огаревъ.

Отцвѣтаетъ сирень у меня подь окномъ,
Осыпаются кисти пушистыя...
Ужъ пахнуло, повѣяло лѣтнимъ тепломъ;
Гуще зелень березъ; солнце знойнымъ лучомъ
Золотить ихъ стволы серебристые.
Скоро лѣто придетъ и опять уберетъ
Васильками всю ниву зеленую;
Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ,
И опять незабудками сплошь заростетъ
Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеною.
Скоро скошеннымъ сѣномъ запахнетъ кругомъ...
Какъ-бы дѣсыта, всласть, грудью жадною
Надышаться мнѣ этимъ душистымъ тепломъ,
Пока мѣръ ледянымъ не уснулъ еще сномъ,
Усыпленный зимой безотрадною!

К. Р.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межей
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая;
Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо. Иду я наклоняясь,
Какъ будто-бы отъ пчель тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь, въ пчельникѣ проходишь въ ясный день
О, Божья благодать! О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!

Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы,
Вонь—на зарѣ стучать проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя.
О, Боже! ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святыя неба;
Но, хлѣбомъ золота просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленные зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! Пошли Ты вѣдра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи, какая благодать!»

А. Н. Майковъ.

ТУЧИ.

Тучки небѣсныя, вѣчныя странники!
Стѣпью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто-жъ васъ гонить: судьбы-ли рѣшеніе?
Зависть-ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти, и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

М. Ю. Лермонтовъ.

ГРОЗОВЫЯ ТУЧИ.

По небу быстро поднимаясь,
На встрѣчу мчась одна къ другой,
Двѣ тучи хмурыя слетаясь,
Готовы кинуться на бой.
Темны, какъ участь близкой брани,
Небесныхъ ратниковъ полки,

Подняты по вѣтру ихъ длани
И рѣжутъ воздухъ шишаки...
Сквозять ихъ мрачныя забрала
Отъ блеска пламенныхъ очей...
Какъ будто въ небѣ мѣста мало
И разойтись въ немъ нѣтъ путей?

К. Случевскій.

БУРЯ.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ, и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустилась глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта, и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.
Великую силу уже подымая,
Полки она строить изъ водныхъ громадъ;
И валъ — великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ, свои смуглыя лица нахмуря
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

Н. М. Языковъ.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Умаялся вѣтеръ; зловѣщая тишь
Царить надъ рѣкой и тѣнистой дубровой,
Какъ войско, поднялся прибрежный камышъ,
Чуть слышно гуторя съ волною свинцовой.

И все притаилось въ чащѣ густой;
Лишь носится бѣшенно ласточекъ стая,
Кружась и играя надъ темной водой,
Да стонуть печальныя чайки, взлетая...

Хоть ночь не пришла, но все небо кругомъ
И волны угрюмыя стали темнѣе,
Глухой ужъ доносится издали громъ,
И тучи косматая лѣзутъ, чернѣя.

Вотъ молнія змѣйкой блеснула вдали...
Въ тревогѣ деревья, вершины понуря,
Таинственнымъ шепотомъ рѣчь повели:
— «Близка неизбежная буря!...»

В. Л. Величко.

ГРОЗА.

Уже давно вдали толпились тучи
Тяжелыя—росли, темнѣли грозно...
Вотъ сорвались и двинулась громада.
Шумя, плыветъ и солнце закрываетъ
Передовое облако; внезапный
Туманъ разлился въ воздухѣ; кружатся
Сухіе листья... птицы притаились...
Изъ подъ воротъ выглядываютъ люди,
Спускаютъ окна, запираютъ двери...
Большія капли падаютъ... и вдругъ
Помчалась пыль столбами по дорогамъ;
Поднялся вихрь и по стѣнамъ, и крышамъ
Ударилъ злобно; хлынули потоки
Дождя... запрыгалъ угловатый градъ...
Крутятся, бьются, мечутся деревья,
Смѣшались тучи... молнья!... ждешь удара...
Загрохоталъ и прокатился громомъ.
Сильнѣе дождь... Широкими струями,
Волнуясь, льетъ и хлещетъ онъ—и вѣтеръ
Съ воды срываетъ брызги... вновь ударъ!
Черезъ село растрепанный, безъ шапки
Мужикъ за стадомъ въ поле проскакалъ,
А вслѣдъ ему другой кричитъ и машетъ...
Смятенье!... Но за то, когда прошла
Гроза, какъ улыбается природа!
Какъ ласково свѣтлѣютъ небеса!
Пушистыя, разсѣянные тучки
Летятъ; жужжать ручьи; болтаютъ листья...

Убита пыль; обмылася трава,
Скрипятъ ворота; слышны восклицанья
Веселыя; шумя, слетаетъ голубь
На влажную, блестящую дорогу...
Въ ракетахъ раскричались воробьи;
Смѣются босоногіе мальчишки;
Запахли хлѣбомъ желтыя скирды...
И бѣглымъ золотомъ сверкаетъ солнце
По молодымъ осинамъ и березамъ.

И. С. Тургеневъ.

Пронеслася гроза стороною,
Подъ дождемъ освѣжились поля;
Какъ легко послѣ душнаго зною,
Какъ теперь отдыхаетъ земля!
Ужъ не долго ей ждать до заката,
Влажный воздухъ такъ густъ и душистъ,
Облака унеслися куда-то,
А въ саду—не шелохнется листь.
Вѣтви тамъ надъ дорожкой гнутся,
Словно въ землю сквозь слезы глядя,
Но задѣнешь ихъ,—градомъ польются
Съ нихъ, трепещущихъ, капли дождя.
Можетъ быть, о недавнемъ раздорѣ
Съ бурнымъ вихремъ напомнилъ ты имъ
И нескромнымъ движеніемъ своимъ
Разбудилъ ихъ дремавшее горе?...

А. Н. Яхонтовъ.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождёмъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесь,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ, перунами сраженный,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени, грозою освѣженной;
А ужъ давно звучнѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣснь по рощѣ раздалась,
И радуга концомъ дуги своей
Въ зеленые вершины уперлася!...

Ө. И. Тютчевъ.

*
* * *

Для нашихъ думъ, для силы мысли мощной
Сокрытыхъ тайнъ въ подлунномъ мірѣ нѣтъ:
Измѣрилъ все разсудокъ мѣрой точной,
На все, на все, заранѣ и заочно
Готовы въ насъ рѣшенье и отвѣтъ.
Чредой знакомою предъ нами жизнь мелькаетъ,
Повсюду будничный однообразный видъ:
Ничто нашъ взоръ внезапнымъ не пугаетъ,
Ничто нашъ умъ загадкой не дивитъ.
И, средь заботъ, расчетовъ и пороковъ,
Безцвѣтно наша жизнь влачится безъ чудесъ,
Безъ слова грознаго разгнѣванныхъ пророковъ,
Безъ грозныхъ знаменій разгнѣванныхъ небесъ.
Но въ мигъ, когда земля дрожить и стонетъ,
И твердь небесная сверкаетъ и горитъ,
И въ лавѣ огненной окрестность грозно тонетъ,
И съ ревомъ вихрь за тучей тучу гонитъ,
И на землѣ все стихнетъ и молчитъ,—
И въ злой тоскѣ, какъ предъ кончиной міра,
Томясь, какъ грѣшница, природа мрачно ждетъ;
Когда палящій огонь съ небеснаго ээира
По гласу трубному, какъ мстящая сѣкира,
На землю съ грохотомъ и трескомъ упадетъ,—
Тогда, какъ въ мигъ святаго откровенья,
Намъ слышится знакомый сердцу гласъ,

Давно въ шуму житейскаго волненья
Неслышный намъ, звучащій вѣчно въ насъ.
Когда жъ гроза надъ нами пронесется,
И солнце выглянетъ, и птички запоютъ,
И обновленная природа улыбнется,
И травы ароматъ роскошно разольютъ,
И съ свѣжимъ воздухомъ отрадою спокойной
Въ открытое окно пахнетъ на нашу грудь,—
Бодръй и радостнѣй съ душою обновленной
Глядимъ мы вдаль на трудный жизни путь;
Еще въ жару святаго впечатлѣнья,
Душа небесными глаголами полна,—
Яснѣй свое небесное рожденье
И сознаетъ, и чувствуетъ она;
Не тѣсно ей въ земномъ жилищѣ тѣсномъ,
Привольнѣй жить подъ кровомъ, ей роднымъ;
И жарче вѣруемъ мы чудесамъ небеснымъ,
Живѣе вѣрится и подвигамъ земнымъ;
Въ одеждѣ праздничной тогда все блещетъ въ мірѣ,
Свадаетъ съ думъ заботъ тяжелый гнетъ,
И наша мысль торжественнѣй и шире
Возноситъ къ небесамъ свой царственный полетъ:
Роскошнѣй сновъ безгрѣшныя видѣнья
Лелѣютъ чистыхъ дѣвъ и отроковъ сердца,
И величавѣе нисходитъ вдохновенье
На душу тихую пѣвца.

Б. Н. Алмазовъ.

РАЗСВѢТЪ.

Я помню часъ: надъ степью неоглядной 41
Съ конца въ конецъ нависли тучи мглой
И шелестъ ночи трепетно-прохладной
Не волновалъ ковыль-травы сѣдой...
И воздухъ спалъ... Такъ душно и тоскливо
Дышала степь... казалось, тяжкій стонъ
Стоялъ вдали... Мы грустно и пугливо
Той степью шли...—Все было смерть и сонъ...
Я ждалъ грозы: и тучи все клубились...
Вотъ молнія... вдали глухой раскатъ...
Еще—и капли первыя пролились...
Гроза, гроза!.. И громъ, и дождь, и градъ,
Тяжелый градъ, широкой полосой,
Шумить и бѣть окрестныя поля...
Стонала степь, готовясь грозно къ бою
И подъ грозой дрожала вся земля...
Но часъ прошелъ—и ревъ грозившей бури
Замолкъ вдали... не стало черныхъ тучъ,
И надъ землей съ разъясненной лазури
Съ разсвѣтомъ намъ блеснулъ отрадный лучъ—
Очнулись мы и смѣлою стопою
Пошли впередъ—бѣжить и сонъ, и тѣнь,—
Въ свободный путь, широкою стезею!...
Прошла гроза—намъ блещетъ новый день!

Вс. В. Крестовскій.

ВЕЧЕРЬ.

Горять и блещутъ, съ вышины
Зарей разсыпанныя, розы
На блѣдной зелени березы,
На темномъ бархатѣ сосны.
По красной глинѣ съ тощимъ мохомъ
Бреду я скользкою тропой;
Струится вечеръ надо мной
Благоуханнымъ, теплымъ вздохомъ,
Поникнувъ, дремлютъ тростники;
Сверкаетъ пѣнистой пучиной,
Разбито въ дребезги плотиной,
Стекло прозрачное рѣки.
Колосья зрѣющаго хлѣба
Глядятъ съ обрыва на меня;
Тамъ колья ветхаго плетня
Чернѣютъ на лазури неба...
Ужъ пламень меркнущаго дня
Блѣднѣй, торжественнѣй и тише;
Онъ подымается все выше,
Онъ охватилъ своимъ огнемъ
Въ деревнѣ блѣдной надъ холмомъ
Двѣ, три соломенные крыши,
И стадо желтое утятъ,
И лужу въ колеяхъ дороги,

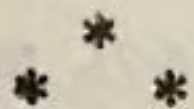
И темно бронзовые ноги
Толпы играющихъ ребятъ...
И передъ смертью кроткій взглядъ,
О день, кидаешь ты съ любовью
На безпредѣльные поля...
Погибшій день, ты былъ ничтоженъ
И пусть, и мелочно-тревоженъ;
За что-жъ на тихій твой конецъ
Самой природы возложенъ
Такой блистательный вѣнецъ!

Д. С. Мережковский.

*
* *

Сумерки росисты; садъ душистъ и зеленъ;
На прудахъ недвижна водяная плѣсень;
Изъ развалинъ замка, изъ сырыхъ расщелинъ,
Ловить слухъ невольно звуки чудныхъ пѣсень,
Будто привидѣнья легкой невидимкой
Рѣзво пляшутъ танецъ средь сѣдыхъ развалинъ.
Садъ, дрожа чуть слышно, подъ лиловой думкой
Сумерекъ іюльскихъ грустенъ и печалень;
Ласковые вѣтки клонятся уныло,
Трепетныя травы шепчутся тоскливо...
Сердце встрепенулось, вмигъ все пережило
И готово вѣрить въ сказочное диво.

К. Фофановъ.

Вечернее небо, лазурныя воды,
Въ лиловомъ туманѣ почившая даль,—
Все прелестью дышетъ любви и свободы,
Но въ этомъ чарующемъ ликѣ природы
Читаю, какъ въ книгѣ, свою же печаль.

И мнится, что все подъ лазурью румяной:
Склоненныя ивы надъ соннымъ прудомъ,
И лѣсъ темносиній за далью туманной,—
Все это лишь призракъ обманчиво-странный
Того, что созидилось въ сердцѣ моемъ.

Все это—отрывокъ поэмы пѣвучей
Живущей глубоко въ душѣ у меня,
Гдѣ много такъ вѣры и страсти кипучей,
Гдѣ много такъ жажды къ свободѣ могучей,
Такъ много печали и много огня!

К. Фофановъ.

В Е Ч Е Р Ъ .

Догараетъ румяная зорька вдали,
Тихо на море волны тумана легли
Блѣдно-розовой тканью прозрачной...
И стихіи-красавицы влажную грудь
Теплый вѣтеръ лобзаетъ украдкой чуть-чуть,
Какъ тревожную грудь новобрачной.

Словно жалко прервать мигъ отраднаго сна,
Словно чувствуетъ вѣтеръ: всецѣло она
Покорилась любви, отдалась его власти,
Захоти онъ—и мигомъ въ объятыхъ его
Затрепещетъ стихія, отъ сна своего
Пробудясь для восторговъ и страсти...
Все темнѣй и темнѣе небесная высь;
Мириады свѣтилъ замерцали, зажглись
Средь пучинъ ея синихъ, бездонныхъ,
И въ пучинѣ морской отразились они:
Замелькали въ волнахъ золотые огни,
Закачались въ излучинахъ сонныхъ...
Тихо, тихо кругомъ... И въ душѣ тишина!...
И въ восторгѣ гляжу, со слезами во взорѣ,
Какъ слилися двѣ бездны,—и небо, и море
Отдались обаянью волшебнаго сна...

В. Л. Величко.

*
* *
* *

Песокъ сыпучій по колѣни...
Мы ѣдемъ; поздно, меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.
Чернѣй и чаще боръ глубокій...
Какія грустныя мѣста!..
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

Ө. И. Тютчевъ.

ФАНТАЗІЯ.

Мы одни: изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяць: тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи,
Что-жъ молчимъ мы?.. Или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи мая?
Иль поеть и ярко такъ, и страстно
Соловей, надъ розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды.
На суку извилистомъ и чудномъ,
Пестрыхъ сказокъ пышная жилища,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица,
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ;
Все растеть и рвется вонъ изъ мѣры...
Много сновъ проносится знакомыхъ,
И на сердцѣ много сладкой вѣры.

Переходят радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще,—и нѣтъ волшебной сказки
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни: изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ; тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

А. А. Шеншинъ (Фетъ).

* * *

Догорѣла румяная зорька вдали
И по стени вечернія тѣни легли...
И ни звука кругомъ—всюду тишь и покой,
Прожужжить только жукъ, промелькнувъ надъ травой,
Степь исчезла во тьмѣ—а на небо взгляни:
Кто-то тамъ высоко зажигаетъ огни...
И надъ степью они, тихо зыблясь, горятъ,
Въ необъятный свой міръ и зовутъ, и манятъ.
И что скрылось въ душѣ, притаилось днемъ,
То проснулось теперь и взмахнуло крыломъ,—
И, страхнувъ жизни гнетъ, въ міръ надзвѣздный
И душа умиляясь молитвой звучить. [парить—

И. З. Суриковъ.

*
* *

Вдали, какъ чуткій стражъ, почіетъ лѣсъ безмолвный
Стѣной узорною; румянецъ золотой
Угаснувшего дня не таетъ въ безднѣ, полной
Глубокой вѣчностью и звѣздной глубиной.
И тихо въ небесахъ, и тишина нѣмая
Объемлетъ ласково спокойный мракъ долинъ;
Лишь слышно, какъ рѣка шумить не умолкая,
Стремясь расторгнуть плѣнь стѣснительныхъ плотинъ.
Но въ чуткой тишинѣ такъ много тайной жизни,
Что кажется, мой другъ оставленный вдали,
Ко мнѣ твой тихій вздохъ и ропотъ укоризны
Ночные вѣтерки, волнуясь, принесли.

К. Фофановъ.

*
* *

Опустилась тихо ночь благоуханная
На поля и рощи сонныя.
Надъ рѣкою дымка зыблется туманная,
Луннымъ свѣтомъ озаренная.
Безпредѣльная, бездонная,
Синева надъ міромъ блещетъ звѣздотканная,
И на тучки посребренные
Льетъ луна сіянье, грустью обуянная...

И деревьевъ очертанія
Тонуть въ полутьмѣ. Сквозь листья ароматные
Въ глубь аллей тѣнистыхъ льются благодатныя
Струйки мягкаго сіянія,—
Какъ въ безмолвье сердца рѣчи еле внятныя,
Какъ любви воспоминанія...

В. Л. Величко.

*
* *

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало...

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею...

Ө. И. Тютчевъ.

НА РѢКѢ.

Надъ зеркаломъ безмолвныхъ водъ
Туманъ клубится дымкой сизой,
И темно-синей, звѣздной ризой
Одѣла ночь небесный сводъ.

Луна, полночная царица,
Плыветъ межъ легкихъ облаковъ.
Отъ сладко дремлющихъ цвѣтовъ
Благоуханіе струится.

Облить сіяньемъ луннымъ садъ;
Росы алмазные слезинки
На каждой трепетной былинкѣ,
На каждомъ листикѣ дрожать...

И садъ въ молчаніи глубокомъ,
И многошумный лѣсъ затихъ,
И группа сосенъ вѣковыхъ,
Какъ стража, на холмѣ высокомъ...

Чернѣютъ берега вдали,
Съ густою дымкою сливаясь.
Кричатъ въ лугахъ, перекликаясь,
Безсонные коростели.

Стальнымъ отливомъ воды блещутъ;
Безшуменъ мощный бѣгъ рѣки...

Видны въ туманѣ островки—
И волны тамъ шумятъ и плещутъ.

Онѣ, тревогою полны,
На берегъ лѣзутъ каменистый
И чешуею серебристой
Сверкаютъ при лучахъ луны.

То рѣчи властно плескомъ воднымъ
Ведетъ природа въ тишинѣ,
И слышится въ томъ плескѣ мнѣ
Разсказъ о счастіи свободномъ,

О дняхъ, когда, возставъ отъ сна
Душа полюбитъ страстью вѣчной:
Въ ней, какъ въ рѣкѣ той быстротечной,
Желаній закипитъ волна;

Смирится все, что въ ней боролось:
Стремленій, чувствъ и мыслей хоръ, —
Едва заблещетъ милый взоръ,
Заговорить любимый голосъ!

Предъ нимъ все смолкнетъ въ глубинѣ
Души, восторгомъ опьяненной, —
Какъ этотъ міръ, замороженный
Въ благоговѣйной тишинѣ...

В. Л. Величко.

Тихо все, глядится мѣсяцъ
Въ воды зыбкія рѣки;
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькаютъ огоньки.

Отчего такъ сердцу больно?
Дней ли прошлыхъ стало жаль,
Иль грядущаго пугаетъ
Неразгаданная даль?

Отчего въ груди томленье?
И туманить взоръ слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вотъ сокрылся мѣсяцъ въ тучи,
Огоньковъ ужъ не видать;
Стихли пѣсни... Скоро-ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

А. Н. Плещеевъ.

Ночь тихо обняла полупрозрачной тьмою
И зеркало пруда, и тихій садъ, и домъ;
Деревья и кусты, омытые росю,
Въ предпраздничной тиши не шелохнуть листомъ.
Двурогій серпъ луны златистыми лучами,
За чащу заходя, изъ-за вѣтвей блестить,
Хрустальный тихій свѣтъ косыми полосами
По крышѣ и кустамъ причудливо скользить.
Все тихо, лишь вдали собака звонко лаетъ,
Да сторожъ въ доску бьетъ далеко за рѣкой,
И каждый звукъ въ тиши такъ чутко замираетъ,
На всемъ вокругъ лежитъ предпраздничный покой.
Въ ея окнѣ огонь; тамъ занавѣсъ высоко
Колышется, сквозя то ярче, то темнѣй...
Вотъ прокричалъ пѣтухъ, вотъ гдѣ-то недалеко
Раздался громкій крикъ встревоженныхъ гусей.
И снова тихо все, лишь звучно гдѣ-то льется
Собаки дальній лай, и звонкій, и густой, —
И каждый звукъ въ тиши на сердцѣ отдается
Такъ чудно и свѣтло волшебною мечтой.

Л. Н. Пальминъ.

НОЧЬ.

О, ночь безлунная, ночь теплая, нѣмая,
Ты нѣжишься, ты млѣешь, изнывая,
Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая жена...
Иль можетъ быть, невѣдѣньемъ полна,
Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній,
Стыдливая, ты ждешь таинственныхъ лобзаній?
Скажи мнѣ, ночь, въ кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный,
И надъ тобой покровъ густѣетъ темный.

Я зараженъ тобой: вдыхаю влажный паръ,
И чувствую,—въ груди тревожный вспыхнулъ жаръ,
Мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шепотъ...
И тѣнь пахучая подѣмлетъ кругомъ;
Лицо горитъ невѣдомымъ огнемъ,
Расширенная грудь дрожитъ воспоминаньемъ,
Томится грустію, блаженствомъ и желаньемъ—
А воздухъ ласковый, чуть дышащій, ночной,
Какъ будто самъ дрожить и пышетъ надо мной.

И. С. Тургеневъ.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
 Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
 Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
 Нивы дремлющія зрѣютъ!...
 Усыпительно-безмолвны,
 Какъ блестятъ въ тиши ночной
 Золотистыя ихъ волны,
 Убѣленные луной!

Ө. И. Тютчевъ.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

153

Я видѣлъ ночь. Она передо мной
 Вся въ черномъ шла, прекрасная, живая,
 Волшебница съ поникшей головой,
 Зарницами, какъ взглядами, сверкая.
 Прозраченъ былъ ея воздушный станъ;
 Но чуялъ я дыханья знойный трепеть,
 И въ тишинѣ, какъ ласковый обманъ
 Незримыхъ устъ, призывный несся лепеть.
 Казалось мнѣ, что чудная зоветъ
 Меня съ собой къ любви и наслажденью,
 И я все шелъ, все шелъ за ней впередъ,
 Объятый весь огнемъ ея и тѣнью!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ПРИМѢТЫ ОСЕНИ.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ;
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;

Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ
[прудомъ.

И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаясь порой подъ небесами.

Прости, пора цвѣтовъ, и теплыхъ, ясныхъ дней,
Пора блестящихъ зорь, черемухъ благовонныхъ,
Пора играющихъ зарницъ во тьмѣ ночей,
И пѣсень, и любви, и грезъ неугомонныхъ!

Но осень я люблю: она мила мнѣ. Пусть
Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ,
Но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
Которую душа и любить, и ласкаетъ,—

Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
И листья, въ воздухѣ кружащіеся шибко,
И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
Какъ умирающей красавицы улыбка.

Н. П. Грековъ.

ОСЕНЬ.

По деревьямъ, по кудрявымъ,
Какъ по кудрямъ сѣдина,
По цвѣтамъ, кустамъ и травамъ
Пробѣжала желтизна.

Лѣтнихъ сумерекъ сіянье
Замѣняетъ мгла и тьма,
Какъ былыя упованья—
Выводъ зрѣлаго ума.

Днемъ и ночью неотступно
Вѣтръ гудитъ, врываясь въ боръ,
Словно совѣсти преступной
Неотвязчивый укоръ.

И по вѣтру вдаль гурьбою
Мчатся блеклые листы,
Какъ по памяти порою
Свѣтлой юности мечты.

Надъ землею дымкой сѣрой
Всталъ густой осенній паръ,
Какъ надъ юношеской вѣрой
Жизни тягостный ударъ.

Только алая рябина
Рѣжетъ глазъ среди вѣтвей,
Какъ назрѣвшая кручина
Средь событій прошлыхъ дней!...

Ф. В. Черниловецъ.

*
* *

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по-вѣтру летятъ,
Лишь вдали красуются тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красные вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча, твои рученьки грѣю я и жму,
Въ очи тебѣ глядячи, молча, слезы лью,
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

А. К. Толстой.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ.

Кончалось лѣто. Астры отцвѣтали...

Подъ гнетомъ жгучей, тягостной печали

Я сѣлъ на старую скамью,

А листья надо мной, склоняясь, шептали

Мнѣ повѣсть грустную свою:

«Давно ли мы цвѣли подъ знойнымъ блескомъ лѣта,

И вотъ ужъ осень намъ грозитъ,

Не много дней тепла и свѣта

Судьба гнетущая сулитъ.

Но что-жъ, пускай холодными руками

Зима охватить скоро насъ,

Мы счастливы теперь, подъ этими лучами,

Намъ жизнь милѣй въ прощальный часъ.

Смотри, какъ золотомъ облить нашъ паркъ печальный,

Какъ радостно цвѣты въ послѣдній разъ блестятъ,

Смотри, какъ пышно-погребально

Горитъ надъ рощами закатъ!

Мы знаемъ, что, какъ сонъ, ненастье пронесется,

Что снѣгу не всегда поляны покрывать,

Что явится весна, что все кругомъ проснется,—

Но мы... проснемся ли опять!

Вотъ здѣсь, подъ кровомъ нашей тѣни,

Гдѣ груды хвороста теперь лежатъ въ пыли,

Когда-то цвѣлъ роскошный кустъ сирени,
И розы пышныя цвѣли.

Пришла весна; во славу новымъ розамъ
Запѣлъ, какъ прежде, соловей,
Но бѣдная сирень охвачена морозомъ,
Не подняла своихъ вѣтвей.

А если къ жизни вновь вернутся липы наши,
Не мы увидимъ ихъ возвратъ,
И вмѣсто насъ, быть можетъ, лучше, краше
Другіе листья заблестятъ.

Ну что-жъ, пускай холодными руками
Зима охватитъ скоро насъ,
Мы счастливы теперь, подъ блѣдными лучами,
Намъ жизнь милѣй въ прощальный часъ.
Помедли, смерть! Еще хотя-бы день отрады...
А, можетъ быть, сейчасъ, клоня верхушки ивъ,
Сорветъ на землю безъ пощады
Насъ вѣтра бурнаго порывъ...

Желтѣя, ляжемъ мы подъ линами родными;
И даже ты, объ насъ мечтающій съ тоской,
Ты встанешь со скамьи разсѣянный, больной,
И полонъ мыслями своими,
Раздавишь насъ небрежною ногой».

А. Н. Апухтинъ.

64

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть, въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная таинственная прелесть!...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ;
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно-сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та краткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Θ. И. Тютчевъ.

*
* * *

Послѣ солнца чарующей ласки
И зеленыхъ уборовъ земли
Грустно видѣть осеннія краски,
Что свинцомъ на природу легли...
Замѣчаемъ мы всюду утраты,
Въ рѣзкомъ воздухѣ нѣтъ теплоты,
Унеслись безъ слѣда ароматы,
И завяли уныло цвѣты...

Все въ холодные тоны одѣто,
Все невольную будить печаль,
И недавняго, теплаго лѣта,
Какъ чего-то родного, намъ жалъ.
Унывая, мы даже готовы
Передъ каждой зимой забывать,
Что весна своей ласкою новой
Обогрѣетъ намъ землю опять.
Безотраднѣе чувство другое
Проживать огорченнымъ умомъ,
Наступленье зимы роковое
Разгадавъ на лицѣ дорогомъ!
Зная, какъ иногда безъ пощады
Гасить гнетъ пережитыхъ годовъ
Честный умъ, безкорыстные взгляды
И высокую къ людямъ любовь,—
Въ первый разъ... въ взглядѣ друга суровомъ
Недостатокъ найти теплоты,
И съ тоской... въ выраженіи новомъ
Не узнать дорогія черты,
Чтобъ потомъ, если только не въ силѣ
Мы прошедшаго сразу забыть,
Все, что мы въ человѣкѣ любили,
Хоронить, безъ конца хоронить...

Н. С. Курочкинъ.

Уныло кроетъ неба просинь
Холодныхъ тучъ густая тьма...
Что это? Скучная ли осень,
Иль все мертвящая зима?
Повѣяль холодъ, блекнуть краски
Подъ угасающимъ лучомъ,
И глазу нѣтъ отвѣтной ласки,
Нѣтъ блеска прежняго ни въ чемъ!
Черствѣетъ сердце, дрябнетъ тѣло,
Дряхлѣетъ воля, тускнетъ умъ;
Душѣ усталой чуждъ всецѣло
Кипящей жизни гамъ и шумъ.
Ни жить, ни мыслить нѣтъ охоты,
Нѣтъ вѣры въ смыслъ и мощь идей,
И блескъ сусальной позолоты
Сбѣжалъ съ кумировъ прежнихъ дней...
Смотрѣть на зло устали вѣжды,
Не стало силъ для новыхъ битвъ;
Въ душѣ нѣтъ мѣста для надежды,
И нѣтъ предмета для молитвъ.

Ф. В. Черниговецъ.

Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю;
Стелется тихо по ней, теплый скользить вѣтерокъ.
Но давно подъ травою изсякли болтливыя воды
Въ тучныхъ лугахъ; и сама вся пожелтѣла трава.
Сумракъ душистый лѣсовъ, отрадные, пышныя тѣни,
Гдѣ вы? гдѣ ты, лазурь яркихъ и темныхъ небесъ?
Осень настала давно; ея прощальныя ласки
Часто милѣе душѣ первыхъ улыбокъ весны.
Бурые сучья раскинула липа; береза
Вся золотая стоитъ; тополь одинъ еще свѣжъ,
Также дрожить, и шумить, и тихо блестить, серебри-
Но побагровѣлъ давно дуба могучаго листъ. [стый;
Яркія краски вездѣ смѣнили привѣтную зелень:
Издали пышутъ съ рябинъ красныя гроздья плодовъ,
Дивно рдѣетъ заря причудливымъ, долгимъ пожаромъ...
Смотришь и вѣришь едва жадно-впереннымъ очамъ.
Но природа во всемъ, какъ ясный и строгій художникъ,
Чувство мѣры хранить, стройной вѣрна простотѣ.
Молча, гляжу я кругомъ, вниманья печальнаго полный...
Въ тронутомъ сердцѣ звучитъ грустное слово: прости!

И. С. Тургеневъ.

ОСЕНЬЮ.

Бури осеннія, бури безплодныя,
Что вы въ лѣсу обнаженномъ рыдаете?
Что вы бушуете въ ночи холодныя,
Что вы усталую землю пугаете?
Воздухъ холодный весь сотканъ изъ сырости,
Грустное небо льетъ слезы горючія...
Новымъ цвѣтамъ подъ туманомъ не вырасти:
Вѣтеръ снесетъ имъ головки пахучія.
Что же вы плачете, что вы рыдаете,
Что-жъ вы бушуете въ ночи холодныя,
Что вы усталую землю пугаете,
Бури осеннія, бури безплодныя?

К. П. Медвѣдевскій.

* * *

Вотъ и свѣжестью зимней пахнуло,
Выпалъ первый снѣжокъ на поляхъ,
Забѣлѣла родная дорожка,
Убѣгая въ поблекшихъ кустахъ.

Запоздалая бѣдная травка
Изъ подъ снѣга украдкой глядитъ,
Будто, лѣто роскошное вспомнивъ,
Съ Божьимъ свѣтомъ прощаясь, груститъ.

Живо вспомнилъ я старое время,
Поздней осенью первый снѣжокъ,
И темнѣющій сумракъ вечерній,
И въ окошкѣ твоёмъ огонекъ.

На деревьяхъ повиснувшій иней,
И дорожку по снѣгу въ саду,
И слѣды твоей маленькой ножки
По прозрачному, звонкому льду.

И снѣжокъ такъ лукаво за спину
Мнѣ засунутый ручкой твоей,
И такъ много давно улетѣвшихъ,
Позабытыхъ, но милыхъ тѣней!...

Л. И. Пальминъ.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозить. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На дома, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у берега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ серебро;
Иглистымъ инеемъ, какъ-будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.

Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою.
Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки,
Свистать и искряться визгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшить къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ, предъ пламенемъ трескучимъ
Сухаго хвороста, худую сѣть чинить,
И сладостно ему вспомнить прежній быть,
Взирая на стекло окованной пучины —
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянуть, озлатятъ пучины спящей гладь,
И свѣтятъ рыбаку свой неводъ подымать.

А. Н. Майковъ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней скучной,
Тройка борзая бѣжитъ.
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаютъ однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И, докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина; путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

А. С. Пушкинъ.

З И М А.

Въ дни лѣта природа роскошно,
Какъ дѣва молодая, цвѣтетъ
И радостно, денно и ночью,
Ликуетъ, пируетъ, поетъ.

Красуясь въ нарядѣ богатомъ,
Природа царицей глядитъ,
Сафирами, пурпуромъ, златомъ
Облитая, чудно горитъ.

И пышныя кудри, и косы
Скользятъ съ подъ златаго вѣнца,
И утромъ, и вечеромъ розы
Лелѣютъ румянецъ лица.

И полныя плечи, и груди —
Все въ ней красота и любовь,
И ею любятъ люди,
И жарче струится въ нихъ кровь!

Съ приманки влечетъ на приманку!
Приманка приманки милѣй!
И день съ ней восторгъ спозаранку,
И ночь упоительна съ ней.

Но поздняя осень настанетъ,
Природа состарится вдругъ;

Съ днемъ каждымъ все вянетъ, все вянетъ —
И ноетъ въ ней тайный недугъ.

Морщина морщину пригонить,
Въ глазахъ потухающихъ —тьма,
Ко сну горемычную клонить, —
И вотъ къ ней приходитъ зима.

Изъ снѣжно-лебяжьяго пуху
Спѣшить пуховикъ ей послать,
И тихо уложить старуху,
И скажетъ ей: спи, наша мать!

И спить она дни и недѣли,
И полгода спить на пролетъ,
И сосны надъ нею, и ели
Раскинули темный наметъ.

И вьюга ночная тоскуетъ
И воетъ надъ снѣжнымъ одромъ,
И мѣсяцъ морозный цѣлуетъ
Старушку, убитую сномъ.

П. А. Вяземскій.

*
* *
По ковру изъ желтыхъ листьевъ
Я брожу среди аллей;
Обнаживъ ихъ и очистивъ,
Вѣтеръ свищетъ межъ вѣтвей.

Сѣрыхъ тучъ тяжелый пологъ
Легъ на синій небосклонъ...
Будеть скучень, мрачень, дологъ
Всей природы долгій сонъ.

Будутъ вьюги, будетъ стужа,
Замететь мой лѣтній путь;
Грудь холодную натужа,
Будетъ вѣтеръ злобно дуть...

Но пригрѣетъ солнце свыше,
Вдаль, крутясь, уйдетъ мятель;
Надъ окномъ повиснетъ съ крыши
Ледянистая капель.

Мутный ледъ на рѣчкѣ треснетъ,
Дружно двинется весна,
И воспрянетъ, и воскреснетъ
Вся природа ото сна!

Чаще биться сердце станетъ,
Жить и чувствовать спѣша;
И воскреснетъ, и воспрянетъ
Обновленная душа!

Ф. В. Черниговецъ.

ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКУ.

Если ты, переживъ свое счастье,
Истомленный отъ бурь и тревогъ,
Убѣжавъ отъ людскаго участя,
Неиспорченнымъ сердце сберегъ;
Если вѣдалъ ты въ жизненномъ морѣ
Жажду истины, знанья, труда,—
Приходи: я уйму твое горе,
Я утѣшу тебя навсегда.
Приходи—и въ сближеньи со мною
Позабудь о житейской борьбѣ:
Я пытливому взгляду открою
То, о чемъ и не снилось тебѣ.
Что невѣрныя блага людскія,
Что ихъ слава, любовь и привѣтъ?
Дамъ тебѣ я богатства такія,
О которыхъ не вѣдаетъ свѣтъ.
Не ношу я обманчивой маски,
Не гублю никого красотой,
Не измѣнять тебѣ мои ласки,
Какъ объятья подруги земной.
Разорви же мірскія оковы,
Окунися въ живыя струи,
Полюби меня, странникъ суровый!
Какъ свободны, и свѣжи, и новы
Будутъ мысли и чувства твои!

Погружаясь душой въ созерцанье
Вѣчно-юной моей красоты,
Каждый день и Творца и созданье
Все полнѣй понимать будешь ты.
Погляди, какъ, проснувшись весною
Отъ глубокаго, мертваго сна,
Вся въ цвѣтахъ, я опять предъ тобою
Новой жизни и силы полна!
Такъ и ты отъ житейскаго гнету
Къ новой жизни со мной возродись,
Съ вѣждъ усталыхъ стряхая дремоту,
Дивнымъ чарамъ моимъ покорись.
Я въ объятья зову тебя снова,
Я зову тебя къ жизни—къ труду...
Всякій трудъ наградить я готова,
Только божьяго солнышка жду.
Одинокому сердцу подруга,
Сномъ любви я повѣю надъ нимъ,
Страждешь ты? изцѣлю отъ недуга
Всецѣлебнымъ дыханьемъ моимъ;
Жаждешь? — свѣтель мой ключъ животворный,
Изнемогъ? — широка моя сѣнь,
Тѣсно-ль груди? — вотъ лугъ мой просторный,
Даль и ширь, и безоблачный день.

А. Н. Яхонтовъ.

СМЕРТЬ

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводить,
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно — но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая:
«Стыдись, восклицали, мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнить ли жизнь молодая!»

Война запылала, къ роднымъ знаменамъ
Друзья какъ на пиръ полетѣли:
Я съ ними — но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды,
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали, я часто, въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...

Брань стихла, гдѣ-жъ други? — лежать на поляхъ,
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ твердить про бывшее,
Дрожить моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжело веселье чужое.

А. А. Дельвицъ.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣтъ мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ;
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унывный надо мной
Въ долину вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ!

И. И. Козловъ.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
 Вхожу ль во многолюдный храмъ,
 Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
 Я предаюсь моимъ мечтамъ.
 Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здѣсь ни видно насъ,
 Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
 И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
 Гляжу ль на дубъ уединенный,
 Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
 Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
 Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
 Младенца ль милаго ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебѣ я мѣсто уступаю:
 Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
 День каждый, каждую минуту
 Привыкъ я думой провожать,
 Грядущей смерти годовщину
 Межъ нихъ стараясь угадать;
 И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
 Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
 Или сосѣдняя долина
 Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Черная туча виситъ надъ полями,
Шепчутся клены, березы качаются,
Дубы столѣтніе машутъ вѣтвями,
Точно со мной говорить собираются.

«Что тебѣ нужно, пришлецъ безпріютный?
(Голосъ ихъ важный съ вершины мнѣ чудится)
Думаешь, отдыхъ вкушая минутный,
Такъ вотъ и прошлое все позабудется.

Нѣтъ, ты словами себя не обманешь:
Спѣта она, твоя пѣсенка скудная!
Новую пѣсню ужъ ты не затянешь,
Хоть и звучитъ она близкая, чудная!

Сердце усталое, сердце больное
Звуковъ волшебныхъ напрасно искало-бы:
Здѣсь, между нами ищи ты покоя,
Съ жизнью простися безъ стоновъ и жалобы.

Смерти боишься ты? страхъ малодушный!
Все, что томило игрой бесполезною:
Мысли, и чувства, и стихъ имъ послушный
Смерть остановить рукою желѣзною.

Все клеветавшее тайно, незримо,
Все угнетавшее съ дикою силою
Въ мигъ разлетится, какъ облако дыма
Надъ неповинною, свѣжей могилою!

Если-же кто-нибудь тишь гробовую
Вздохомъ нарушить, слезой участія,
О, за слезу бы ты отдалъ такую
Всѣ свои призраки прошлаго счастья!

Тихо, прохладно лежать между нами,
Тѣнь наша шире и шорохъ привѣтнѣе...»
Въ вечеръ ненастный, качая вѣтвями,
Такъ говорили мнѣ дубы столѣтніе.

А. Н. Апухтинъ.

*
* *

Разсвѣтъ далекъ. Еще въ молчаньи темномъ
Ни разу не пропѣли пѣтухи
И въ морѣ тьмы таинственно-огромномъ
Ночныхъ свѣтилъ не гаснутъ маяки.

Не спится мнѣ; мечта плыветъ украдкой
Куда-то вдаль по ласковымъ волнамъ;
Ей слышится, какъ будто голосъ сладкій,
Какъ будто зовъ къ желаннымъ берегамъ.

Тѣхъ береговъ невѣдомо названье,
Едва ли ихъ достигнетъ кто нибудь;
Но вѣчныхъ звѣздъ призывное мерцанье
Во тьмѣ ночной къ нимъ кажется вѣрный путь

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

*
* *

Прекрасенъ жизни бредъ; волшебны и богаты
Живыхъ его картинъ одежды и цвѣты,
Свѣтила знойнаго восходы и закаты,
И ночи, полныя чудесъ и темноты.
Прекрасны дней земныхъ обманы и видѣнья;
Порывы страстныхъ чувствъ, полеты смѣлыхъ думъ—
Полеты на крылахъ надеждъ и заблужденья,
Въ пространствахъ радужныхъ земнаго наслажденья,
Напѣвы юныхъ грезъ и бурь житейскихъ шумъ.
Но если въ трезвый мигъ душевнаго досуга,
Въ случайной тишинѣ сквозь этотъ долгій бредъ
Внезапно прозвучить, какъ дальній голосъ друга,
Грядущаго конца таинственный привѣтъ;

Но если, какъ весны желанное дыханье,
Вдругъ душу обовьетъ иной красы желанье,
И сквозь туманъ вдали, какъ ранняя заря,
Займетъ тихій свѣтъ иного бытія—
Какіе призраки, какія сновидѣнья
Дерзнуть съ улыбкою мнѣ повторять: «живи!»
Живи и позабуди о счастья пробужденья
Подъ солнцемъ вѣчнаго покоя и любви!

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

Вырыта заступомъ яма глубокая!
Жизнь не веселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что-же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится:
Только однимъ человѣкомъ убавится.
Убыль его никому не больна!
Память о немъ никому не нужна!

Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная,
Гостя погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухъ синемъ на волѣ купается...
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! о жизни поконченъ вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ!

И. С. Никитинъ.

И гробъ опущень ужъ въ могилу,
И все столпилось вокругъ.
Толкуются, дышать черезъ силу...
Спираетъ грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ,
Ученый пастырь сановитый
Рѣчь погребальную гласить:

Вѣщаетъ брѣнность человѣчью,
Грѣхопаденъе, кровь Христа;—
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята.

А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой.

Ө. И. Тютчевъ.

СМЕРТЬ.

Кончено. Нѣтъ ея. Время тревожное,
Время безсонныхъ ночей,
Трепетъ надежды, печаль безнадежная,
Страхъ и забота о ней;

Нѣжный уходъ за больной моей милою;
Думы и ночи, и дня...
Кончено. Все это взято могилою,
Больше не нужно меня.
О, вспоминать, одинокій, я стану-ли
Ночи послѣднихъ заботъ—
Сердце изъ бездны, куда онѣ канули,
Снова ихъ, плача, зоветь.
Ночь-бы одну еще скорбно-отрадную!
Я бы, склонясь на кровать,
Могъ поглядѣть на тебя, ненаглядную,
Руки твои цѣловать...
Другъ мой, сама ты помедлить желала-бы,
Лишь-бы я былъ близъ тебя;
Ты бы еще пострадала безъ жалобы,
Только пожить-бы, любя.
Гдѣ-жъ этотъ зовъ дорогого мнѣ голоса?
Взглядъ за услугу мою?
Взглядъ, когда ты уже съ смертию боролася,
Все говорившій:—люблю!
Эта любовь, эта ласка прощальная,
Глазъ этихъ добрыхъ привѣтъ...
Милая, кроткая, многострадальная,
Нѣтъ ихъ ужъ болѣе—нѣтъ...

А. М. Жемчужниковъ.

СМЕРТЬ МАЛЮТКИ.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась какъ кукла,
И не дѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба—
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ,
Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.

А ужъ какъ-бы она любовалась,
Если-бъ только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть...

Я. П. Полонскій.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ-же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынный, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье.

Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ, на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагоклонный
Рѣзвой молодежи... Ты—старикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтренно летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей...
Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И, стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шею, гордо распрямленной,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.

В. А. Жуковскій.

ПОХОРОНЫ.

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный
Въ сонномъ затишьи полей,—
Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
Алыхъ вечернихъ лучей...

Слышишь—звучить похоронное пѣнье:
Это—апостоль труда и терпѣнья,—
Честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
Долго родимую землю съ тревогой
Потомъ и кровью поилъ.

Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,
Туча мочила дождемъ...
Вьюгой избенку его заметало,
Градомъ на нивахъ его побивало
Колось, взрощенный трудомъ.

Много онъ вынесъ душою,
Съ дѣтства привыкшей бороться съ судьбою.
Пусть же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
Этотъ апостоль труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной.

С. Я. Надсонъ.

ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ.

День цѣлый бой не умолкаетъ;
Въ дыму затмился солнца свѣтъ,
Окрестность стонетъ и пылаетъ,
Холмы ревутъ—побѣды нѣтъ!
И пала ночь на поле брани;
Дружины въ мракѣ разошлись;
Все стихло—и нѣ ночномъ туманѣ
Стенанья къ небу поднялись.
Тогда, озарена луною,
На боевомъ своемъ конѣ,
Костей сверкая бѣлизною,
Явилась смерть... и въ тишинѣ,
Внимая вопли и молитвы,
Довольства гордаго полна,
Какъ полководецъ, мѣсто битвы
Кругомъ объѣхала она;
На холмъ поднявшись, оглянулась,
Остановилась... улыбнулась...
И надъ равниной боевой
Пронесся голосъ роковой:
«Кончена битва—я всѣхъ побѣдила!
«Всѣ предо мной вы склонились, бойцы,
«Жизнь васъ поссорила—я помирила.
«Дружно вставайте на смотръ, мертвецы!

«Маршемъ торжественнымъ мимо пройдите,—
«Войско свое я хочу сосчитать.
«Въ землю потомъ свои кости сложите,
«Сладко отъ жизни въ земмѣ отдыхать.

«Годы незримо пройдутъ за годами,
«Въ людяхъ исчезнетъ и память о васъ—
«Я не забуду, и вѣчно надъ вами
«Пиръ буду править въ полуночный часъ!
«Пляской тяжелою землю сырую
«Я притопчу, чтобы сѣнь гробовую
«Кости покинуть во вѣкъ не могли,
«Чтобъ никогда вамъ не встать изъ земли!»

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ.
Средь лицемерныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы

Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Н. А. Некрасовъ.

НА КЛАДБИЩѢ.

Сквозь деревья освѣщаются гробницы,
По плитамъ скользятъ узорчатая тѣнь;
Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы;
Надъ усопшими ликуетъ красный день.

Разрослись деревья; преизбытокъ силы
Дышитъ въ каждой жилкѣ влажнаго листа,
И кругомъ, куда ни взглянешь на могилы,
И цвѣты нарядны, и трава густа...

Дѣвушка, склонившись, плачетъ надъ могилой;
На щекахъ играетъ молодая кровь;
Въ сердцѣ юномъ память о подругѣ милой
Смѣнить къ милому горячая любовь...

Онъ тебя полюбитъ; поживешь на свѣтѣ,—
Поклониться праху пожелаешь ты,
И придуть съ тобою на могилу дѣти,
И манить ихъ будутъ новые цвѣты!

Мнимымъ наслажденьемъ этой жизни мнимой
Будутъ и они, какъ благомъ, дорожить...
Слышны вопли снова; гробъ проносятъ мимо,
Снова кто-то кончилъ, коль не началъ жить...

Нѣтъ, не нахожу я въ сердцѣ примиренья
Съ этой ложью обольстительнаго сна,
Правда есть; но правда смерти, правда тлѣнья,
Правда на землѣ возможная одна...

И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы;
Отъ вѣтвей узорно колебалась тѣнь;
Воздухъ знойный пѣньемъ оглашали птицы;
Надъ могилами сіялъ веселый день.

И мгновенной жизнью пользуясь безпечно,
Проходили люди шумною толпой;
И во храмѣ, славя радость жизни вѣчной,
Грустно пѣли: «со святыми упокой»...

А. М. Жемчужниковъ.

Какъ бѣлымъ саваномъ, покрытая снѣгами,
Ты спишь холоднымъ сномъ подъ каменной плитой,
И сосны родины, ненастными ночами,
О чемъ-то шепчутся и стонуть надъ тобой;
А я—вокругъ меня, полна борьбы и шума,
Жизнь снова бьетъ ключемъ, отдаться ей маня,
Но жить я не могу: мучительная дума,
Неотразимая—преслѣдуетъ меня...
Гнетущій, тяжкій сонъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я, рыдая,
Прильнулъ къ рукѣ твоей и звалъ тебя съ тоской,
И ты—недвижная и мертвенно-нѣмая,
Ты не окликнулась на мой призывъ больной,
Съ тѣхъ поръ, какъ слово «смерть»—когда-то только
Мнѣ въ сердце скорбное ударило, какъ громъ, [слово
Я въ жизнь не вѣрую—угрюмо и сурово
Смерть, только смерть одна, мнѣ грезится кругомъ!..
Недугъ смущеннаго былымъ воображенья
Кладетъ печать ея на лица всѣхъ людей,
И въ нихъ не вижу я, какъ прежде, отраженья
Ихъ слезъ и радостей, ихъ горя и страстей;
Они мнѣ чудятся съ закрытыми очами,
Въ гробу, въ дыму кадилъ, подъ флеромъ и въ цвѣтахъ,
Съ безжизненнымъ челомъ, съ поблеклыми устами
И страхомъ вѣчности въ недвижимыхъ чертахъ...

И тайный голосъ мнѣ тверди́тъ, не умолкая:
«Безумецъ! не страдай и не люби людей:
Ты жалокъ и смѣшонъ, наивно отдавая
Любовь и скорбь—мечтѣ, фантазіи твоей...
Окаменѣй, замри... Не трать напрасно силы!
Пусть льется кровь волной, и царствуетъ порокъ:
Добро ли, зло-ль вокругъ,—забвеніе и могилы—
Вотъ цѣль конечная и міровой итогъ!..»

С. Я. Надсонъ.

*
* *

Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ,—
Подъ землею въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ!
Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода;
Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлилъ твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чуть видныя
Поцѣлуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя,
И на впалыя очи твои...

Н. А. Некрасовъ.

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ.

Я вновь одинъ — и вновь кругомъ
Все та-же ночь и мракъ унылый
И я въ раздумьи роковомъ
Стою надъ свѣжею могилой:
Чего мнѣ ждать, къ чему мнѣ жить,
Къ чему бороться и трудиться: —
Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться!...

С. Я. Надсонъ.

ДУМА.

Для счастья личнаго ужасно
Терять васъ, лучшихъ дней, друзья,
Но очистительно-прекрасна
Смерть ходить по свѣту, безстрастна,
Какъ неподкупный судія.

Смерть — революція природы.
Она, какъ мрачный другъ свободы,
Сметаетъ дряхлый міръ съ земли,
Чтобъ поколѣній новыхъ всходы
На ней привольнѣе росли.

Такъ горе самое слабѣетъ,
Излившись ливнемъ жаркихъ слезъ,
И сердце снова молодѣетъ;
Такъ послѣ сильныхъ вешнихъ грозъ
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ.

Д. Д. Минаевъ.

REQUIEM.

Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ,
Погибшихъ съ оружіемъ въ рукахъ,
Не пойте надъ ними надгробныхъ стиховъ,
Слезой не скверните ихъ прахъ.

Не нужно ни гимновъ, ни слезъ мертвецамъ,
Отдайте имъ лучшій почетъ:
Шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
Несите ихъ знамя впередъ!

Съ врагомъ ихъ, подъ знаменемъ тѣхъ же идей,
Ведите ихъ бой до конца!
Нѣтъ почести лучшей, нѣтъ тризны святѣй
Для тѣни достойной борца!

Л. И. Цальминъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были.

В. А. Жуковскій.

* * *

Не говорите мнѣ: онъ умеръ, — онъ живетъ,
Пусть жертвенникъ разбитъ, — огонь еще пылаетъ,
Пусть роза сорвана, — она еще цвѣтетъ,
Пусть арфа сломана, — аккордъ еще рыдаетъ.

С. Я. Надсонъ.

НА МОГИЛѢ.

Сто лѣтъ пройдетъ, сто лѣтъ; забытая могила,
Вчера зарытая, травою поростетъ,
И плугъ пройдетъ по ней, и прахъ давно остылый
Могущественный дубъ корнями обовьетъ...
Онъ гордо зашумитъ вершиною густою;
Подъ тѣнь его любовники придутъ —
И сядутъ отдыхать вечернею порою,
Посмотрятъ вдаль, поникнувъ головою,
И темныхъ листьевъ шумъ, задумавшись, поймутъ...

Я. П. Полонскій.

* * *

Я знаю—духъ отъ тѣла отлетитъ,
Но я не вѣдаю, что скрыто въ мірѣ новомъ,
Лучъ вѣчной-ль истины мнѣ душу просвѣтитъ
Или на вѣки мгла затмитъ ее покровомъ?
И мудрость высшую я сознаю, пока
Блуждаетъ умъ въ невѣдѣньи туманно,
Иначе смерть была-бъ томительно желанной
Или земная жизнь чрезъ мѣру дорога.

А. И. Подолинскій.

* * *

О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.

Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,
Всѣ межъ собой враждующіе звуки
Послѣдній часъ въ созвучіе сольетъ,

Въ одинъ порывъ смѣшаетъ въ сердцѣ гордомъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучать,
И разрѣшитъ торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

А. К. Толстой.

Нѣтъ, мнѣ не вѣрится, что мы воспоминанья
 О жизни въ гробъ съ собой не унесемъ;
 Что смерть, прервавъ на вѣкъ и радость, и страданья,
 Насъ усыпитъ забвенья тяжкимъ сномъ.

Раскрывшись гдѣ-то тамъ, ужель ослѣпнуть очи,
 И уши навсегда утратятъ слухъ?
 И память о быломъ во тьмѣ загробной ночи
 Не сохранить освобожденный духъ?

Ужели Рафаэль, на томъ очнувшись свѣтѣ,
 Сикстинскую Мадонну позабылъ?
 Ужели тамъ Шекспиръ не помнитъ о Гамлетѣ,
 И Моцартъ Реквиемъ свой разлюбилъ!

Не можетъ быть! Нѣтъ, все, что свято и прекрасно,
 Простившись съ жизнію, мы вновь переживемъ
 И не забудемъ, нѣтъ! Но чисто, но безстрастно
 Возлюбимъ вновь, сливаясь съ Божествомъ!

К. Р.

ГРУСТЬ.

Ахъ! кто мнѣ скажетъ, отчего,
 Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я сиротою
 И жить такъ грустно безъ него,—
 Нездѣшній міръ съ его красою

Мнѣ будто видится яснѣй,
И Богу я въ душѣ унылой
Надъ драгоцѣнною могилой
Молюсь и чаще, и теплѣй?
Мой другъ! то плодъ святой печали.
О, посмотри на небеса:
Когда же звѣзды, ихъ краса,
При свѣтѣ дня на нихъ сіяли?
Но подождемъ вечерней тьмы:
Зажгутся звѣздъ тамъ милліоны—
И, въ прахъ упавъ, воскликнемъ:
«Вотъ перлы Божіей короны!»

Я. К. Гротъ.

*
* *

Святая душа покидала земныя селенья,
Прощая обиды, прощая людскія гоненья,
И тихо друзьямъ улыбалась улыбкой привѣта,—
То было въ часъ утра, въ сіяніи аломъ разсвѣта.

Печальная тучка неясно, какъ дымъ изъ кадила,
По степи лазоревой неба въ то время бродила:
Душа пронеслася, полетомъ ее задѣвая,—
И тучка зардѣлась пурпуровымъ отблескомъ рая...

И только что звѣзды подъ вечеръ зажглися во мракѣ,
И только что даль опочила въ росистомъ туманѣ,

Въ саду у крыльца, гдѣ покоились смертныя ткани
Души улетѣвшей, раскрылися алые маки...

И было въ тотъ вечеръ замѣтно пытливому оку,
Какъ быстро катилась звѣзда золотая къ востоку,
Катилась, какъ искра, какъ свѣточъ мгновенный эффи-
То быстро душа проносилась изъ грознаго міра, [ра,—
Забывши юдоль и тоску сокрушающей жизни,
Къ своей лучезарной, къ своей незабвенной отчизнѣ...

К. Фофановъ.

*
* *

Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ,
Вокругъ міровъ вращаются міры;
Тамъ сонмы душъ возносятъ стройнымъ хоромъ
Своихъ молитвъ немолчные дары.

Блаженствомъ тамъ сіяющіе лики
Отвращены отъ міра суеты,
Не слышны имъ земной печали клики,
Не видны имъ земныя нищеты.

Все, что онѣ желали и любили,
Все, что къ землѣ привязывало ихъ,
Все на землѣ осталось горстью пыли,
А въ небѣ нѣтъ ни близкихъ, ни родныхъ.

Но ты, о, другъ, лишь только звуки рая,
Какъ дальній зовъ, въ твою проникнуть грудь,
Ты обо мнѣ подумай, умирая,
И хоть на мигъ, блаженство позабуди!

Прощальный взоръ бросая нашей жизни,
Душою, другъ, взглядишь въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не могъ моею молящей рѣчи
Небесный хоръ на-вѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи,
Въ странѣ лучей, и помнить, и грустить!

А. К. Толстой.

* * *

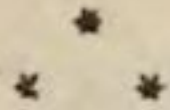
Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы,
Слезы, въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она: Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.

Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого-бы.

А. К. Толстой.

РЕЛИГІЯ

Священный благовѣсть торжественно звучить,
Во храмахъ ѳиміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье;
Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
Святыя помыслы души моей мрачить.
И вѣрю я, и вновь не смѣю вѣрить;
Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ;
Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ...
И эту пустоту ничто не озаряетъ:
Дыханьемъ бурь мой свѣточъ погашенъ.
Бездонный мракъ на вопль не отвѣчаетъ...
А жизнь — жизнь тянется, какъ непонятный сонъ...

Я. П. Полонскій.

НАШЪ ВѢКЪ.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесъ выносить...
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не просить.
Не скажетъ вѣкъ, съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ передъ замкнутою дверью:
«Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
«Приди на помощь моему невѣрью!...»

Ө. И. Тютчевъ.

* * *

Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбой
Подъ гнетомъ опыта поникшій человѣкъ;
И рѣчью горькой онъ, насмѣшливой и злой,
Позору предаеть во лжи погрязшій вѣкъ,

И вѣра въ родъ людской въ груди его угасла,
И духъ, что нѣкогда былъ полонъ мощныхъ силъ,
Подобно ночнику, потухшему безъ масла,
Безъ вѣры и любви сталъ немощень и хилъ;

И правды лучъ, сверкающій за далью
Грядущихъ дней, очамъ его не зримъ;
Какъ больно мнѣ, глубокою печалью
При встрѣчѣ той бываю я томимъ.

И говорю тогда: явись, явись къ намъ снова,
Господь! въ нашъ бѣдный міръ, гдѣ горе и разладъ,
Да прозвучить еще Божественное слово
И къ жизни воззоветъ твоихъ отпадшихъ чадъ!

А. Н. Плещеевъ.

* * *

«Многотруденъ нашъ путь, насъ усталость томить.
Гдѣ прошли мы въ трудѣ и въ неволѣ—
Рѣки слезъ тамъ текутъ, море крови стоитъ...
Сжался, Боже, надъ нашею долей!

«Гдѣ же мукамъ предѣль? и куда мы идемъ
Черезъ тьму этой ночи глубокой?
Боже, скоро-ли день? Скоро-ль свѣтъ обрѣтемъ,
Призываемый нами съ востока?

«Хотя много ужъ силъ жизнь у насъ отняла,—
Нашихъ силъ и теперь не измѣримъ;
Хоть извѣдали мы много горя и зла,—
Всѣ надѣмся, любимъ и вѣримъ!»

«Боже, насъ не оставь и намъ помощь пошли!
Когда злая насъ гонить невзгода,
Дай намъ знать, что Тебѣ слышны стоны земли, —
Что Ты видишь страданье народа!»

Поднялся вѣтеръ, загудѣвъ
Отвѣтной пѣснью тоскливой
Въ травѣ полей, въ вѣтвяхъ деревъ;
Шумя, заколыхались нивы—
И стихло все... Видѣнїй слѣдъ
Исчезъ въ разорванномъ туманѣ.
Не слышно гимна, на полянѣ
Людей молящихся ужъ нѣтъ...
Но я, молитвѣ и надеждѣ
Предавшись весь, на небосклонѣ
Смотрѣлъ и ждалъ... Со всѣхъ сторонъ
Нѣмая ночь плыла, какъ прежде;
Все то же царство тишины
Надъ безпредѣльными полями;
Все такъ же блѣдными звѣздами
Мерцали неба глубины...
Святая тайна совершалась
Недавно здѣсь, и слышалъ я,
Какъ передъ Богомъ сокрушалась
И говорила съ Нимъ земля,—
И вотъ опять покой безстрастный:
Ужели я вотще смотрю

Въ пустую тьму? Зову напрасно
И пробужденъе, и зарю?
Благого свѣтлаго начала
Душа ожившая моя
Съ такою вѣрой ожидала,
Такъ горячо!... И снова я
Весь въ созерцанье погрузился;
Гляжу и напрягаю слухъ...
Свершаетъ жизнь свой мѣрный кругъ,—
Обрядъ идетъ... Но гдѣ-то духъ
Животворящій притаился...

А. М. Жемчужниковъ.

* * *

О родъ людской! побойся Божьей кары;
Повсюду вокругъ тебя вся льется кровь да кровь,
Звучать ножи, свирѣпствуютъ пожары,
И братская въ грязи затоптана любовь!

«Ножей, ножей!» кричишь ты въ изступленьи,
И, наковавъ ножей, идешь поспѣшно въ бой;
Трепещетъ все, что слабо; все въ смятеньи—
И тяжкій стонъ стоитъ надъ грѣшною землею...

Остановись, взгляни: не угасая,
И краше чистыхъ звѣздъ, и ярче бѣла дня,
Блится въ небѣ Истина святая
И ласково глядитъ, безумный, на тебя.

Она зоветъ тебя, къ успокоенью,
Священные слова гласятъ ея уста:
«Ко мнѣ, ко мнѣ, кто жаждетъ обновленья,
Кто изнемогъ, усталъ подъ тяжестью креста!

Я дамъ вамъ міръ божественный и чудный,
Міръ безпечальнаго, святаго бытія,
Но лишь исполните законъ вы наитрудный:
Любите ближняго, какъ самого себя!»

А. Монастырскій.

МОЛИТВА.

Она предъ иконой стояла святою;
Скрестились руки, уста шевелились;
Изъ глазъ ея слезы одна за другою
По блѣднымъ щекамъ жемчугами катились.

Она повторяла все чье-то названье,
И взоръ озарялся молитвеннымъ свѣтомъ;
И было такъ много любви и страданья, —
Такъ мало надежды въ моленіи этомъ!

Она преклонилась и долго лежала,
Прильнувъ головою къ землѣ безотвѣтной,
Какъ будто въ томленьи нѣмомъ ожидала,
Что голосъ надъ нею раздастся привѣтный.

Но было все тихо въ молчаніи ночи,
Лампада мерцала во мракѣ тревожномъ,
И скорбно смотрѣли Спасителя очи
На ту, что съ молениемъ пришла невозможнымъ.

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Онъ шелъ безропотно, тернистою дорогой,
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель, и позоръ;
Уста, вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толпѣ глумящейся укоръ.

Онъ шелъ безропотно и, на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщалъ и братство, и любовь;
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый,
За ближняго лилась Его святая кровь.

О, дѣти слабые скептическаго вѣка!
Иль вамъ не говоритъ могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка,
И волю спящую на подвигъ не зоветъ?

О, нѣтъ! не вѣрю я... Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета;
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь, и силу,
Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа!

А. Н. Плещеевъ.

И НЫНѢ.

Надъ нами тѣ-жъ, какъ древле, небеса,
И также льютъ намъ благъ своихъ потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являются пророки.

Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ,
Міръ борется съ враждебной силой змѣя;

Тамъ—зрѣть слѣпецъ, тамъ—мертвый возстаетъ,
Исайя живъ, и живъ Іеремія.

Не истощилъ Господь своихъ даровъ,
Не оскудѣлъ верховной благодатью:
Онъ все творить—и библія міровъ
Не замкнута послѣднею печатью.

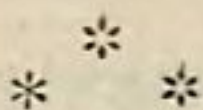
Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто сознаетъ всю животворность слова,
Тотъ всюду зрѣть наитіе Божества
И слышитъ все, что говоритъ Егова.

И, разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда,
И не распнетъ онъ Слово, какъ Пилать,
И не предастъ онъ Слово, какъ Іуда —

И брата онъ, какъ Каинъ, не сразитъ,
Гонимаго съ радушной лаской приметъ,
Смирениемъ надменныхъ пристыдитъ,
И слабого, и падшаго подыметъ.

Не унывай, о, малодушный родъ!
Не падайте, о, племена земныя!
Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змѣя.

В. Г. Бенедиктовъ.

Я не Тому молюсь, Кого едва дерзаетъ
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И передь Кѣмъ мой умъ безсильно замолкаетъ,
Въ безумной гордости постичь Его стремясь;
Я не Тому молюсь, предь Чьими алтарями
Народъ, простертый ницъ, въ смиреніи лежитъ,
И льется оиміамъ душистыми волнами,
И зыблятся огни, и пѣніе звучить;
Я не Тому молюсь, Кто окружень толпами
Священнымъ трепетомъ исполненныхъ духовъ
И Чей незримый тронъ за яркими звѣздами
Царитъ надъ безднами разбросанныхъ міровъ,—
Нѣтъ, предь Нимъ я нѣмъ!... Глубокое сознанье
Моей ничтожности смыкаетъ мнѣ уста,—
Меня влечетъ къ себѣ иное обаянье,—
Не власти царственной,—но пытки и креста.
Мой Богъ — Богъ страждущихъ, Богъ, обагрённый
 кровью,
Богъ — человѣкъ и братъ съ небесною душой, —
И предь страданіемъ и чистою любовью
Склоняюсь я съ моей горячею мольбой!...

С. Я. Надсонъ.

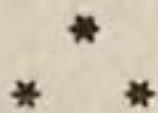
О, въ этотъ мигъ, когда весь міръ ликуеть,
Когда во тьмѣ гудятъ колокола,
И тихій воздухъ словно Бога чуетъ,
И ночь во глубь торжественно ушла;

Когда лобзаньемъ врагъ врага, какъ брата,
Привѣтствуетъ, подъ звукъ завѣтныхъ словъ,—
Я такъ далекъ растлѣнья и разврата,
Я снова жить и вѣровать готовъ!...

Моя любовь—иная Магдалина,
Она придетъ—я вѣрую, придетъ!
Она прижметъ меня къ груди, какъ сына,
И въ душу мнѣ елей любви прольетъ,

И скажетъ мнѣ, подъ звукъ воскресной пѣсни:
«Вставай изъ тьмы, страдалецъ, въ міръ небесъ!
Простимъ другу другу все!—Христотъ Воскресъ!
Я вся твоя!—и ты душой воскресни!»...

Вс. В. Крестовскій.

Тотъ, Кто съ вѣчною любовію
Воздавалъ за зло добромъ —
Избіенъ, покрытъ кровію,
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,

Всѣхъ съ собой страданьемъ сближенныхъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ,
Осѣнилъ Своимъ крестомъ.

Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнуть подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленіе,
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпами удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

А. К. Толстой.

НАДЕЖДА.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся—будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти Чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, Кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду,

И силу—въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Былъ мой вожатый неизмѣнной?
Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все—даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда-жъ узрю спокойный берегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

К. Н. Батюшковъ.

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ—силу, въ сердцѣ—жаръ.

Что погибель, что спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина...

Не грози-жь ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Биться я готовъ съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя Любовь!

А. В. Кольцовъ.

ПОЛУНОШНИЦА.

Гори, лампада!... озаряй
Святыхъ иконъ кіотъ отрадный,
И слабый свѣтъ свой проливай
Въ пріютъ печали безпощадной!...
Въ сихъ ликахъ выраженья нѣтъ:
Мертва ихъ живопись простая,
Однообразенъ темный цвѣтъ
И дремлетъ краска вѣковая:
Но въ этомъ Греческомъ письмѣ,
Но въ этой простотѣ старинной
Есть тайна, внятная душѣ,
Съ привѣтомъ для мольбы невинной!
Родное что-то говоритъ
Въ чертахъ, повидимому хладныхъ;
Святая милость ихъ манитъ
Признанье пѣней безотрадныхъ.
На сердце, сжатое тоской,
Они наводятъ умиленье;
Они шлютъ горестямъ покой
И укрощаютъ думъ волненье...
И невидимо благодать
На душу слабую нисходитъ,
И долгой горести печать
Она съ чела мнѣ тихо сводитъ.
И вдругъ съ надеждой неземной
Ко мнѣ слетаетъ утѣшенье
И вѣрой чистой и живой
Трепещетъ сердце въ упоеньи.

Графиня Ростопчина.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.
Какъ дышать святыя ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смирять они!...
Здѣсь все въ чудно сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ,
И Сущаго въ мірѣ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ, и терновый вѣнецъ.
Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И плакать и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!

И. С. Никитинъ.

МОЛИТВА.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжить невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей
Но дай мои мнѣ узрѣть, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

А. С. Пушкинъ.

МОЛИТВА.

Міра Заступница, Матерь всепѣтая!
Я предъ тобою съ мольбой;
Бѣдную грѣшницу, мракомъ одѣтую,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнутъ меня испытанія,
Скорби, утраты, враги —

Въ трудный часъ жизни, въ минуту страданія
Ты мнѣ, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце мое положи!
Въ царство небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи!

Ю. В. Жадовская.

МОЛИТВА.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей спутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную!

М. Ю. Лермонтовъ.

ОТЧЕ НАШЪ!

Отче нашъ! Богъ, въ небесахъ обитающій,
Оку незримый, но зримый сердцами,
Все созидающій, все разрушающій,
Грѣющій землю живыми лучами.

Мы принесли Тебѣ въ жертву безкровную

Нашу молитву въ часы покаянія, —

Дай же, о Боже, намъ пищу духовную,

Дай намъ источникъ святого желанія.

Въ годы сомнѣнія, въ годы ненастные

Намъ измѣнили мечты неизмѣнныя;

Мы загасили свѣтильники ясные,

Мы расплескали елси священные.

Отче нашъ, Богъ безутѣшно страдающихъ,

Солнце вселенной! къ Тебѣ мы съ молитвою —

Всѣхъ сохрани за любовь погибающихъ,

Всѣхъ угнетенныхъ мучительной битвою!

Отче нашъ! дай намъ пути благодатные

И отстрани отъ соблазна лукаваго...

Да возсіяютъ лучи незакатные

Правды небесной и помысла праваго!

К. Фофановъ.

Указатель стихотвореній.

Безсонница. [«Безконечная ночь, скоро-ль кон- чишься ты?»]. <i>Козлова</i>	стр. 23
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье. <i>Пушкина</i> . .	62
Бойкій вальсъ звучить изъ зала. <i>Подолинскаго</i>	17
Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ. <i>Пушкина</i> .	297
Буря. [«Громадные тучи нависли широко»]. <i>Язы- кова</i>	253
Вдали, какъ чуткій стражъ. <i>Фофанова</i> . . .	267
Великолѣпны мрачныя картины. <i>Жемчужни- кова</i>	191
Весеннія воды. [«Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ»]. <i>Тютчева</i>	234
Весеннія ночи. [«Бѣлыя, тихія ночи»]. <i>Водово- зова</i>	240
Весенняя гроза. [«Люблю грозу въ началѣ мая»]. <i>Тютчева</i>	237
Весна, весна, какъ воздухъ чистъ! <i>Баратын- скаго</i>	235
Весна! Выставляется первая рама. <i>Майкова</i> .	234
Вечернее небо, лазурныя воды. <i>Фофанова</i> . .	263
Вечерній звонъ. [«Вечерній звонъ, вечерній звонъ»]. <i>И. Козлова</i>	296
Вечеръ. [«Горятъ и блещутъ, съ вышины»]. <i>Ме- режковскаго</i>	261

Вечеръ. [«Догораеть румяная зорька вдали»].	
<i>Величко.</i>	263
Видѣніе. [«Беззвѣздная полночь дышала прохла- дой»]. <i>Хомякова</i>	215
Внимая ужасамъ войны. <i>Некрасова.</i>	308
Возрожденіе. [«Художникъ-варваръ кистью сон- ной»]. <i>Пушкина</i>	73
Волшебныя слова любви и упоенья. <i>Апухтина</i>	132
Воспоминаніе. [«Когда для смертнаго умолкаетъ шумный день»]. <i>Пушкина</i>	58
Воспоминаніе. [«О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ»]. <i>Жуковскаго</i>	314
Воспоминаніе. [«Я помню, какъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ»]. <i>Щербинны.</i>	176
Восходъ солнца. [«Молчитъ сомнительно во- стокъ»]. <i>Тютчева.</i>	232
Вотъ и свѣжестью зимней пахнуло. <i>Пальмина</i>	284
Впередъ. [«Впередъ, безъ страха и сомнѣнья»].	
<i>Плещеева.</i>	88
Все для него она забыла. <i>Яхонтова</i>	180
Все съ весной ото сна пробудилось. <i>Кичеева</i> .	235
Встало утро, сыплеть на цвѣты росой. <i>Сурикова.</i>	238
Вчера мы ландышей нарвали. <i>К. Р.</i>	189
Всѣ грезы юности, всѣ мои желанья. <i>Ме- режковскаго.</i>	79
Вся въ лазури сегодня явилась. <i>Соловьева</i> .	63

Въ глуши. [«Столичный шумъ замолкнулъ въ отдаленъи.»] <i>Гнѣдича</i>	232
Въ душномъ воздухѣ молчанье. <i>Тютчева</i> . . .	94
Въ душѣ у каждаго больная есть струна. <i>Чюминой</i>	182
Въ полѣ. [«Дай тебѣ Боже, родная земля»]. <i>Берга</i>	198
Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ. <i>Толстаго</i>	319
Въ тебѣ много порывовъ и много любви. <i>Орловскаго</i>	97
Въ тебѣ—резеды аромать. <i>Пальмина</i> . . .	152
Въ тотъ мигъ, когда рукой чужою. <i>Чюминой</i> .	153
Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами. <i>Соловьева</i>	75
Вырыта заступомъ яма глубокая! <i>Никитина</i> .	301
Гимнъ. [«Господь! твори добро народу!»] <i>Некрасова</i>	90
Гляжу на будущность съ боязнью. <i>Лермонтова</i>	21
Горними тихо летѣла душа небесами. <i>Толстаго</i>	320
Грядущее. [«Придетъ пора—исчезнетъ злоба»]. <i>Фруга</i>	87
Грезы въ библіотекѣ. [«Я сажу въ библіотекѣ»]. <i>Пальмина</i>	8
Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ. <i>Тютчева</i>	257

Гроза. [«Уже давно вдали толпились тучи»].	
<i>Тургенева</i>	255
Грозовыя тучи. [«По небу быстро поднимаясь»].	
<i>Случевского</i>	252
Грусть. [«Ахъ! кто мнѣ скажетъ, отчего»].	
<i>Грота</i>	317
Дай руку мнѣ, любовь моя. <i>Михайлова</i> . . .	143
День-ли царить, тишина-ли ночная. <i>Апухтина</i>	119
Диссонансы. [«Кончена жизнь, бесполезны	
усилья»]. <i>Мартова</i>	32
Для береговъ отчизны дальней. <i>Пушкина</i> . .	178
Для нашихъ думъ, для силы мысли мощной.	
<i>Алмазова</i>	258
Для битвы честной и суровой. <i>Гр. Голенищева-</i>	
<i>Кутузова</i>	7
Добро-бъ мечты, добро-бы страсти. <i>И. Акса-</i>	
<i>кова</i>	65
Договоръ. [«Пускай толпа клеймить презрѣнь-	
емъ»]. <i>Лермонтова</i>	102
Догорѣла румяная зорька вдали. <i>Сурикова</i> .	266
Дорожная дума. [«Позднею ночью, равниною	
снѣжной»]. <i>Апухтина</i>	118
Дробится, и плещеть, и брызжетъ волна. <i>Тол-</i>	
<i>стого</i>	231
Дума. [«Для счастья личнаго ужасно»]. <i>Минаева</i> .	313
Дума. [«Отрады нѣтъ ни въ чемъ»]. <i>Минскаго</i> .	33

Дума. [«Проходятъ дни, проходятъ ночи»]. <i>Шевченко.</i>	54
Дума. [«Такъ жить нельзя!..»] <i>Черниговца.</i>	206
Душа порою устаешь. <i>Подолинскаго.</i>	24
Еще любви безумно сердце просить. <i>Огарева.</i>	164
Если мучимый страстью мятежной. <i>Некрасова.</i>	151
Еще работы въ жизни много. <i>Добролюбова.</i>	84
Еще томлюсь тоской желаній. <i>Тютчева.</i>	164
Жажда весны. [«Красавица поздней зимой»]. <i>Минаева</i>	233
Женскія рѣчи. [«Говори ни на мигъ не смолкая»]. <i>Щербины.</i>	136
Женщинѣ. [«Какъ надъ тобою посмѣялась»]. <i>Щербины.</i>	110
Жизнь. [«Прошли тѣ сильные года»]. <i>Жемчужникова</i>	56
Завѣса сброшена; ни новъ увлеченій. <i>Надсона</i>	35
Загадочныя минуты. [«Бываютъ странныя мгновенья.»] <i>Черниговца</i>	135
Заря. [«Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ.»] <i>Берга.</i>	83
Затишье. [«Голубыя покоились волны.»] <i>К. Р.</i>	248
«За что?»—съ безмолвною тоскою. <i>Надсона.</i>	108
Земля. [«Ты помнишь ли случай, родная»]. <i>Щербины</i>	154

Зима. [«Въ дни лѣта природа роскошна»].	
<i>Кн. Вяземскаго</i>	288
Зимнее утро. [«Морозить. Снѣгъ хруститъ»].	
<i>Майкова</i>	285
Зимній путь. [«Ночь холодная мутно глядитъ»].	
<i>Полонскаго</i>	200
Зимняя дорога. [«Сквозь волнистые туманы»].	
<i>Пушкина</i>	286
И гробъ опущенъ ужъ въ могилу. <i>Тютчева</i>	302
Изъ-за дали и разлуки. <i>М. Ковалевскаго</i>	173
Изъ-подъ таинственной холодной полумаски.	
<i>Лермонтова</i>	103
Изъ пѣсенъ любви. [«Безъ долгихъ сумерекъ, —	
борьбы межъ тьмой и свѣтомъ»]. <i>Величко</i>	121
И на людей, и на природу. <i>Подолинскаго</i>	47
И нынѣ. [«Надъ нами тѣ-жъ, какъ древле,	
небеса»]. <i>Бенедиктова</i>	328
И печаль, и завѣтныя думы. <i>Цальмина</i>	124
И скучно, и грустно. [«И скучно и грустно и	
некому руку подать»]. <i>Лермонтова</i>	38
Испытаніе. [«Нужно грозъ во всей ихъ силѣ»].	
<i>Чюминой</i>	77
Истомилъ меня жизни безрадостный сонъ. <i>Анух-</i>	
<i>тина</i>	121
Итоги жизни. [«Близка роковая развязка»].	
<i>Орловскаго</i>	26

Ищи во мнѣ не радости мгновенной. <i>Мережковскаго</i>	143
Какъ бѣлымъ саваномъ покрытая снѣгами. <i>Надсона</i>	311
Какъ много чувствъ живыхъ заснуло непробудно. <i>Гр. Голеннищева-Кутузова</i>	127
Какъ неразгаданная тайна. <i>Тютчева</i>	96
Когда изъ мрака заблужденья. <i>Некрасова</i>	108
Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбой. <i>Плещеева</i>	324
Когда на душѣ твоей смутно. <i>Подолинскаго</i>	60
Коль любить, такъ безъ разсудку. <i>Толстого</i>	82
Край ты мой, родимый край. <i>Толстого</i>	201
Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю. <i>Тургенева</i>	283
Кругомъ легли ночныя тѣни. <i>Надсона</i>	245
Купанье. [«Вечеромъ яснымъ она у потока стояла.»] <i>Щербина</i>	93
Къ*** [«Когда твои младыя лѣта.»] <i>Пушкина</i>	106
Къ друзьямъ. [«Пусть искатель гордой славы.»] <i>Веневитинова</i>	80
Къ радости. [«О радость, радость, что же ты?»] <i>Козлова</i>	15
Люди спятъ, мой милый другъ. <i>Шеншина (Фета)</i>	133
Лѣсъ. [«О чемъ шумить сосновый лѣсъ?»] <i>Кольцова</i>	224

Лѣтняя ночь. [«Я видѣлъ ночь. Она передо мной».] <i>Гр. Голеннищева-Кутузова</i> . . .	274
Медленно движется время. <i>Никитина</i>	85
Мигъ обновленія. [«Свѣжестъ утра, розъ дыханье»]. <i>Жадовской</i>	247
Милая, больно становится сердцу отъ этихъ упрековъ. <i>Орловскаго</i>	149
Минула страсть, и пылъ ея тревожный. <i>Толстого</i>	152
Минуты счастья. [«Не тамъ отрадно счастье вѣсть.»] <i>Апухтина</i>	126
Многотруденъ нашъ путь, насъ усталость томить. <i>Жемчужникова</i>	324
Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты. <i>Толстого</i>	122
Мое сердце—родникъ. <i>Полонскаго</i>	1
Молитва. [«Міра заступница, мать всепѣтая.»] <i>Жадовской</i>	337
Молитва. [«О, жизнь! не дай мнѣ никогда.»] <i>Омулевскаго</i>	68
Молитва. [«Она предъ иконой стояла святою.»] <i>Голеннищева-Кутузова</i>	327
Молитва. [«Отцы пустыnnики и жены непорочны.»] <i>Пушкина</i>	337
Молитва. [«Я мать Божія, нынѣ съ молитвою.»] <i>Лермонтова</i>	338

Монологъ. [«Да будетъ проклятъ краткій мигъ»].	
<i>Черниговца</i>	39
Море. [«Я видѣлъ море—я измѣрилъ.»] <i>Поле-</i>	
<i>жаева</i>	226
Муза богиня Олимпа. <i>Майкова</i>	2
Мухи. [«Мухи, какъ черныя мысли.»] <i>Апук-</i>	
<i>тина</i>	45
Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ. <i>Жем-</i>	
<i>чужникова</i>	78
Надежда. [«Мой духъ, довѣренность къ Творцу.»]	
<i>Батюшкова</i>	332
Надъ грудой пыльныхъ книгъ. <i>Фофанова</i> . . .	10
Надъ свѣжей могилой. [«Я вновь одинъ — и	
вновь кругомъ»]. <i>Надсона</i>	313
На закатѣ. [«Мы жить еще хотимъ.»] <i>Михай-</i>	
<i>ловскаго</i>	53
На зарѣ ты ее не буди. <i>Шеншина (Фета)</i> . .	139
На кладбищѣ. [«Сквозь деревья освѣщаются гроб-	
ницы.»] <i>Жемчужникова</i>	309
На могилѣ. [«Сто лѣтъ пройдетъ, сто лѣтъ; за-	
бытая могила.»] <i>Полонскаго</i>	315
На рѣкѣ. [«Надъ зеркаломъ безмолвныхъ водъ.»]	
<i>Величко</i>	269
На сѣверѣ туманномъ и печальномъ. <i>Огарева</i> .	190
На сердцѣ злоба накипѣла. <i>Плещеева</i> . . .	17
На холмахъ Грузіи ночная мгла легла. <i>Пушкина</i>	186

Нашъ вѣкъ. [«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни.»] <i>Тютчева</i>	323
Небо. [«Я неба не пойму: покровъ его туманный.»] <i>Андреевскаго</i>	223
Не говори: любовь пройдетъ. <i>Дельвига</i>	146
Не говорите мнѣ! онъ умеръ—онъ живетъ. <i>Надсона</i>	315
Не гулъ молвы прошелъ въ народъ. <i>Тютчева</i> .	216
Не дорого цѣню я громкія права. <i>Пушкина</i> .	81
Не думала-ли ты, что, бѣдный и безмолвный. <i>Мерзковскаго</i>	173
Не зови меня безстрастной. <i>Жадовской</i> . . .	106
Не остывшая отъ зною. <i>Тютчева</i>	268
Не пѣнится море, не плещетъ волна. <i>Толстого</i>	231
Не то, что мните вы, природа. <i>Тютчева</i> . .	221
Неясныя думы томятъ. <i>Чюминой</i>	182
Нива. [«По нивѣ прохожу я узкою межей.»] <i>Майкова</i>	250
Новый Завѣтъ. [«Измученный жизнью суровой»]. <i>Никитина</i>	336
Ночи безумныя, ночи безсонныя. <i>Апухтина</i> .	165
Ночь. [«Успѣли мы всѣмъ насладиться.»] <i>Некрасова</i>	202
Ночь. [«О, ночь безлунная, ночь теплая, нѣмая.»] <i>Тургенева</i>	273
Ночь нисходитъ на міръ полусонный. <i>П. Козлова</i>	243

Ночь тихо обняла полупрозрачной тьмою. <i>Пальмина</i>	272
Ночью вешней. [«Мѣсяць мостъ золотой перекинулъ.»] <i>Мартова</i>	241
Нѣтъ, легче мнѣ думать, что ты умерла. <i>Надсона</i>	158
Нѣтъ, мнѣ не вѣрится, что мы воспоминанья. <i>К. Р.</i>	317
Нѣтъ, не зови меня. <i>Фофанова</i>	186
Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю. <i>Лермонтова</i>	185
О, въ этотъ мигъ, когда весь міръ ликуетъ. <i>Крестовскаго</i>	331
Оглянусь ли кругомъ—какъ во мракѣ нѣчномъ. <i>Чюминой</i>	29
О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной. <i>Шеншина (Фета)</i>	154
О, какъ убійственно мы любимъ. <i>Тютчева</i>	167
Она была рабой твоей. <i>Кичеева</i>	179
Она никогда его не любила. <i>Огарева</i>	179
О, не пытайся духъ унять тревожный. <i>Толстого</i>	316
Онъ близокъ, близокъ день свиданья. <i>Баратынскаго</i>	172
Онъ снесъ ударъ судьбы суровой. <i>Майкова</i>	175
Онъ шелъ безропотно, тернистою дорогой. <i>Плещеева</i>	328

Оправданіе. [«Когда одни воспоминанья.»] <i>Дер-</i> <i>монтова</i>	169
Опустилась тихо ночь благоуханная. <i>Величко</i> .	267
Орелъ. [«Высоко ты гнѣздо поставилъ.»] <i>Хомя-</i> <i>кова</i>	211
О родъ людской! побойся Божьей кары. <i>Мона-</i> <i>стырскаго</i>	326
Осенью. [«Бури осеннія, бури безплодные.»] <i>Медвѣдскаго</i>	284
Осенній вечеръ. [«Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ.»] <i>Тютчева</i>	280
Осенніе листья. [«Кончалось лѣто. Астры отцвѣ- <i>тали.»</i>] <i>Апухтина</i>	278
Осень! Обсыпается нашъ бѣдный садъ. <i>Толстого.</i>	277
Отвѣтъ. [«Мы близки другъ другу...»] <i>Пле-</i> <i>щеева</i>	157
Отрава горькая слезы. <i>Тургенева</i>	162
Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ. <i>И. Коз-</i> <i>лова</i>	223
Отцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ. <i>К. Р.</i> .	250
Отче нашъ. [«Отче нашъ! Богъ, въ небесахъ оби- <i>тающій.»</i>] <i>Фофанова</i>	339
Отчизна. [«Природа скудная родимой стороны.»] <i>Плещеева</i>	193
Охлажденіе. [«Мучительно слѣдить за медлен- <i>ной утратой.»</i>] <i>Одоевскаго</i>	155

Первое января. [«Какъ часто, пестрою толпою окружень.»] <i>Лермонтова</i>	19
Передъ бурей. [«Умаялся вѣтеръ; зловѣщая тишь.»] <i>Величко</i>	254
Передъ зарею. [«Не тревожься, не дремлющій другъ.»] <i>Минскаго</i>	74
Перестань, милый другъ, свое сердце пугать. <i>Никитина</i>	141
Песокъ сыпучій по колѣни. <i>Тютчева</i>	264
Пловецъ [«Нелюдимо наше море.»] <i>Языкова</i> .	76
По деревьямъ по кудрявымъ. <i>Черниовца</i> . .	276
Подъ душистою вѣтвью сирени. <i>Крестовскаго</i> .	177
Нодъ небомъ голубымъ страны своей родной. <i>Пушкина</i>	176
Подъ чуждой властью знойной выюги. <i>Соловьева</i> .	72
По ковру изъ желтыхъ листьевъ. <i>Черниовца</i> .	289
Полдень. [«Полуднемъ жаркимъ ухожу я.»] <i>Огарева</i>	249
Полунощница. [«Гори лампада!.. озаряй.»] <i>Рос- топчиной</i>	335
Помнишь лѣтнюю ночь. <i>Андреевскаго</i>	138
Помнишь — мы не ждали ни дождя, ни грома. <i>Майкова</i>	131
Помнишь ты, пылало небо. <i>Уманова-Каплу- новскаго</i>	125
Порой, когда нашъ разговоръ. <i>Величко</i> . . .	147

Порой, среди толпы ликующей и праздной.	
Гр. Голеннищева-Кутузова	49
Послѣдній лучъ. [«Душа моя нѣжна. Возлюб- ленная, гдѣ ты.»] Ковалевскаго.	132
Послѣдняя борьба. [«Надо мною буря выла.»] Кольцова	333
Послѣ молитвы. [«Въ младенческіе дни слѣпого безсознанья.»] Ростопчиной	61
Послѣ солнца чарующей ласки. Курочкина .	280
Похороны. [«Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зер- кальной.»] Надсона.	306
Поцѣлуй. [«И разсудокъ, и сердце, и память губя.»] Полонскаго	185
Почему. [«Съ тѣхъ поръ, какъ міръ живетъ.»] Жемчужникова.	51
Пошли Господь свою отраду. Тютчева . . .	52
Поэзія. [«Какъ я давно поэзію оставилъ!»] Кн. Одоевскаго	4
Поэзія. [«Пока у алтаря, въ день свѣтлый воскресенья.»] Полонскаго	11
Праздникъ жизни — молодости годы. Некра- сова	3
Прекрасенъ жизни бредъ; волшебны и богаты. Гр. Голеннищева-Кутузова	300
Приговоръ. [«Еще когда передъ святыней.»] Андреева	101

Призраки. [«Старинные знакомые мотивы.»]	
<i>Плещеева.</i>	69
Призывъ. [«Ужъ утро свѣжее дыханье.»] <i>Май-</i>	
<i>кова</i>	239
Примѣты осени. [«Мелькаетъ желтый листъ на	
зелени деревь.»] <i>Грекова.</i>	275
Примѣты. [«Пока челоѡвѣкъ естества не пы-	
талъ.»] <i>Баратынскаго.</i>	222
Природа челоѡвѣку. [«Если ты, переживъ свое	
счастье.»] <i>Яхонтова</i>	291
Пришла весна, и душу тянетъ. <i>Черниговца.</i>	237
Пришли и стали тѣни ночи. <i>Полонскаго.</i>	134
Проклятiе. [«Я вижу, смерть близка.»] <i>Губера.</i>	43
Пронеслася гроза стороною. <i>Яхонтова</i>	256
Прости. [«Въ мiръ очарованный прозрѣть.»] <i>Яхон-</i>	
<i>това</i>	161
Прости! [«Не помни дней паденья.»] <i>Некрасова.</i>	159
Прости! [«Покорень волѣ рока.»] <i>Григорьева.</i>	159
Пускай нѣмѣетъ скорбь. <i>Кн. Ухтомскаго</i>	71
Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово. <i>Аксакова.</i>	41
Пѣсня. [«Взгляни, мой другъ, по небу голубому.»]	
<i>Красова</i>	166
Пѣсня. [«Доброй ночи!» ты сказала.»] <i>Плещеева.</i>	123
Разбиты всѣ привязанности, разумъ. <i>Некрасо-</i>	
<i>сова</i>	181
Развернулось предо мною. <i>Вейнберга</i>	229

Разлука. [«Разстались мы; на мигъ очарованья- емъ.»] <i>Баратынскаго</i>	163
Разсвѣтъ. [«Я помню часъ: надъ степью неогляд- ной.»] <i>Крестовскаго</i>	260
Разсвѣтъ далекъ. Еще въ молчаньи темномъ. <i>Гр. Голеннищева-Кутузова</i>	300
Разстались мы; но твой портретъ. <i>Лермонтова</i> .	170
Разувѣреніе. [«Не искушай меня безъ нужды.»] <i>Баратынскаго</i>	172
Requiem. [«Не плачьте надъ трупами павшихъ борцевъ.»] <i>Пальмина</i>	314
Родина. [«Какъ мать свою, которая меня.»] <i>Ми- наева</i>	205
Родина. «Люблю отчизну я, но странною лю- бовью». <i>Лермонтова</i>	196
Родина. [«Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки.»] <i>Плещеева</i>	195
Родная земля. [«Быть можетъ, ты и правъ.»] <i>Круглова</i>	194
Родной корабль, засѣвшій на мели. <i>Яхонтова</i> .	208
Россіи. [«Гордись! Тебѣ льстецы сказали!»] <i>Хо- мякова</i>	209
Россіи. [«Тебя призывалъ на брань святую.»] <i>Хо- мякова</i>	216
Румяная ночь. [«Заря не остыла на небѣ.»] <i>Фо- фанова</i>	242

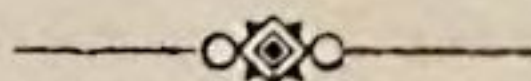
Свободное слово. [«Ты чудо изъ божьихъ чудесъ.»]	
<i>К. Аксакова</i>	5
Свой строгій судъ остановивъ. <i>И. Акса-</i>	
<i>кова</i>	63
Святая душа покидала земныя селенья. <i>Фофа-</i>	
<i>нова</i>	318
«Священный благовѣстъ торжественно звучить».	
<i>Полонскаго</i>	323
Сегодня я съ вами пирую, друзья. <i>Дельвига</i> .	295
Сердце и умъ. [«Со взоромъ свѣтлыхъ глазъ, съ	
косою бѣлокурой.»] <i>Чюминой</i>	183
Слеза дрожить въ твоёмъ ревнивомъ взорѣ. <i>Тол-</i>	
<i>стого</i>	156
Слеза. [«Слезы людскія, слезы людскія.»] <i>Тют-</i>	
<i>чева</i>	15
Слышу ли голосъ твой. <i>Лермонтова</i>	120
Смерть. [«Кончено. Нѣтъ ея. Время тревожное.»]	
<i>Жемчужникова</i>	302
Смерть малютки. [«Свою куклу раздѣла малют-	
ка.»] <i>Полонскаго</i>	304
Смотрю на твой портретъ въ какомъ-то обаяньи.	
<i>Грекова</i>	171
Снилось мнѣ небо лазурное, чистое. <i>Голени-</i>	
<i>щева-Кутузова</i>	117
Старая книга. [«Книга старинная, книга забы-	
тая.»] <i>Григорьева</i>	9

Степь. [«Ужъ солнце высоко, высоко.»] <i>Розенгейма</i>	225
Стыдливость. [«Я лукаво смотрѣлъ на нее.»] <i>Щербиной</i>	95
Сумерки росисты: садъ душистъ и зеленъ. <i>Фофанова</i>	262
Съ залогомъ славы, но не брэнной. <i>К. Аксакова</i>	212
Съ потухшимъ факелемъ мой геній отметаеть. <i>Мережковского</i>	116
Сѣверъ. [«Люблю тебя, страны моей родной.»] <i>Павлова</i>	197
Такъ жить нельзя! <i>Голенищева-Кутузова</i>	50
Твой скромный видъ таить въ себѣ. <i>Полонскаго</i>	104
Тебѣ одной всѣ чистыя желанья. <i>Карьева</i>	120
Тебя я видѣла во снѣ. <i>К. Р.</i>	140
Теперь не то. [«Ужъ теперь не то, что было прежде.»] <i>Жадовской.</i>	31
Тихій ангелъ. [«Кипѣлъ межъ нами споръ ужасный.»] <i>Добролюбова</i>	98
Тихо все, глядится мѣсяць. <i>Плещеева.</i>	271
Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ. <i>Тютчева.</i>	274
То было раннею весной. <i>Толстого.</i>	129
Только узналъ я тебя. <i>Дельвига</i>	130
Тонетъ луна въ облачкахъ кудреватыхъ. <i>Пальмина.</i>	244

Торжество смерти. [«День цѣлый бой не умол- каеть.»] <i>Голеннищева-Кутузова</i>	307
Тотъ, кто съ вѣчною любовью. <i>Толстаго</i>	331
Три ключа. [«Въ степи мірской, печальной и без- брежной.»] <i>Пушкина</i>	46
Три любви. [«Есть матери любовь, она хранитъ и грѣтъ.»] <i>Ростопчиной</i>	115
Туча. [«Послѣдняя туча разсѣянной бури.»] <i>Пушкина</i>	257
Тучи. [«Тучки небесныя, вѣчные странники.»] <i>Лермонтова</i>	252
Ты всегда хороша несравненно. <i>Некрасова</i>	145
Ты долго-ль будешь за туманомъ. <i>Тютчева</i>	205
Ты мнѣ все. [«Воздуха чистаго въ легкомъ ды- ханіи»]. <i>Бенедиктова</i>	140
Ты скоро меня позабудешь. <i>Жадовской</i>	165
Тѣнь ангела съ величіемъ прошла. <i>Полон- скаго</i>	99
Увы, зачѣмъ она блистаетъ. <i>Пушкина</i>	100
Ужель опять они обманутъ. <i>Розенгейма</i>	218
Ужъ гасли въ комнатахъ огни. <i>Р. К.</i>	128
Умерла моя муза!... <i>Надсона</i>	36
Умомъ Россіи не понять. <i>Тютчева</i>	210
Уныло кроетъ неба просинь. <i>Черниговца</i>	282
Утромъ. [«Въ ранній часъ надъ нивой вѣтеръ прихотливый.»] <i>Буренина</i>	247

Уходишь ты, и сердце въ часъ разлуки. <i>Соловьева</i>	162
Фантазія. [«Мы одни: изъ сада въ стекла оконъ.»]	
<i>Шеншина (Фета)</i>	265
Fortunata. [«Ахъ, люби меня безъ размышленій.»]	
<i>Майкова</i>	105
Хандра. [«Бываютъ дни, когда душа пуста.»]	
<i>Огарева</i>	22
Христось, Христось воскресъ! Воистину воскресъ.	
<i>Розенгейма</i>	203
Царила тьма; чернѣли тучи. <i>И. Козлова</i> . . .	170
Царскосельскій лебедь. [«Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый.»] <i>Жуковскаго</i>	304
Цѣпи. [«Зачѣмъ игрой воображенья.»] <i>Полещаева</i>	27
Чему молилась ты съ любовью. <i>Тютчева</i> . .	107
Черная туча виситъ надъ полями. <i>Апухтина</i>	298
Что за прелесть сегодня погода! <i>Жемчужникова</i>	59
Чѣмъ тоскѣ, я не знаю, помочь... <i>Шеншина (Фета)</i>	242
Что усилья людей? Не легко. <i>Яхонтова</i> . . .	141
Широкою стѣною кругомъ встаютъ валы. <i>Ухтомскаго</i>	228
Шопоть, робкое дыханье. <i>Шеншина (Фета)</i> .	133
Элегія. [«Уноси мою душу въ ту синюю даль.»]	
<i>Фруга</i>	57

Эти бѣдныя селенья. <i>Тютчева.</i>	202
Это не женщина, другъ мой. <i>Фофанова.</i>	112
Эхо. [«Реветь-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ.»]	
<i>Пушкина.</i>	1
Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ.	
<i>Пушкина.</i>	166
Я вижу ясно—ты больна. <i>Уманова-Каплу-</i>	
<i>новскаго</i>	148
Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья.	
<i>Надсона</i>	55
Я знаю—духъ отъ тѣла отлетитъ. <i>Подолин-</i>	
<i>скаго</i>	316
Я люблю, какъ ребенокъ капризный. <i>Крестов-</i>	
<i>скаго.</i>	150
Я люблю тебя такъ оттого. <i>Апухтина</i>	142
Я на тебя гляжу, любясь ежечасно. <i>К. Р.</i> . .	96
Я не скажу тебѣ, какъ жадно. <i>Пальмина</i> . . .	123
Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ. <i>Лермонтова</i> .	48
Я не Тому молюсь, кого едва дерзаетъ. <i>Надсона</i>	330
Я пережилъ свои желанія. <i>Пушкина</i>	25
Я покинулъ кладбище унылое. <i>Некрасова</i> . .	312
Я помню—глубоко. <i>Давыдова</i>	117
Я помню чудное мгновенье. <i>Пушкина.</i>	184
Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ. <i>Шеншина</i>	
<i>(Фета)</i>	240

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ.

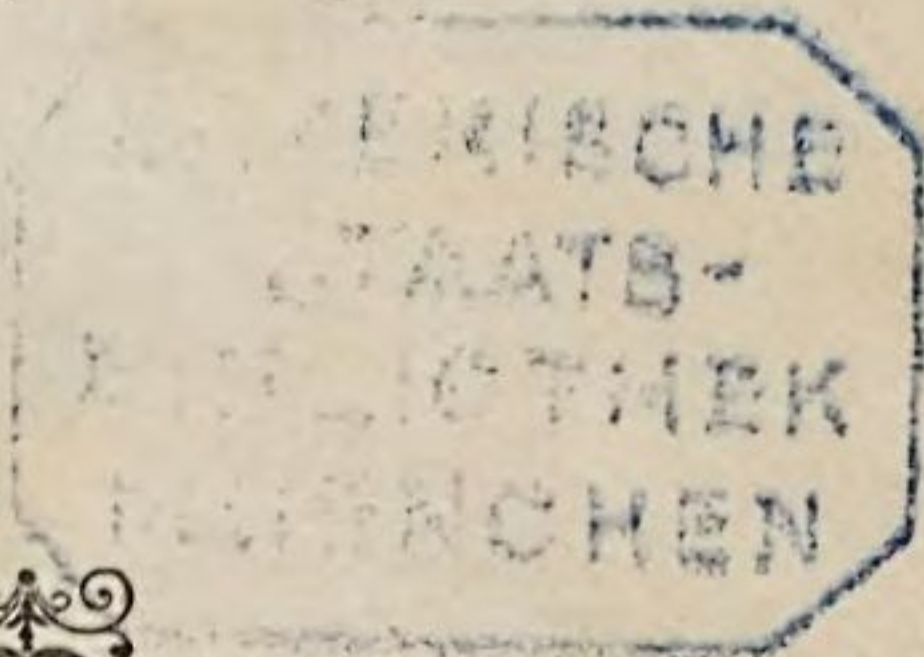
Алмазовъ, Б. Н. 258.
 Аксаковъ, И. С. 41. 63. 65.
 Аксаковъ, К. С. 5. 212.
 Андреевскій, С. А. 138. 223.
 Андреевъ, Ф. 101.
 Апухтинъ, А. Н. 45. 118.
 119. 121. 126. 132. 142.
 165. 278. 298.
 Баратынскій, Е. А. 163.
 172. 222. 235.
 Батюшковъ, К. Н. 332.
 Бенедиктовъ, В. Г. 140.
 328.
 Бергъ, О. Н. 83. 198.
 Буренинъ, В. П. 247.
 Вейнбергъ, П. И. 229.
 Величко, В. Л. 121. 146.
 254. 263. 267. 269.
 Веневитиновъ, Д. В. 80.
 Водовозовъ, В. И. 240.
 Вяземскій, князь П. А. 288.
 Гнѣдичъ, П. П. 232.
 Голенищевъ-Кутузовъ, гр.
 А. А. 7. 49. 50. 117. 127.
 274. 300. 307. 327.
 Грековъ, Н. П. 171. 275.
 Григорьевъ, А. А. 9. 159.
 Гротъ, Я. К. 317.
 Губеръ, Э. И. 43.

Давыдовъ, Д. В. 117.
 Дельвигъ, А. А. 130. 146.
 295.
 Добролюбовъ, Н. А. 84. 98.
 Жадовская, Ю. В. 31. 106.
 165. 247. 337.
 Жемчужниковъ, А. М. 51.
 56. 59. 78. 191. 302.
 309. 324.
 Жуковскій, В. А. 304. 314.
 Карѣвъ, О. 120.
 Кичеевъ, П. И. 179. 235.
 Ковалевскій, М. М. 173.
 Ковалевскій, П. М. 132.
 Козловъ, И. И. 15. 170.
 223. 296.
 Козловъ, П. А. 23. 243.
 Кольцовъ, А. В. 224. 333.
 К. Р., 96. 128. 140. 189.
 248. 250. 317.
 Красовъ, В. И. 166.
 Крестовскій, Вс. В. 150.
 177. 260. 331.
 Кругловъ, А. В. 194.
 Курочкинъ, Н. С. 280.
 Лермонтовъ, М. Ю. 19. 21.
 38. 48. 102. 103. 120.
 169. 170, 185. 196.
 252. 338.

- Майковъ, А. Н. 2. 105. 131. 175. 234. 239. 250. 285.
- Мартовъ (псевд. Михайловъ В. М.) 32. 241.
- Медвѣдскій, К. П. 284.
- Мережковскій, Д. С. 79. 116. 143. 174. 261.
- Минаевъ, Д. Д. 205. 233. 313.
- Минскій, Н. М. 33. 74.
- Михайловскій, Д. А. 53.
- Михайловъ, М. Л. 143.
- Монастырскій А. (псевд. А. А. Поповъ) 326.
- Надсонъ, С. Я. 35. 36. 55. 108. 158. 245. 306. 311. 313. 315. 330.
- Некрасовъ, Н. А. 3. 90. 108. 145. 151. 159. 181. 202. 308. 312. 315. 330.
- Никитинъ, И. С. 85. 141. 301. 336.
- Огаревъ, Н. П. 22. 164. 179. 190. 249.
- Одоевскій, князь А. И. 4. 155.
- Омудевскій (псевд. И. В. Ѳедоровъ) 68.
- Орловскій, Ѳ. В. 26. 97. 149.
- Павловъ, К. Ф. 197.
- Пальминъ, Л. И. 8. 123. 124. 152. 244. 272. 284. 314.
- Плещеевъ, А. Н. 17. 69. 88. 123. 157. 193. 195. 271. 324. 328.
- Подолинскій, А. Н. 17. 24. 47. 60. 316.
- Полежаевъ, А. И. 27. 226.
- Полонскій, Я. П. 1. 11. 99. 104. 134. 185. 200. 304. 315. 323.
- Пушкинъ, А. С. 1. 25. 46. 58. 62. 73. 81. 100. 106. 166. 176. 178. 184. 186. 257. 286. 297. 337.
- Розенгеймъ, М. П. 203. 218. 225.
- Ростопчина, графиня Е. Н. 61. 115. 335.
- Случевскій, К. К. 252.
- Соловьевъ, В. С. 63. 72. 75. 162.
- Суриковъ, И. З. 238. 266.
- Толстой, графъ А. К. 82. 122. 129. 152. 156. 201. 231. 277. 316. 319. 320. 331.
- Тургеневъ, И. С. 162. 255. 273. 283.

Тютчевъ, Ѳ. И. 15. 52. 94.
 96. 107. 164. 167. 202.
 205. 210. 216. 221. 232.
 234. 237. 257. 264. 268.
 274. 280. 302. 323.
 Умановъ-Каплуновскій, В.
 125. 148.
 Ухтомскій, князь Д. Э. 71.
 228.
 Фофановъ, К. М. 10. 112.
 186. 242. 262. 263. 267.
 318. 339.
 Фругъ, С. Г. 57. 87.
 Хомяковъ, А. С. 209. 211.
 215. 216.

Черниговецъ (псевд. Ф. В.
 Вишневскаго). 39. 135.
 206. 237. 276. 282. 289.
 Чюмина (псевд. О. Н. Ми-
 хайловой). 29. 77. 153.
 182. 183.
 Шевченко, Т. 54.
 Шеншинъ (Фетъ, А. А.) 133.
 139. 154. 240. 242. 265.
 Щербина, Н. Ѳ. 93. 95.
 110. 136. 154. 176.
 Языковъ, Н. М. 76. 253.
 Яхонтовъ, А. Н. 141. 161.
 180. 208. 256. 291.

Старинный
Музей
Музей
Авдотин
Милос

Печатня Э. Арнгольда, Литейный просп., 59.

l.
190
223.

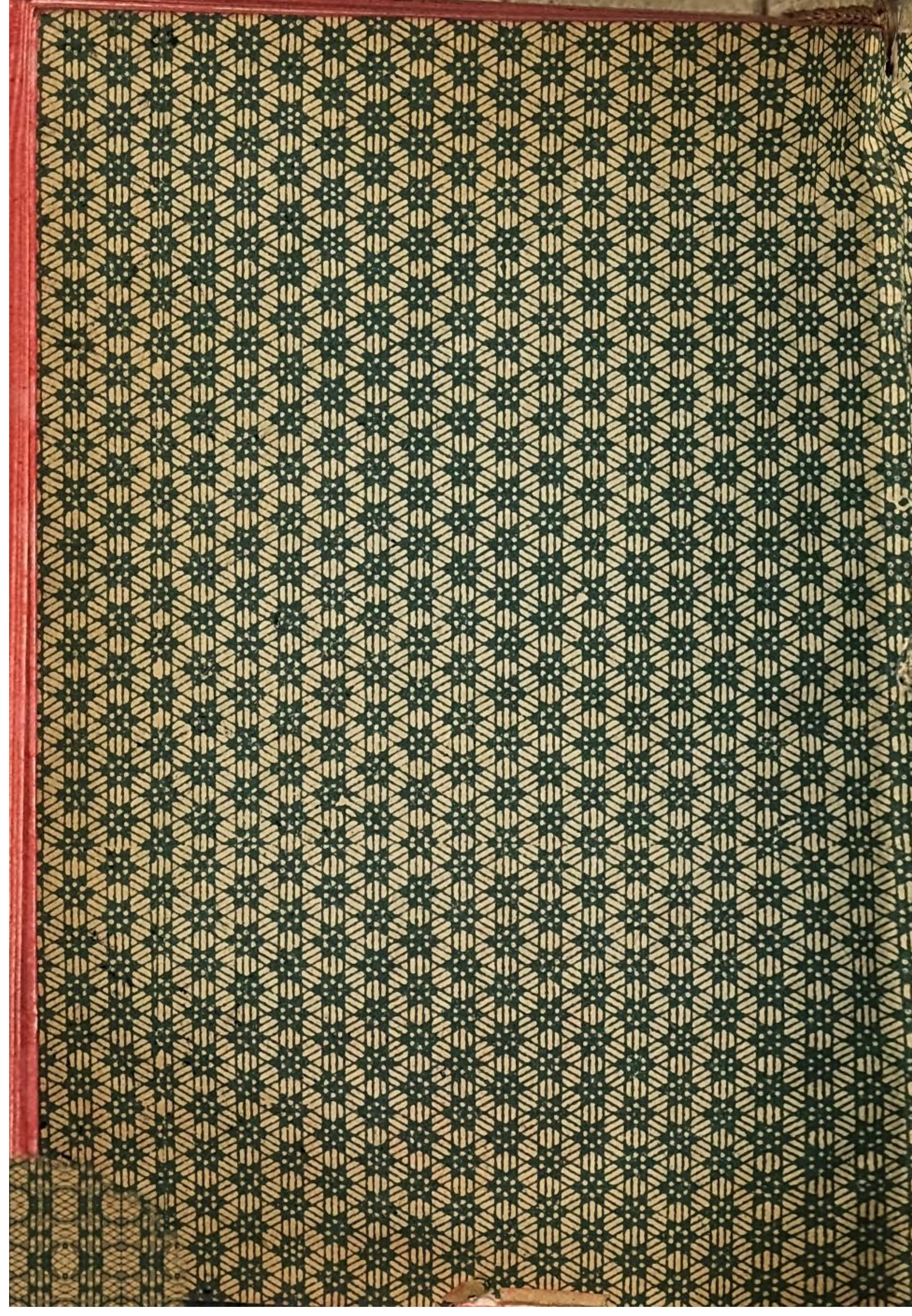
h 120, 119.

79
Muharrir
pogorin

Ex 210

2.221,

5
5
60
68
69
71
70
47
8
8
9

Šljapkin, Il'ja A.

Volna Sbornik russkoj chudožestvennoj liriki, [30 - brannyj] (I. Šljapkinom.)

Petrograd (1893)

P.o.rel. 3448

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11679095-9